

Дорога к
приключениям
вымощена
искушением

Сексуальный
СТУДЕНТ
ПО ОБМЕНУ *2*

С. Э. ХОЛЛ
АНЖЕЛА ГРЕХЕМ

New York Times Bestselling Autor

Когда Эхо Келли приглашают совершить путешествие по всей Великобритании, она тут же хватается за эту возможность, которая выпадает один раз в жизни, отказываясь позволить мимолетному прошлому остановить ее. По крайней мере, это то, в чем она убеждала себя, до того момента пока снова не встречается с ним. Не лучшее время для выяснения отношений, и поэтому ей необходимо подготовиться, чтобы справиться с этим. И что самое интересное — объявление, которое она никогда не видела ... Он — гид. У нее нет никакого запасного плана для этого случая. В тот момент, когда Эхо приняла предложение, Кингстон понял, что это значит. И когда он видит ее, стоящую около своего дома детства, ее судьба предрешена навсегда. Ничего не помешает, наконец-то, заполучить то, что всегда принадлежало ему. Ее. Не каждому дается второй шанс, и Кингстон Хоторн уж точно уверен, что он не упустит его.

С.Э.Холл и Анжела Грехем

Сексуальный студент по обмену. Книга вторая

- ◆ Переводчик: Алекс
- ◆ Редактор: Ирина Духова
- ◆ Обложка: Иришка Котолуп
- ◆ Вычитка: Екатерина Дерескова
- ◆ Специально для группы: Золочевская Ирина || Б. Б. Рейд

— И *никакого* алкоголя, — предупреждает Себастьян тихим шепотом, обнимая меня на прощание.

Я не даю никаких обещаний, продолжая дразнить. — Я достаточно взрослая, чтобы пить в Великобритании, поэтому...

— Эхо, — он прерывает наши объятия и кладет свои руки на мои плечи, его голос по-прежнему тихий, но твердый. — Я бы не тратил последний месяц, помогая убедить нашего отца (самого упрямого, чрезмерно опекающего мужчину во всем мире), чтобы позволить тебе путешествовать по всему миру для того, чтобы ты напилась или еще хуже. Поэтому, пожалуйста, будь благоразумной, надежной сестрой, которой я доверяю. И не делай того, чего бы я ни делал.

Он выгибает одну бровь и посылает мне хитрую мелькающую усмешку. Узнаваемый огонек горит в его глазах. Именно тогда я понимаю, что у меня есть его благословение погулять, пока буду путешествовать по всей Европе ... до тех пор, пока не осознаю, что это просто *забота* старшего брата, и нужно прислушаться к *некоторым* из его советов.

— Я буду беречь себя, — улыбаюсь ему. — И пообещай мне, что ты расскажешь, если Саванна и Клей будут шнырять в округе. Или...

- Остановись, — перебивает он меня. — Ты беспокойся о том, чтобы у тебя хватало места выпрямить ноги во время полета и расправить крылья во время путешествия, а я позабочусь обо всем здесь. Договорились?

Я киваю. — Хорошо.

— Я настаиваю, Эхо. Мы не просто меняемся местами, мы меняемся ролями. Теперь моя очередь, чтобы остаться дома и позаботиться о родителях, Сэмми и «змеях», о которых мы думали, что они заботятся о нас. Теперь твоя очередь жить, младшая сестренка. Не позволяй вводить себя в заблуждение, как это было со мной, тратя время впустую. Просто *живи*.

— Постараюсь, — резко поворачиваю голову, решительно настроившись сдержать обещание, которое дала Себастьяну и себе, а затем смотрю на остальную часть моей семьи.

Я уже провела добрый час, прощаясь со своими родителями и Сэмми, которые стоят в нескольких футах позади, наблюдая. Глаза моей мамы все еще красные от предыдущих слез, но не сдерживающие намека на грусть. Теперь, они заполнены только ярким чувством гордости, смешанным с небольшим оттенком страха, который у нее не получается скрыть.

И выражение лица моего отца мягкое, почти ничего не выдающее, кроме истинной любви. Это удивляет и захватывает, потому что если он не беспокоится, то, как быть тогда мне? Я до сих пор понятия не имею, как моя мама и Себастьян уговорили его позволить мне поехать, но знаю, что буду вечно им благодарна.

— Я люблю тебя и клянусь, что буду звонить как можно чаще, — говорю я своим родителям, прежде чем забрать свою сумку у Себастьяна.

Когда я готовлюсь сделать шаг к линии безопасности, Себастьян говорит окончательное предложение, пугающее сообщение.

- Кингстон не так уж и плох, Эхо. Каждый совершает косяки однажды, но иногда они идут на пользу. Так же, как иногда ты думаешь, что знаешь человека, и оказывается, что ты была не права... Или, может быть, ты была права все время.

Его слов достаточно, чтобы заставить меня испытать головокружение. *Откуда это взялось, и зачем вспоминать прямо сейчас, когда я буквально одной ногой в самолете?*

Я не слышала имя Кингстона уже шесть месяцев. И несмотря на цветы, доставленные на мой день рождения, и билет на мой выпускной, я думала, что он исчез с моего радара, или я с его. Не говоря уже о том, что мне сообщили об его отсутствии на этой летней поездке.

Так почему же мой брат выбрал разбрасываться загадками? Словами, которые, возможно, имеют глубокий смысл, если бы он говорил на простом, понятном языке. Об этом я не знаю, и счастлива по этому поводу.

— Что? — все, что я могу сказать в ответ, мое лицо выражает смятение.

Себастьян смеется над моей гримасой, которая мне хорошо известна, пожимая при этом плечами. — Просто не забывай об этом.

— Эхо, лучше встать в очередь, — говорит моя мама, и мне интересно, слышала ли она финальный, импровизированный разговор между братом и мной. — До твоего вылета осталось меньше часа, дорогая.

— Хорошо, — отвечаю я. Смотрю на нее, затем поворачиваю голову обратно к Себастьяну. — Ты говорил с ним? Я с ним увижусь? Я не хочу этого! — шиплю я.

Он улыбается. — Ты просто должна довериться мне. Теперь иди, повеселись и убедись, что сможешь привезти Сэмми лучший сувенир, чем я. Я безнадежен в покупках, — он сжимает мою руку. — Люблю тебя.

Он отстраняется, когда приближающаяся линия безопасности достигает меня, забирая нетерпеливых путешественников, ударяющихся об мои ноги.

— Удачи! — кричит Сэмми.

Я машу и поворачиваюсь, чтобы присоединиться к очереди, убеждая себя, что мой отец никогда бы не разрешил эту поездку, если Кингстон был бы ее частью. Жерар Хоторн и мой папа стали друзьями, там было доверие, но не *настолько* сильное.

Возможно, мой брат сказал слова, чтобы точно описать ситуацию, но это не было нормальным советом. Себастьян говорил, опираясь на его философский опыт, подтверждая характер Кингстона. Я знаю, мой брат и он не догадывались о чем-то подобном, особенно после того, через что мы прошли с двумя «друзьями», чьи характеры, как мы думали, знаем.

А что если он разговаривал с Кингстоном? Когда? Они виделись друг с другом, когда Кингстон вернулся в Лондон?

Так много вопросов без ответов проносятся в моей голове, пока я в нервном ожидании передаю свой билет и паспорт на проверку.

Да кого я обманываю? Как обычно, навывдумываю всякое в своей голове, раздувая до невероятных масштабов, чем оно есть на самом деле, рискуя провести это лето, ломая голову. Кингстон и я провели всего два месяца, живя рядом друг с другом, и редко разговаривали в течение половины этого времени. Кого заботит, если я увижу его? Не думаю, что этот короткий кусок нашего проведенного времени, что-то значил для него.

Я бросаю свою сумку на конвейерную ленту и, наконец, позволяю себе непринужденно улыбнуться. Мое будущее — исследовать целый мир, а Кингстон Хоторн не что иное, как часть небольшого прошлого.

Глава 1

Я просыпаюсь, хватая воздух от неожиданности. Сбрасывание самолетом высоты, превращается в классический клубок у меня в желудке, пока мы начинаем наше приземление в аэропорте Хитроу.

Молчаливо зевая, улыбаюсь, радуясь, что снотворные таблетки, которые я теперь принимаю каждую ночь, оказались стоящими на мой первый международный рейс. *Спала как ребенок.*

— Похожа на мертвеца, если спросишь меня.

Моя голова резко поворачивается влево. Взгляд проходит мимо свободного центрального места и устремляется на парня, сидящего в конце нашего ряда, который смотрит на меня. *Я что сказала последнюю фразу вслух?*

— Извините? — Я нарочно спросила вслух прямо сейчас.

— Мы попали в довольно сильную турбулентность пару часов назад, и ты даже не шелохнулась. Если не считать твоего храпа, я начал переживать, — он улыбается, а затем возвращает свое внимание к просмотру фильма перед ним.

— Я не храплю, — утверждаю я, наблюдая, как его губы ползут вверх. — И разве тебе не нужны наушники, чтобы слушать фильм?

— Неа, твой храп был милым. Не хотел пропустить его, — он смотрит на меня, ухмыляясь, в то время, как мои щеки краснеют.

— Seriously, никто никогда не говорил мне раньше, что храплю, поэтому я называю это фигней. Думаю, тебе просто померещилось, — я заправляю часть волос себе за ухо, отметив, что мой голос намного дружелюбнее, чем я ожидала. *Я что флиртую?*

Быстро опускаю взгляд, внезапно испытывая неуверенность в себе, не говоря уже о продолжении флирта.

Парень выглядит примерно моего возраста. У него теплая, дружелюбная улыбка — и по тому, как он сел, я могу сказать, что у него тело, словно у американского футболиста. Его широкие плечи выходили за пределы его сиденья, и его футболка, пытающаяся со всех сил удержать накаченные бицепсы. Он выглядит немного пугающим на первый взгляд, но есть что-то и милое в нем.

Поэтому, да, возможно, я все-таки *флиртвала* с ним ... немножко. Это заставляет меня осознать, что меня на самом деле волнует, говорил ли он правду. *Так, когда я храпела? Возможно ли, что это побочный эффект снотворного?*

Его ответ получается милым, с нотками игривости, которые я легко воспринимаю.

— Возможно, они просто не хотели ранить твои чувства?

Я на самом деле начинаю *хихикать* за кратчайшие секунды. — Но у тебя нет с этим проблем?

— Очевидно, что нет. Будучи незнакомцами, общение становится проще.

— В этом есть логика. Ну, я Эхо... больше не незнакомцы.

Я едва не позволяю своему мозгу вернуться в то время, когда в последний раз встретила с «незнакомцем» (*и хриплые, непристойные слова, которые он прошептал в темноте*), но тут же запикиваю эти мысли куда подальше.

— Так, — начинаю я, откашливаясь, меняя тему, — не стесняйся избавить меня от каких-либо других унизительных замечаний.

— Эхо, — повторяет он, его глаза сверкают. — Уникальное имя... мне это нравится. Поэтому, это означает, что я вероятно не должен упоминать о тихом фыркanye, который слышал тоже?

Он смеется — не удивительно, потому что мое лицо стало просто вялым.

— Шучу, — он вскидывает руки. — И храп был едва заметным, но, как я уже сказал, очень даже милым.

— Эм... спасибо, — бубню я, мое выражение лица натянуто с долей смущения. — Так, у *тебя* есть имя?

Он открывает рот, чтобы ответить, в это время колеса самолета касаются земли. Я инстинктивно хватаюсь руками за свое сиденье и смотрю в окно, отказываясь пропустить мое первое приземление туда, где я сейчас нахожусь — Лондон. Земля Кингстона.

Мое сердце сжимается от мысли, второй мысли в водовороте всего лишь за несколько последних минут.

— Паттон.

Я слышу хриплый ответ, и поворачиваюсь к милому парню, о котором я с легкостью забыла, думая о Кингстоне и возможной встречи с ним. *Это не к добру.*

— Паттон Дженнингс. Рад познакомиться с тобой, Эхо.

Он протягивает руку, они такие длинные, что он даже не вытягивает их полностью через пустое сиденье. И в отличие от Кингстона, он держит свои губы при себе и просто пожимает руку, когда я помещаю свою ладонь в его.

— Мне тоже приятно познакомиться с тобой, — я начинаю доставать свои вещи из-под сиденья, когда мы останавливаемся полностью, стремясь на свежий воздух. — Надеюсь, ты повеселишься в этом путешествии.

— Взаимно. Это твой первый раз в Европе?

— Ага. А у тебя?

— Я был однажды с моими родителями, но мне было всего двенадцать. В этот раз все будет *очень* по-другому, — говорит он с возбуждением в голосе, пока мы сидим и ждем, чтобы высадиться из самолета.

Когда дверь открывается, и очередь начинает движение, он снова поворачивается ко мне, в этот раз, хмуря свой лоб.

— Знаю, возможно, это покажется странным, но... если ты пробудешь в городе какое-то время, может быть, я смог бы увидеть тебя снова?

— О, эм... — я опускаю взгляд в пол, внезапно находя интерес в своих наушниках, обернутых вокруг правой руки. — Спасибо, но я не останусь в Лондоне надолго, и я здесь, чтобы повеселиться.

— И ты не думаешь, что я веселый? — он усмехается. — Ауч.

— Что? — мои глаза смотрят в его. — Нет, я не имела виду...

— Я понял, — он улыбается, когда проход становится свободным для него. — Было очень приятно, Эхо.

Я по-прежнему неловко молчу, делая вид, что он не прямо передо мной, когда мы медленно идем от самолета и через тоннель, и я исчезаю в женском туалете, как только вхожу в аэропорт.

Я быстро чищу зубы — обязательно, после любого долгого сна. Затем принимаюсь за мои отросшие волосы, пользуясь моментом, чтобы расчесать их.

Я наконец-то привыкла к своему новому образу. Он другой, так же как и я, и не имеет абсолютно ничего общего с тем, кто однажды сказал вслух, что мои волосы выглядят длиннее. Я в любом случае не могла тренироваться из-за моей сломанной руки, поэтому я решила, почему бы и нет?

К тому же, как только гипс был снят, мои волосы уже хорошенько отросли и прятались за уши, поэтому я решила оставить их. Теперь, когда по плечи, их можно свободно завязывать в конский хвостик, нет никакого смысла торопиться обрезать их снова.

По крайней мере, это то, что я говорю себе.

Я следую к выдаче багажа и вижу Паттона там. Нет никакой причины чувствовать себя неудобно за то, что оскорбила его, но я не стала рисковать и встала на расстоянии в противоположной стороне, прячась за большой семьей, пока ждала свою сумку. Трудно не заметить: огромного «камуфляжного монстра», способного уместить все предметы первой необходимости, в которых я буду нуждаться в течение следующих трех недель.

Она уродлива, как грех. Но я люблю ее, потому что мой папа пошел и взял ее из компании охотничьих поставок лично для меня.

Я забираю сумку с ленты настолько быстро, насколько это возможно, учитывая, что она весит гораздо больше меня, и стремглав иду к главному входу точно так, как было сказано в письме, которое получила.

Как только я замечаю свое имя среди многих других табличек, поднятых вверх, начинаю идти в сторону этого человека и понимаю, что он держит вторую табличку в другой руке. Я сглатываю, не понимая, правильно ли прочитала.

Этого не может быть. Я умею читать... Я просто не знаю, как переварить эту новую информацию.

— Похоже, мы будем видеться гораздо чаще друг с другом, Эхо, — говорит Паттон. Он сейчас стоит около меня, со стороны таблички с его именем. — Надеюсь, я достаточно повеселю тебя.

Он проходит мимо, и у меня нет выбора, кроме как следовать за ним, чувствуя себя полной задницей, пока мы ожидаем такси. Водитель представляется и приветствует нас, а затем открывает дверь с легким поклоном и сообщает, что мы ожидаем другую группу приземлившихся туристов.

Внутри автомобиля душно и чертовски неловко сидеть друг напротив друга. Поэтому с облегчением замечаю Паттона, возящегося с пультом управления, чтобы включить кондиционер, его глаза были не на мне. Я отвлекаю себя, глядя на свой телефон, который откопала.

Я: Приземлилась. Не могу позвонить. Нет уединенности. Но скажи маме и папе, что я в лимузине.

Себ: Лимузин? Блин, все, что я получил, был простой городской автомобиль! И тут я подумал, что Джерард меня сильно любит.

Я: Думаю, это потому, что нас тут группа?

Себ: Возможно. Ты научилась ладить с людьми так быстро?

Я смотрю на Паттона. Его тело напряжено и повернуто к окну, которое тонировано даже с внутренней стороны, так что он обманывает, делая вид, что смотрит в него.

Я: Ты же знаешь меня. Всегда душа компании.

Себ: Посмеялся на славу. Хорошо. Ну, мы любим тебя. Рад, что ты себя бережешь.

Я: Люблю всех вас тоже. Поговорим позже.

После того как я прячу телефон обратно в карман, решаю, что стоит попробовать снять напряжение, лучше раньше, чем позже.

— Итак, ты тоже в этом путешествии, — говорю я, пытаюсь быть дружелюбной, но мотив совершенно очевидный, и в результате звучит как полный идиотизм.

— Я нахожусь в той же машине, что и ты, поэтому, как ты думаешь?

Он пытается наградить меня саркастической усмешкой, но просто не может; чувство вины появляется на его лице. Он вздыхает, когда наливает стакан воды из самой странной бутылки, которую я когда-либо видела, а затем снова отворачивается к окну. *По-прежнему очень тонированное.*

— Короче, — говорю я, вздыхая как он, — Мне очень жаль, если я была груба раньше. Я нервничала. Никогда не путешествовала в одиночку, и действительно не знаю тебя. Может ты опасный незнакомец, который преследует меня. Это своего рода оксюморон, я знаю. Зачем приезжать на новое место, если не хочешь познакомиться с новыми людьми? И я делаю это, просто... мне требуется некоторое время, чтобы освоиться. Надеюсь, ты дашь мне его. Я, правда, не хочу странностей между нами.

— Эхо, — он смотрит на меня и резко подается вперед на своем месте. — Между нами все хорошо, на самом деле. Я рискнул, и ты оказалась незаинтересованной, но ты не можешь обвинять парня за то, что он разочарован. Все хорошо. Я немножко дуюсь.

— А теперь скажи мне, — продолжает он, искренне улыбаясь, — откуда ты, и о чем было твое эссе? Если ты не против поделиться?

— Нет, совсем нет, — я душу большой вздох облегчения, который так хочу издать. — Я из Келли Спрингс ...

— Девушка с провинции, да? — прерывает он.

— Ты знаешь, где это? — выдаю я, приятно удивившись.

— Да, около двух часов езды к северу от меня. У них там внушительное воздушно-акробатическое шоу.

Это оживляет меня. — Ты видел шоу?

— Конечно. Пару раз, на самом деле, с моей семьей. Ты тоже там была, полагаю?

— Я, эм... моя семья — его создатели. Я — Эхо Келли.

— В самом деле? — Он выглядит впечатленным. — Я имею в виду, что увидел твое имя на карточке водителя, которую он держал в руках, но никогда бы не подумал об этом, пока ты не рассказала, откуда родом. Думаю, мир, на самом деле, тесен, в конце концов, — он качает головой, все еще выглядит ошеломленным. — Ты выступаешь?

— По большому счету, да, так как я достаточно взрослая, чтобы вспомнить. Или лезть, — смеюсь я.

— Потрясно! Понятно тогда, почему мы оказались на одном и том же самолете — вероятно стыковочный рейс. Эй, так что, ты знаешь о девушке с реально короткими волосами, которая крутит обруч? Я видел ее выступление около полутора лет назад и до сих пор ловлю себя на мысли о ней время от времени. Она родилась, чтобы быть там.

Все мое тело краснеет. — Да, я ее знаю. Она, эм... ну... это я.

— Офигеть, — его глаза расширяются, а затем медленно разглядывает всю меня, словно стал видеть в новом свете. — Ну, считай меня полностью пораженным и *очень* разочарованным тем, что ты отклонила мое предложение.

— Ох, — добавляет он со смехом, — и мы даже пережили смущение раньше, что касается твоего храпа. Потому как уверен, я только что признался, что иногда думаю о тебе.

Когда я опускаю голову, не находя ответа, как правильно реагировать, он начинает потирать мое колено.

— Я шучу. Ну, не совсем, но серьезно, мы хороши. И прекратим говорить о моей фантазии. О чем было твое эссе, чтобы оказаться здесь? Я писал о своей сорвавшейся стипендии, потому что мой средний бал снизился, когда отец заболел. Теперь с ним все хорошо, и он был тем, на самом деле, кто нашел информацию об Организации Миранды Хоторн. Провести несколько недель в Европе было именно то, что мне нужно было, прежде чем получить работу, чтобы накопить на колледж.

— Я сожалею о твоём отце. Я рада, что он в порядке.

— Да, я тоже. Итак, твое эссе, — настаивает он. — Ты собираешься рассказать или это личное?

Я корчу рожицу, переживая, что же ответить. Я никогда не писала эссе, и даже не знаю не одно требования.

Но прежде, чем нахожу оправдание или признаю правду, дверь открывается, и внутрь садятся две девушки и один парень, все приблизительно моего возраста. Я надеюсь, что это последняя часть нашей группы, потому как пяти тел вполне достаточно для моего уровня комфорта.

— Приветик! — кричит веселая блондинка пронзительно, прежде чем приступает к представлению своей группы людей, которые, кажется, быстро подружились во время полета.

Я выдавливаю дружелюбную улыбку, ту, которая возвращается с подмеченным «Привет». И также как в кругу друзей моей средней школы, вдруг чувствую себя совершенно неуместной.

Вскоре мы подъезжаем к имению Хоторнов. Все мое тело находится на пределе. С нервной, но недрогнувшей улыбкой на своем встревоженном лице, я напрягаю зрение сквозь затемненные стекла и сравниваю проходящее мимо с тем, что видела на сайтах, а не принимаю участие в беседе, наполненной хихиканьями.

Не то, чтобы не *слушаю*. Оказывается, каждый должен был написать эссе, чтобы попасть сюда, но, пока, меня никто не спросил о моем снове.

Я только слушаю одним ухом, пока не упоминают *его* имя.

— Я уже рассказывала Бриджет в полете, что была частью всего этого в прошлом году, но только в течение первой недели, — дуется блондинка-лидер, Джеки, поясняя. — Моя тетка скончалась, поэтому мне пришлось вернуться домой, но они разрешили мне вернуться в этом году, и я надеюсь, что получу шанс снова увидеть Кингстона.

— Я слышала, он горяч, — подхватывает Бриджет.

— Боже мой, он великолепен! — отвечает Джеки. — В прошлом году он пробыл только пару дней, но этого было достаточно для всех девушек, чтобы начать охотиться на него. Я хотела поговорить с ним в социальной сети однажды, но он был занят.

— Итак, что же этот парень Кингстон делает? — спрашивает Паттон.

— Все, что сделает девушку счастливой. — *Неужели она всерьез сказала это?* — Он

такой очаровашка. И я узнала слишком поздно, что он был в Штатах в прошлом году. Хотела бы его увидеть. Я бы встретила с ним где угодно, но что-то случилось, и он был вынужден прервать свое пребывание там. Как я поняла, он не очень-то этим наслаждался, и не планирует возвращаться туда в скором времени.

Он не наслаждался своим пребыванием?

Я бы сказала, что это слишком резко, убийственный удар ножом в живот. Честно говоря, не удивлена, но до сих пор чертовски больно слышать такое.

Глава 2

- Добрый день, мисс Келли, — приветствуют меня, как только переступаю через порог потрясающей двухстворчатой двери.

— Здравствуйте, — отвечаю я человеку, протягивая свою руку.

Не понимаю, откуда он знает мое имя, и как я выгляжу, но он кажется довольно-таки дружелюбным, чтобы спрашивать. Я бы предположила, что он хочет пожать или поцеловать мою руку, но по тому, как он то и дело пялится на меня, уничтожает оба варианта. Я оглядываюсь туда-обратно, наблюдая за его тревожным выражением лица, с ожидающей рукой, не зная, чего он хочет.

— Ваша сумка, — объясняет он.

— О! Конечно.

Я передаю ему ее и наблюдаю, как он подходит к другой девушке и делает то же самое: забирает ее вещи, но уже без приветствия, как было со мной.

Не уверена, что он самый лучший дворецкий, но я осмеливаюсь все же спросить его.

— Простите, вы не знаете, где мы остановимся сегодня вечером? В программе не было указано никакой информации об отеле.

— Здесь. Вам покажут вашу комнату после обеда.

Другой человек появляется и открывает вторую дверь, и все быстро заходят внутрь, желая увидеть, что же будет дальше. *И убраться подальше от пугающего парня, я уверена.*

Но, несмотря на мой общий страх перед «Мистером Личностью», я полная противоположность группе. Я останавливаюсь, чтобы осмотреться вокруг. Интересно, здесь ли вырос Кингстон, бегал ли он по этому холлу, когда был ребенком? И больше всего на свете, я нервно размышляю о том, появится ли он здесь в какой-нибудь момент.

Мои шаги твердые, а ладони потные, когда я вхожу в большую гостиную. Потолки высокие и могут похвастаться несколькими люстрами, в то время как огромные скульптуры и дорогие картины украшают остальную часть комнаты. Я быстро понимаю «гостиния» является немножко неправильным словом для данной обстановки. Это святыня «Смотри, но не трогай... и двигайся очень осторожно».

Мое внимание привлекает портрет молодой женщины, сидящей на деревянной качели с босыми ногами. У нее милая и нежная улыбка Я заморожена смелым взглядом ее знакомых серых глаз.

Я все еще стою перед картиной, плененная ею, когда слышу, как меня зовут.

— Мисс Эхо. Рад видеть, что Вы благополучно добрались.

Я поворачиваюсь, чтобы найти более взрослую, но одинаково красивую версию лица, которое я никогда не смогу забыть, независимо от того, насколько сильно буду стараться.

— Мистер Хоторн.

— Джерард, пожалуйста, — поправляет он, беря меня за руку и нежно сжимая, прежде чем отпустить. — Как прошел ваш полет?

— Это было здорово, спасибо. Не так страшно, как представляла себе, — я нервно смеюсь.

— Твой отец испытает облегчение, услышав это.

— Да, мне нужно будет ему позвонить, как можно скорей.

— Я уже уведомил его, что автомобиль тебя доставил в ценности и сохранности, и

думаю, он ждет сегодняшнего звонка от тебя вечером.

Я киваю, улыбаясь. — Спасибо, — снова возвращаюсь к портрету, который на сегодняшний день является самым беззаботным произведением искусства в комнате. — Она прекрасна.

— Да, она была восхитительной, — замечает Джерард, его тон мрачный. — Она была настоящей находкой. Всегда чем-то интересовалась, никогда не была в состоянии усидеть на месте. Думаю, именно это я обожал в ней больше всего.

Мне не нужны разъяснения о том, кто она есть. — Как же вы двое встретились? — спрашиваю я, мгновенно чувствуя себя комфортно рядом с этим человеком. *Еще одна вещь в нем, которая настолько знакома.*

— Она ходила по сельской местности, возле Баса, когда оставила свои туфли. Я был там: молодой, и слишком серьезный для моего же блага. Я наблюдал за ней, и подумал, «Какая девушка теряет свою обувь? Она ведь не так давно их одевала до этого, как можно забыть о них так быстро?»

Он смотрит на меня, как будто на самом деле до сих пор смущен этой историей, но я заметила, как его губы немного подергиваются.

— Разве это не указывает на ее глупость?

Я улыбаюсь, но не отвечаю. Понимаю, что этот вопрос был риторическим, и блеск в его глазах говорит о том, что он очень хочет рассказать продолжение.

— Ну, явно не о моей Миранде. Последнюю вещь, которую можно сказать о ней, что она была глупа. Восхитительная, опьяняющая, завораживающая, но несколько не глупая. Она сняла их, пока прилегла вздремнуть на берегу реки, а когда проснулась, они таинственным образом исчезли. Я не знал о ней ничего и должен был вернуться к своим делам, но было что-то увлекательное в ней. Наблюдая как она, спотыкаясь о кусты, что-то бормочет о бродячих животных с ее обувью, и абсолютная, слегка причудливая, убежденность в этом, побудила что-то необъяснимое во мне. Я не мог оставить ее.

Он останавливается на мгновение, опустив взгляд в пол, и прежде чем поднимает снова, нежная улыбка расцветает на его губах.

— Я прокатил ее на своей спине, пройдя три мили, пока не встретился со своей группой в кафе. После этого дня, я никогда не отпускал ее снова. И купил ей новую пару обуви, вспоминая о том, как старая была у нее украдена. Мы поженились через год.

Я поворачиваю голову и быстро вытираю слезу с моей щеки, надеясь, что он не заметит этого.

— Это невероятно романтично.

Прежде, чем могу сказать что-то дальше, официант останавливается рядом с нами, держа в руках поднос с бокалами шампанского. Я могу быть совершеннолетней для алкоголя здесь, но я никогда не делала и глотка спиртного, поэтому не решаюсь.

Джерард берет бокал и протягивает мне. — Игристый сидр.

— Спасибо, — издаю я хриплый смешок и принимаю бокальчик, наслаждаясь вкусом. — Итак, вот откуда взялись поездки — из-за того, что вы встретили ее, да?

- Да. Она верила, что мы бы встретились несмотря ни на что, так же, как она держалась теории, что ее обувь украло пушистое существо, но я всегда был благодарен за свою поездку. Организация — это мой способ помнить и почитать ее, позволяя поддерживать с ней связь, и делиться этим с другими. Прошло более двадцати лет с тех пор, как мы ее потеряли, но и по сей день, она любовь всей моей жизни. И она подарила мне невероятный подарок.

Я жду, не зная, что именно, и это вызывает в моей голове воображение о масштабном, романтическом жесте.

Его лицо светлеет. — Сын, вольный духом и упрямый, как она, — он усмехается. — У Кингстона доброе сердце, ты же знаешь. Я вижу ее каждый раз, когда смотрю на него. Она бы с удовольствием встретилась бы с тобой, Эхо.

— Почему? — ляпаю я, а затем быстро сжимаю свои губы в смущении. — Мне так жаль, не хотела никого обидеть, и я бы с удовольствием встретилась с ней тоже. Я... — понижаю свой голос, чувствуя, что возможно пересекла черту. — Я ценю всю эту поездку, я действительно ценю. Просто не совсем уверена, почему вы предоставили такую возможность мне. Я едва знаю вашего сына.

Он задумчиво склоняет голову. — Жизнь странная, и полностью неконтролируемая. Часто требуется и доли секунды, которая связывает неразрывной связью. Кингстон подвластен некоторым из них. Поверь мне, когда я говорю, что для меня большая честь сделать тебя частью поездки этим летом, и моя бы жена позаботилась о тебе, будь она здесь. Это все что тебе нужно знать.

Джерард не дает мне возможности ответить, развернувшись на каблуках и двигаясь с легкостью сквозь толпу официантов и других гостей.

— Я так понимаю у тебя хорошие отношения с этой семьей?

Меня передергивает, когда Паттон задает вопрос, скользя рядом со мной. — Вот почему ты не должна была писать эссе?

— Я никогда не говорила, что я не писала ...

Его поднятые брови говорят мне, что он не купился на это дерьмо, поэтому я вздыхаю и делюсь собственной версией.

— Мой брат был иностранным студентом по обмену с сыном Хоторна.

— Понятно.

К счастью, наше внимание внезапно притягивает передняя часть комнаты. Джерард держит микрофон, приветствуя всех и объясняя, как мы проведем следующие два дня знакомства с Лондоном и Басом перед поездкой к нашей следующей остановке.

— У нас есть блестящий гид, который будет с вами на каждом этапе этого пути. Любые вопросы, которые возникают или вопросы, которые у вас возникнут, должны быть направлены к нему, — Джерард поворачивается к открытой двери. — Скажите, пожалуйста, привет моему сыну — Кингстону Хоторну.

Конечно, его имя нужно объявлять в тот момент, когда я решаюсь сделать глоток. Я не совсем в шоке, когда вижу, что он заходит в комнату, но я, конечно, поражена.

И соответственно, делаю самое худшее из всего возможного — выплевываю сидр на спину блузки Бриджет.

— Боже мой! — лепечет она вокруг, глядя на меня. — Ты...?

— Мне очень, очень жаль, — бормочу я, вытирая рот, чувствуя себя нецивилизованной деревенской девушкой.

Пока вручаю свой бокал мимо проходящему официанту, я понимаю, что комната не только погрузилась в мертвую тишину, но и все глаза уставились на меня, в том числе стальную пару глаз, которые по-прежнему проникают в самую глубину моей души.

Чем дальше мы смотрим друг на друга, тем больше Кингстон, должно быть, ощущает мое беспокойство, поэтому он выбирает момент, чтобы прервать наш зрительный контакт и вернуть себе всеобщее внимание, объявив ужин, который накрыли в другой комнате.

Я пользуюсь отвлечением, чтобы убежать, куда, сама не знаю, но уверена, что мне необходим свежий воздух.

— Эхо! — я слышу, как он зовет меня, в тот момент, когда выхожу в прихожую, заставляя мое тело замереть на месте. Я не могу думать сквозь оглушительный стук моего сердца. Затем ощущаю его у меня за спиной, его дыхание отражается на моей коже.

— Ты должно быть проголодалась. Иди, поешь, Любовь моя.

Это простое слово, ласковое обращение, что далеко не просто, когда *он* говорит *мне* это, стало моей погибелью.

Я поворачиваюсь на пятках, чтобы встретится с ним и сделать осознанный шаг назад.

- Не называй меня так. Никогда *больше* не зови меня так снова.

Я снова отворачиваюсь, не готовая отказать от стремления быть снаружи, когда он хватает меня за обе мои руки.

- Там дождь. Пожалуйста, приходи на ужин.

- Я не хочу есть, — не могу смотреть на него, новая волна гнева разгорается внутри меня. Почему он говорит со мной после того, как прошло столько времени? Я почти убедила себя, что он забыл мое имя.

- Как пожелаешь. Должен ли я показать тебе, где ты будешь спать сегодняшней ночью?

- Да, пожалуйста.

Он начинает уходить, затем останавливается и добавляет. — Я буду неподалеку, если тебе что-нибудь понадобится.

* * *

Я буду неподалеку. Эти слова преследуют меня, когда я поднимаюсь вверх по лестнице и иду по длинному коридору.

Ох, безусловно, будет неподалеку, не только в своем доме сегодня ночью, но и в течение следующих нескольких недель, учитывая, что он будет гидом. Мне хотелось бы быть обозленной, хотя, таковой и являюсь, я в какой-то степени — большой комок нервов. Каждая эмоция, которую я когда-либо чувствовала, теперь смешалась с целым набором новых, которые я не совсем понимаю.

Мой сопровождающий эскорт останавливается перед одной из многочисленных дверей, устилающих коридор, и открывает ее для меня.

Один шаг внутрь, и я замираю.

- Ты уверен, что это правильная комната?

Он ставит мой рюкзак на кровать. — Да, мисс, — подходит к двери и говорит: — Завтрак будет в 7 утра. Учти это.

И с этим он оставляет меня в одиночестве в этой комнате, о которой я только знаю, что это нетипичная комната для гостей; это было ясно с той секунды, как только я вошла внутрь. Его запах духов были повсюду, спортивные трофеи на полке в углу, все с выгравированным его именем на них.

Я в спальне Кингстон. *Этого не может быть.*

Я мчусь к кровати, чтобы забрать свои вещи, затем убежать отсюда в поисках Дживс, и замечаю записку на зеркале, стоящем на комод.

«Твоя очередь шпионить. Сладких снов, Любовь моя».

Я не могу сдерживать улыбки, которая появляется на моих губах, и ставлю свою сумку на кровать, решив сыграть. Почему бы мне немного *не* осмотреться? Это не выглядит так, словно он попытается присоединиться ко мне этой ночью, а это значит, что я в безопасности в этой комнате, пока что. И как я уже однажды сказала, что хорошо для Эхо, то хорошо и для Кингстона, поэтому ответная игра «в шпионов» принята!

В комнате немного пусто, по сравнению с комнатой Себастьяна. Недалеко от трофейной полки, голые стены и несколько дорожных знаков, которые не выглядят как магазинные, но вместо этого затертые, изогнутые и украдены.

И на туалетном столике стоит одна фотография на всю комнату, где его мама держит маленького мальчика, который одет в гоночный костюм.

Я поднимаю ее и улыбаюсь. Кингстону не больше шести месяцев на ней; думаю, его мама была настолько близка со своим сыном, что уже на ранних стадиях знала, что он вырастет адреналиновым наркоманом.

Поставила ее на место и открыла верхний ящик. Я не была сосредоточена на поисках, все еще испытывая печаль от потери, которую он пережил из-за своей мамы, когда осознаю, что смотрю на небольшую коллекцию его черных боксеров.

Я собираюсь захлопнуть ящик, с грохотом, как вдруг замечаю проблеск розовой ткани в углу. Смеюсь и дергаю ярко-розовые боксеры от «Calvin Klein», с все еще прикрепленной биркой с боку.

«Око за око. Мои никогда не были ношены, тоже».

Я взрываюсь от смеха, когда кладу их обратно. *Очень мило, Кингстон*, думаю я, решая, что с меня хватит шпионажа.

Я направляюсь в ванную комнату, чтобы принять быстрый душ, часть меня ждет сообщения на двери душевой кабинки. Когда этого не происходит, я смотрю на зеркало в ванной. По-прежнему ничего, но не уверена, может это и к лучшему. Нет смысла ворошить прошлое сегодня.

Я поднимаюсь к себе в постель, мгновенно впитывая его ошеломляющий, мужской аромат. Он спал тут прошлой ночью, чувствую это. Его голова покоилась на этой же подушке, которую я сейчас плотно сжимаю, и его тело было укрыто этим же одеялом, укрывающим мое.

И когда я уже думаю о шансе быть вежливой, слышу хихиканье, идущее из коридора, сопровождающееся писклявым голосом, называющим его имя.

Я знаю, что не должна, но все равно подкрадываюсь, шпионя, как он и предложил мне, и открываю дверь ровно настолько, чтобы можно было достаточно подсмотреть.

Там, в коридоре — Джеки. Ее руки обвиты вокруг Кингстона, ее губы приближаются к его...

Я захопываю дверь, не заботясь о том, даже если весь проклятый особняк услышит, и запираю ее на замок, прежде чем броситься к своей сумке и достать снотворное. Игнорирую стук, который раздастся через несколько секунд, моя голова уже лежит на подушке, на которой больше нет наволочки, так как я разорвала эту пахнущую чертову вещь сразу и бросила ее через всю комнату.

Мне было известно, кто такой Кингстон, я наблюдала за ним в прошлом году, как он колесил по городу, целуя костяшки каждой живой тарталетке, видела, как он открывал дверь пока нестандартные, трусико-срывающие девочки садились в машину. Я *знаю* парня, каков

он есть, и каким навсегда останется. И только потому, что он является хорошим, и немного смешным с розовым бельем, возвращаясь к прошлому, не значит что-то большее... И, конечно, не то, на что мое сердце хотело надеяться, чтобы это означало.

Я чувствую, что мои барьеры обратно возвращаются, становясь выше и крепче, чем когда-либо, пульс слабеет и сон поглощает меня.

Гнев. Это все, что я ощущаю следующим утром, и даже не из-за него. Позорная ярость кипит внутри меня исключительно на себя.

Я такая идиотка, волноваться по поводу того, что Кингстон — это Кингстон? На самом деле, я должна была усвоить свой урок прошлой осенью, и хорошенько его *запомнить*. Ближе концу, мы подружились, ну, *искренне* равнодушные отношения, и шанс для нас был утрачен, откровенно и неоднократно, снят с повестки дня.

Почему же я волнуюсь из-за того, чем он занимается с остальными девушками, спустя несколько месяцев, и, в результате, пытаюсь моей тупизной разрушить эту уникальную возможность в первый же день? Он явно испытал эмоциональный подъем от того, что мы когда-то делили что-то общее, и я думаю, что тоже.

Время доказать это.

Я принимаю быстрый душ и решаю распустить свои волосы, позволяя им высохнуть естественным путем, затем выбираю пару коротеньких шортиков и красную майку безрукавку. После того, как все распаковано, у меня еще есть время, чтобы подумать о том, что имеет значение, и я готова окунуться в приключения этого дня.

Хватаю свою сумку, надеваю на плече и иду к двери спальни.

Но что-то меня останавливает, попадая под мою ногу и почти заставляя меня спотыкнуться. Звон колокольчиков в то время, пока я пытаюсь восстановить равновесие, и смотрю вниз, чтобы обнаружить...

Ловушку. Ага, *кто-то* соединил нитку с колокольчиком к нему через дверную коробку. И я не должна звонить дважды, потому что один маленький стук в дверь раздается прямо напротив меня, заставляя открыть тотчас.

Кингстон стоит там, в черных пижамных штанах без рубашки, которые хорошо на нем сидят, я видела их раньше, но не понимала до сего момента, как сильно скучала по ним. Его темные волосы растрепаны, его обычные яркие глаза, покраснели.

- Ты проснулась, — утверждает он сонно очевидное, проводя рукой по своему лицу.

- Ну, да, — дарю ему фальшивую улыбку и рву нитку и колокольчики вниз, бросая их ему, которые он ловит воздухе.

- И насчет этого, — говорю я, кивая своей головой в сторону штуковины в его руке, — не стоило.

Достаю бутылочку с передней стороны моей сумки и гремлю ею.

- Снотворное.

Я делаю шаг, чтобы пойти вниз по коридору, когда он перегораживает мне путь.

- Я беспокоюсь о тебе, — шепчет он, его глаза устало смотрят в мои. — Прошлой ночью...

Я качаю головой и издаю смешок.

- Не нужно. Сделай себе одолжение, не волнуйся больше за меня. Не переживай за то, как я сплю и *определенно* не волнуйся о своих подвигах, беспокоящих меня. Прошлой ночью не было ничего, кроме раздражающего возмущения в зале. Вот так вот. Ты хотел трахнуть с Джеки и любой другой женщиной, которые попадают на твоём пути? Тогда вперед. Мое нахождение по близости никогда не мешало тебе раньше.

- Ты ведь несерьезно. И тебе до сих пор жутко от этого.

- Прости? — мои глаза сужаются. — У тебя не было никаких проблем ходить с напыщенным видом из-за своего «парада шлях» прямо мимо меня в прошлом году. Ты думаешь, теперь это меня беспокоит?

- Я слышал тебя прошлой ночью, через дверь, после того, как ты захлопнула ее. Ты злилась.

Никакого тебе подмигивания, ни очаровательной улыбки. Он *хочет* серьезного разговора.

- Нет, я не злюсь.

- Эхо...

Он тянется к моей щеке, но я отворачиваюсь от его прикосновения, словно оно обожгло мне кожу.

Его вздох поражения не останавливает его следующие слова.

- Я вижу, это сейчас написано на твоём лице. И даже сильнее, чем это, я чувствую, как оно тлеет между нами. Ты дымишься внутри от того, что увидела, Любовь моя. Мне просто нужно знать это.

- Иди ты нафиг! Я не дымлюсь от того, чем ты *занимался* с какой-то девушкой! У меня есть много других причин ненавидеть тебя. И я уже предупреждала тебя насчет прозвища «Любовь моя». Есть много слов, какими бы я тебя назвала, но какая не состыковка, «тугой на ухо» — это одно из них.

- Мои извинения, Любовь моя, я забыл. Привычка, — он пожимает плечом и одаривает меня робкой улыбкой, но выражение его лица быстро становится мрачным от предположительных кинжалов, которыми я стреляю в него взглядом. — И да, у тебя есть много причин и прав чертовски меня ненавидеть. Но нам нужно поговорить...

- Нет! У тебя были *месяцы*, чтобы объяснить, что произошло в ту ночь, но вместо этого ты решил покинуть город и никогда не оглядываться назад. Ты не можешь играть сейчас со мной только потому, что тебе скучно. Мои чувства не являются твоей личной игрушкой, Кингстон!

- С тех пор, как я покинул Штаты, мне было скучно.

- О, я могу *только* представить, — я закатываю глаза, сжав кулаки по бокам. — И мне плевать. Ты и Джеки можете жить долго и счастливо, *давать имя* каждой достопримечательности, которую мы увидим, мне все равно, — я слышу это от себя, как я прошипела ее имя, ярость сочилась в каждом моем слове.

Он не упустил этого, так или иначе, судя потому, что его рот скривился в уверенной улыбке.

- Здесь есть что-то еще, всегда было, — говорит он. — Мы оба это знаем. Я попытался отпустить тебя, потому что ты заслуживаешь намного лучшего, чем я мог предложить. Ты заслуживаешь весь мир. И теперь, когда я знаю, что не полностью потерял тебя, хочу убедиться, что ты получишь это. Так как насчет того, чтобы заключить сделку?

Сделку? Возможно ли, чтобы он отправился в ад, пока я исследую его страну? По мне, так звучит очень справедливо.

Я не стала указывать на то, *что* он не знает, как заключать сделки, учитывая танец, над которым так много работала, а он не потрудился даже посмотреть, и то, что я не была на выпускном вечере, и как Сэмми пришлось увидеть *меня* лишь частично во время его шоу магии. Это только добавляло масла в его эгоистичный огонь.

- Я слушаю, — все, что я говорю ему, таким тоном, который делает акцент на тот факт,

что теперь я та, которой уже скучно.

- Ты и я проведем много времени вместе в течение следующих нескольких недель, так как насчет того, чтобы начать сначала? Только на период этой поездки?

Он приближается, кончиками пальцев сжимая мою руку.

Я отступаю. — Нет. Слишком многое случилось, чтобы забыть.

Он просто кивает головой. — Ты абсолютно права, и если честно, не хочу начинать все сначала. Это означало бы, забыть о том, что у нас уже было, и я отказываюсь забывать что-либо из этого. Что я хочу сделать на самом деле, так это исправить.

- Я считаю, что лучше не облажаться в первую очередь.

- Согласен. Как на счет дать мне шанс, чтобы показать тебе все, что ты пропустила, и я не стану заигрывать с тобой.

- *Серьезно?* — я чуть не фыркаю. — Спорим, ты будешь заигрывать со мной? После нескольких недель в этом гипсе, моя верхняя часть тела лучше, чем когда-либо, особенно мой правый хук.

Его взгляд опускается на мою руку, и темная тень проходит по его лицу.

- Не сомневаюсь в этом, отвечает он, а затем обращает свое внимание к моему лицу. — И я несу всякую чушь. Я собираюсь быть полностью откровенным с тобой, Любовь моя.

Мы снова танцевали; он движется вперед, а я делаю шаг назад. Но он не останавливается на этот раз, продолжая надвигаться на меня, пока моя спина вплотную не упирается в стену.

Моя рука дергается и прижимается к его груди, но он просто берет ее и подносит медленно к своим губам. Мои колени подгибаются, а губы дрожат, но я не останавливаю его, пока он оставляет небольшой, но затяжной поцелуй на нижней стороне моего запястья.

Я закрываю глаза, сдерживая слезы, которые начинают собираться. Я хочу накричать на него, оттолкнуть, но какая-то предательская часть моего мозга взяла все в свои руки, не позволяя мне ничего сделать, кроме как стоять там и разрешать ему далее ворошить болезненные ощущения, которые я думала, что похоронила.

Кингстон пропускает свои сильные пальцы через мои волосы, в конечном счете, останавливая свою руку на моем затылке, когда он наклоняется к моему уху.

- Я хочу тебя, Эхо, каждую прекрасную, упрямую часть тебя. Я не собираюсь сдаваться снова, потому что знаю, что такое чувство утраты. И теперь, когда у меня здесь есть ты, вернувшаяся обратно, я слишком эгоистичный, чтобы когда-нибудь отпустить тебя снова. Ты моя. Ты была уже моей с той ночи, когда упала на меня, и я собирался остановить Джеки прошлой ночью, пока не услышал, как открывается твоя дверь. Хороший человек бы извинился, но я прошу простить меня за то, что играл с твоими эмоциями, мне нужно было увидеть, чувствовала ли ты тоже самое. Ты доказала то, что мне было известно, когда ты захлопнула эту дверь... что я твой.

- Ты не мой, — шепчу я, борясь с эмоциями, в попытке защитить себя от всего, что он только что сказал, слова, которые я так жаждала услышать, в его исполнении звучат еще лучше, чем в моих мечтах. Но это слишком поздно.

- Я собираюсь доказать это, независимо от того, чего это стоит. Мы принадлежим друг другу.

И прежде, чем я могу даже подумать рационально, его губы обрушиваются на мои, твердые и горячие. Его руки зарываются глубже в мои волосы, и он вплотную прижимается ко мне. Я чувствую его повсюду, в каждой области моего тела, каждая его частичка трется об

меня, выворачивая наизнанку.

Он рычит, прося входа, и я поддаюсь без оправданий. Его язык врывается внутрь, глядя мой. Я не могу остановить эмоции, которые проходят через меня. Из меня вырывается стон, который выплескивается из самой глубины моего сердца, взрывая и выпуская всю память о нем, которую я сдерживала взаперти...

— Нет! — кричу я, так сильно, как только могу, не смотря на свою вздымающуюся грудь и одышку, прерывая грубо поцелуй.

Он не останавливает меня, но также и не отпускает. Вместо этого, мы стоим там, каждый дюйм наших тел по-прежнему соприкасается. Мои слезы скатываются из глаз, и хотя он пытается стереть их, они выступают с новой силой.

- Пожалуйста, я просто хотела приехать сюда и немного посмотреть на мир. Я не могу этого сделать. То, что мы можем или нет, осталось в прошлом. Я прошу тебя оставить это там.

- Эхо. — Он упирается своим лбом в мой, глядя в глаза. — Я забочусь о тебе больше, чем о ком-либо в этом мире, и буду делать все возможное, чтобы остановить твои слезы и заставить тебя улыбнуться.

Больная уязвимость трещит в моем голосе. — Тогда, пожалуйста, просто отпусти меня.

- Я не могу. Не в этот раз. Больше никогда.

Мои глаза закрываются, и я готова сказать ему, что его отказ означает, что еду домой, когда он добавляет: — Но я дам тебе время и верну обратно твою дружбу. Это то, что мне нужно больше, чем что-либо, Эхо, ты в моей жизни, любым способом, которым я смогу обладать тобой.

- Даже если это означает, что все, чем мы когда-либо может стать — это просто друзьями? — я осторожно толкаю его в грудь, нуждаясь в пространстве, чтобы дышать.

- Да. Если это все что ты можешь дать, то да. Позволь мне взять тебе завтрак, и я расскажу тебе все, что случилось за тот последний день.

Я качаю головой непреклонно.

- Нет. Я не могу услышать все это прямо сейчас. Я просто хочу забыться на некоторое время и наслаждаться Лондоном, потом Парижем, и везде, где мы сумеем побывать. Я двигаюсь вперед и не готова воспринять все это дерьмо. Ты хочешь получить обратно свою дружбу? Тогда дай мне пространство.

- Я дам тебе все.

- Я просто хочу повеселиться прямо сейчас. По рукам?

Он подмигивает. — По рукам.

Я обхожу его, чтобы вернуться в спальню, требуя минутки, чтобы взять себя в руки и умыться лицо.

- Мне нужно немного успокоиться.

- Конечно. Не торопись, — отвечает он. — И Эхо?

Я оглядываюсь через плечо.

- Твои волосы великолепны. Они тебе очень идут, намного нежнее и блистательнее, чем я предполагал, какими они будут.

Я только улыбаюсь, закрываю за собой дверь между нами и умоляю свое сердечко закрыть окно для Кингстона и хорошенько его запереть.

Но знаю, что это просто глупое заявление. Как я могу ожидать от своего сердца, самого мощного, но такого хрупкого органа в теле, сопротивления, когда моя кожа головы до сих

пор покалывает от отчаянного прикосновения его пальцев, а мой язык продолжает облизывать распухшие губы, смакуя его вкус?

Мы все садимся в автобус с названием фонда, красующимся во всю сторону, чтобы начать первый этап нашего путешествия. Согласно сегодняшнему графику, мы собираемся заехать в наш первый отель, прежде чем посетить несколько из множества достопримечательностей, которые я намереваюсь изучить в этой поездке — красиво созданных кусочков истории, которые я даже не осмелилась бы и мечтать увидеть в реальности.

Я не могу оторваться от своего окна; мои глаза широко распахнуты, рот открыт в изумлении от всей культуры, пролетающей мимо, пока мы едем. *Я на самом деле здесь* — далеко от моей «сети безопасности» Келли Спрингс, и, наконец, сбываются мечты о приключениях, которые уже давно существовали только в моей голове и учебниках.

— Поняли? — Кингстон спрашивает всех нас после многословной речи о правилах и предполагаемом этикете. Я поймала большую часть из этого; уверена, все, что пропустила, было просто здравым смыслом.

— Вот он! — визжит девушка рядом со мной, указывая по мере приближения на Тауэрский мост. — Разве он не потрясающий?

Я улыбаюсь, испытывая трепет и головокружение, молча соглашаюсь с ней. — Да, очень.

— Мы группа, — продолжает Кингстон. *Еще что-то?* — Но также вы все взрослые, так что у вас есть свобода, если захотите чуть отвлечься непосредственно от графика или запланированных туров, чтобы путешествовать самостоятельно.

— Но директива организации четко объясняет, что вы по-прежнему отмечаетесь, по крайней мере, один раз в день в каждом городе, — он продолжает. — Вы можете сделать это с помощью телефонного звонка или текстового сообщения мне, или оставить записку на стойке регистрации отеля, где мы останавливаемся в течение любого заданного пункта назначения. Учитывая сказанное, я не намного старше многих из вас, но я более чем способен руководить интересным туром, если вы выберете держаться меня.

— Мы будем, — Джеки соскальзывает со своего места рядом с ее новой закадычной подругой Бриджет. — Там так много всего, что хочется увидеть и узнать, и уверена, ты будешь держать нас в безопасности.

Мои глаза закатываются на ее откровенный флирт.

- Не фанатка, — бормочет девушка рядом со мной, тихо посмеиваясь.

- Мм? — спрашиваю я, поворачиваясь к ней.

- Одностороннее отчаяние.

Я громко смеюсь, не в силах удержать это и привлекая все взгляды в автобусе в мою сторону.

— Простите, — выдавливаю я, подавляя мою неудержимую улыбку.

Кингстон мило хмурит брови с любопытством, когда я, сутулясь, сползаю вниз по сиденью и опускаю голову.

— Ты должна признать, что Джеки девушка так же прозрачна, как чашка Петри, и очевидно ей не терпится подхватить какую-то новую венерическую заразу. Я нахожу это немного тревожным, но в то же время, мне интересно, как долго это будет продолжаться, пока я не сверну за угол в этой поездке и не обнаружу ее на коленях у одного... *оррр*, —

растягивает она, — *всех* наших мужских попутчиков. — Она откидывается на спинку своего кресла, улыбаясь мне, словно она на самом деле, такая милая и невинная, как выглядит, — Хочешь сделать ставку?

Я сразу же понимаю две вещи об этой девушке рядом со мной: Первая, мне она нравится, и вторая, она может говорить быстрее, чем кто-либо, кого я когда-то встречала. Она примерно моего роста, и лишь немного крупнее, чем я, с шармом скромной девочки, который только что полностью исчез, в моих глазах, по крайней мере.

Ох, и она умна для *той, кто использовал метафору о чашке Петри?* — так что, три вещи о своей соседке я уже знаю.

— О каком виде пари мы говорим? — спрашиваю низким и заговорческим голосом, какой был у нее.

Но прежде, чем она может ответить, ощущаю кого-то нависающего над нами. Я медленно поворачиваю голову, уже зная, кого обнаружу, когда взгляну вверх в угольные глаза Кингстона.

Я бросаю ему простую, равнодушную улыбку, но он остается в непосредственной близости от наших мест оставшуюся часть своей речи.

— У каждого будет сосед по комнате в гостиницах. Вы можете выбрать этого человека сейчас, или мы определимся с парой, когда приедем на место через несколько минут.

Даже не зная, как ее зовут, я смотрю на свою соседку, и молча соглашаемся быть напарницами.

— У нас есть двадцать четыре часа, чтобы насладиться Лондоном, прежде чем мы отправимся на этом же автобусе в сельскую местность и исследуем Бас, — объясняет Кингстон. — Если вы опоздаете на автобус, в любое время в течение следующих нескольких недель, доложите секретарю фонда, номер которого вы все должны иметь.

Мы останавливаемся перед огромным отелем, который открывает прекрасный вид на Биг Бен и Лондонский глаз, последний из которых находится всего в паре кварталов.

— Хорошо, все свободны! — Инструктирует Кингстон. — Берите вещи и ждите меня в вестибюле.

Моя новая соседка по комнате смеется. — Святое дерьмо! Можешь ли ты в это поверить? Мы здесь! И, кстати, я Натали! Но ты можешь звать меня Нат.

— Эхо, — отвечаю ей.

- У тебя случайно нет милых братьев по имени Альфа или Bravo? — Она снова смеется. — Возможно, мятежная сестра, Дельта?

Я отвечаю своим собственным взрывом смеха. Она не просто умная, но и остроумная в придачу! Мне нравится она больше, каждый раз, когда она говорит.

— Шучу, — она хватает свою сумку. — Вроде.

Мы проходим через передние двери отеля по следам нашей группы, которая включает в себя около двадцати человек в целом, лишь с немногими из которых я официально познакомилась.

Если и были какие-то сомнения насчет того, что мы были туристами, то все прояснилось для любого и каждого человека на улице, когда несколько девушек начали делать селфи около статуй, которые, казалось бы, охраняют двери гостиницы. Паттон стоит рядом, одетый в пару шорт цвета хаки и серое поло, глядя на карту.

Странное чувство вдруг настигает меня. Я знаю, что его, по крайней мере, частично тянет ко мне, так как он пригласил меня на свидание, и чем дольше я смотрю, тем больше не

могу отрицать, что нахожу его симпатичным. Но инстинктивный, неудержимый приступ волнения, который я испытывала каждый раз, когда смотрела на Кингстона, отсутствует.

Поправочка, там нет прошедшего времени. Я до сих пор чувствую это каждый раз, когда смотрю на него, чем и занимаюсь сейчас, пока он стоит за стойкой регистрации, разговаривая с сотрудником. Знакомое, мгновенное трепетание окутывает мой живот.

Мне нужно найти лекарство от этого недуга — кнопку отключения для нашей явной связи. И самый лучший способ, *единственный* способ, который я могу придумать — это прекратить говорить себе, что я двигаюсь дальше, а на самом деле это сделать.

Но губы Кингстона являются единственной парой, который я когда-либо чувствовала пожирающие мои. Его руки единственные, которые путались в моих волосах, его тело единственное, которое когда-либо прижимало меня к стене. Возможно, поэтому я держу его в этом желанном месте в моей голове... и сердце.

Поэтому мне нужны новые губы, которые коснутся моих и заменят вкус Кингстона. Мне нужно обследовать больше, чем сельскую местность. Пришло время мне расправить крылья в других отношениях.

— Так ты будешь придерживаться гида или пойдешь в одиночку на экскурсию? — спрашиваю я Паттона, приближаясь к нему.

Он отрывается от карты, даруя мне беглый взгляд, перед тем как посмотреть вниз.

— Ты имеешь ввиду красавчика, который по-видимому перетрахал полстраны? — отвечает он. — Неа, я думаю, что буду придерживаться себя. Там есть много чего, что предстоит увидеть, и у меня не хватит терпения слушать его объяснительное дерьмо, которое могу прочесть сам.

Его тон не резкий, просто честный. Но в тоже время его слова несли в себе некую возможную истину, хотя он не знает Кингстона достаточно хорошо, чтобы говорить о нем в таком направлении. *И этот мамин красавчик организовывает это, давая тебе потрясающую возможность.*

Ага ... Я немного резка в этом.

— Что насчет тебя? — спрашивает он, складывая свою карту.

— Ну, думаю, что безопаснее будет придерживаться красавчика, — отвечаю я, немного меняя свой тон. — Но я тоже планирую исследовать несколько вещей сама.

— Достаточно умно, если ты будешь ходить по пятам за ним, хотя, мы всегда можем создать группу, состоящую из нас.

Я не полностью увлечена Паттоном в данный момент, но решила следовать своему плану, поэтому улыбаюсь в ответ.

— Да, звучит хорошо.

— Потрясающе.

Никогда не любила это слово. Но, правда в том, что я должна отыскать хорошее и перестать цепляться за мои «варианты», основанные на мелочах.

Мы тратим несколько минут, согласовывая расписание от начала до конца дня, решая, что наша группа будет состоять из него, меня, Нат и его соседа — Чада.

— Через час встречаемся здесь, — говорит Паттон, я соглашаюсь.

Я смотрю, как он уходит, и улыбаюсь про себя, и мне интересно, как это на самом деле иметь банальный летний романчик за рубежом, когда ощущаю знакомое тепло у себя за спиной.

— О чем задумалась? — спрашивает Кингстон.

— Что я буду ночевать с Натали. Мне она нравится.

Она в нескольких футах, беззастенчиво подключает свой телефон к селфи палке и не догадывается о присутствии Кингстона.

Он обходит меня, чтобы посмотреть мне в глаза. — Я имел виду, понравилась ли тебе та малая часть моего города, которую ты уже увидела?

— Твоего города? — я поднимаю брови. — Королева знает, что ты претендуешь на него?

— Давай не будем ей рассказывать — еще один из наших секретов, — он подмигивает. — Тем не менее, ты поняла, о чем я спрашивал.

Я оглядываюсь вокруг и абсолютно удивляюсь всему, что попало в поле моего зрения, но играть круто, когда я снова возвращаю к нему свой взгляд и пожимаю плечами.

— Неплохо.

— Ерунда! — отвечает он, посмеиваясь. — Ты полюбила его. Я знаю тебя, Эхо. Никогда не думай, что можешь провести меня.

— Привет, — здоровается Нат — долгожданная помощь. — Э-э ... у тебя уже есть ключи от номера?

Глаза Кингстона не покидают моих, когда он лезет в карман, протягивая ей пластиковую карточку, а затем одну для меня. — Я буду в соседнем номере, если любому из вас что-нибудь понадобится. И мы выдвигаемся через час на экскурсию...

— О, у меня уже есть планы, но повеселись там, — обрываю я его, вырывая карточку.

— Извини? — спрашивает он, его глаза темнеют в пугающе дымчатый оттенок.

— Ага, я отправлюсь на метро с некоторыми друзьями на Эбби Роуд, а затем пойдём на Лондонский Глаз.

— Друзьями?

— Угу. Из этого выходит, что мы решили путешествовать без твоего надзора.

— Да, но...

— Никаких «но», — вставляю я, когда Джеки и Бриджет решили иначе. — У тебя есть другие под «руководством», так что, ты делаешь свое дело, а я делаю свое.

Я хватаю за руку Нат и тащу ее прочь, прежде чем у него появится шанс сказать что-нибудь в ответ.

* * *

— Откуда ты его знаешь? — спрашивает Нат, когда мы пришли в нашу комнату.

— Кого? — я указываю с одной постели на другую, молча спрашивая, какую она хочет.

— Выбирай сама, — отвечает она. — И ты знаешь о ком я.

Я бросаю рюкзак к ближайшему окну, открывающий вид на Биг Бен вдалеке.

— Паттона? — говорю я взамен. — Я познакомилась с ним в самолете, но он кажется достаточно надежным.

Я разворачиваюсь назад, вижу ее со скрещенными руками и с выражением не-мели-ерунды, застывшим на лице.

— Что правда? — смеется она. — Хорошо, мы поиграем в твою игру минуту. Паттон действительно кажется хорошим, и я рада путешествовать вместе с ним и Чадом, чем с

группой, которая имеет девушек, соперничающих за внимание Кингстона.

— *А теперь* мы поиграем в мою игру, *Кингстон*, — произносит она. — Откуда ты его знаешь?

Я плюхаюсь на кровать и скидываю свою обувь. — Долгая, скучная история.

— Есть еще целый час, так что начинай, — она садится напротив меня, в кресло, которое одно в этой комнате. — Это часть соглашения соседа по комнате, никаких секретов, когда дело доходит до парней.

Возможно, она ссылается на Теорию Большого взрыва? Люблю ее!

— Ты будешь очень разочарованна, потому что у меня мало что есть, чтобы рассказать о парнях.

— Аналогично, — отвечает она. — На самом деле у меня вообще ничего такого нет, поэтому, помоги другу и расскажи мне что-нибудь интересненькое.

Лежа на спине в данный момент, я засовываю руки за голову и рассказываю ей историю моего брата и Кингстона, которые поменялись местами. Это странно, вот так в открытую говорить об этом, не потому что это в первый раз, когда я кому-то рассказала все, оставив много деталей, а потому что только встретила Натали.

И я рассказываю ей *все*: о нем, рыскающим в моем ящике с трусиками, о ванной, о поцелуе... и даже о нем с Саванной в тот последний день. Единственное, что я решила оставить в секрете — это ситуацию моего брата с Саванной, так как не имею права об этом рассказывать.

Это как если бы, наконец-то, сбросить камень с души, и я ловлю себя на том, что нахожусь в какой-то новой невесомости со смешанными эмоциями.

— Вау, — наконец-то, говорит Нат. У нее было несколько вопросов в течение всего рассказа, но она держала личное мнение при себе. — У тебя все еще есть к нему чувства?

— Если честно, — говорю я, принимая сидячее положение, чтобы смотреть на нее. — Думаю, да. Звучит жалко, да?

— Вообще не жалко; ты не можешь контролировать то, что чувствуешь. Так, что думаешь делать? Это не значит, что ты должна действовать, опираясь на них, сейчас или никогда, — она делает паузу. — Могу я задать личный вопрос? Ты можешь не отвечать.

— Конечно.

— Ты влюблена в него?

У меня голова начала кружиться от такого вопроса, который я никогда раньше не задавала себе, и мой желудок скручивается в болезненном спазме неопределенности.

— Я даже не знаю. Я никогда не влюблялась, но там определенно между нами что-то было. Я очень скучала без него.

Она, должно быть, заметила смену моего настроения. — Прости. Я не должна была спрашивать.

— Все нормально. Спасибо, что выслушала. Ты первый человек, которому я все рассказала.

— Я заберу это собой в могилу, обещаю. — Она крестится, а затем смотрит на свои часы. — Черт, у нас есть пять минут на сборы, прежде чем мы встретимся с Паттоном и Чадом.

— Тебе лучше поторопиться, — говорю я ей, скользя обратно в свою обувь, и достаю свою камеру.

Я жду, что она переоденется, возможно, переделает прическу или что-то в этом роде, но

вместо этого, она просто хватает небольшую сумочку через плечо и достает темный блеск для губ.

— Готова.

Я смеюсь, держа дверь открытой для нее. — О, мы поладим просто отлично!

Она улыбается, а затем застает меня врасплох своими следующими словами.

— Кстати, я имею виды на Паттона.

Нат, я, Паттон и Чад идем на обед в небольшое восхитительное место, где я настаиваю сесть на улице, отказываясь пропустить хоть одно движение или вид.

— Эхо, пища никуда не убежит, — смеется с меня Нат. — Попробуй жевать.

Я глотаю и делаю глоток, прежде чем ответить в торопливом волнении. — Мне очень жаль, я просто не могу ждать, чтобы приступить к делу — пойти и все увидеть! Особенно Эбби Роуд.

Последнее предложение выходит с причудливым вздохом. Я слишком взволнована, чтобы сделать еще один укус, так что продолжаю разглагольствовать снова и снова о каждом маленьком факте, который знаю о пресловутой студии звукозаписи, пока им не становится достаточно.

— Окей! — Паттон бросает салфетку на пустую тарелку и встает. — Давайте выдвигаться, пока голова Эхо не взорвалась.

Мы все смеемся, когда я хватаюсь за свой кошелек, чтобы оплатить свою часть, но Паттон останавливает меня, кладя свою руку на мою.

- Я заплачу, — говорит он улыбаясь.

Моя ухмылка расширяется, думая, что это мило с его стороны, чтобы заплатить за нашу еду, то есть, пока я не понимаю, что он кладет достаточно, чтобы заплатить за меня и его. Что значит... не за Нат.

Это проблема по всем фронтам, не только потому, что моя новая подруга «имеет виды», а я не хочу, чтобы она думала, что поощряю внимание Паттона по отношению к себе, но также не желаю делать ей больно. Вот почему делаю единственное, что могу придумать, прежде чем у него есть шанс закрыть свой бумажник — выставляю это все под углом, прикрытой лестью...

— Боже, что за джентльмен, — я невинно помещаю свою руку поверх его. — Разве это не мило с его стороны, Нат, предлагая заплатить за нашу еду? Я впечатлена. Как насчет тебя?

Как уже доказано, Натали неглупая. Она одаривает меня натянутой, понимающей улыбкой, но ее глаза горят.

- Спасибо, Паттон. Это было необязательно, но приятно знать, что рыцарство не совсем вымерло.

Паттон играет свою роль очень хорошо, его выражение лица остается стоически вежливым, когда он тянется оплатить другой счет.

— Нет, спасибо, не нужно.

— Ладно, пойдем! — рывкаю я, чуть не опрокинув стол рядом с нами во время того, пока бегу в сторону тротуара.

Я не извиняюсь, и Нат вносит полностью рациональное объяснение. — Она немного взвинчена. Первый день из психушки.

Я смеюсь, и все еще делаю это, когда она подходит ко мне, качая головой, и берет меня под руку.

— Что? — спрашивает она невинно. — Ты ведешь себя словно сумасшедшая. Просто называю это своими словами.

— Привет! Сам Битлз ходил по дороге, по которой мы собираемся идти! — Я чуть не

кричу. — Как ты можешь не волноваться?

— Ты уверена, что город не перестраивали с тех пор?

Мои глаза расширяются. — Ты ужасна, знаешь об этом? — Я указываю пальцем на нее. — И ты не будешь ничего *разнюхивать* по этому поводу, чтобы выяснить. Я не хочу знать!

— Прости. Я реалист, не могу ничего собой поделаться. Но для тебя, я постараюсь оставаться в неведении. — Она смотрит на Паттона, который медленно идет позади нас с Чадам, а затем шепчет, — Эй, что насчет раннего с Паттоном...

— Прости. Я не ожидала, что он заплатит за меня...

— Я знаю. Все нормально, просто... если он предложит снова, я буду в порядке. Серьезно. — Она останавливается и смотрит прямо на меня. — Думаю, что он милый и отчасти хороший, но я не хочу его жалости. Хорошо?

— Ага, я не имела виду...

— Нет, мы в порядке, просто... если он узнает меня и влюбится в меня, то это будет здорово, а если же нет, то такова жизнь. Уловила смысл?

— Место Битлз? — спрашивает Чад, когда они догоняют.

— М? — отвечаю я, растерянно.

— Что еще может помешать нам добраться до метро?

— Ожидание ваших медленных задниц, — отвечает ему Нат, а затем указывает на гигантский красный знак на противоположной стороне улицы. — И мы здесь.

— Подождите, как далеко находится студия? — спрашиваю я, вспомнив предупреждение Себастьяна об использовании осторожности в системе метрополитена. — Мы не можем взять такси?

— Ой, ну перестань, — умоляет Нат. — Мы же в группе, и почти полдень. Что случится, пока ты исследуешь Лондон?

- Я не позволю чему-нибудь с тобой случиться, — говорит мне Паттон, и все же я чувствую сомнение, бегущее по моему напряженному телу. Затем он смотрит на Нат. — С каждым из вас.

Улыбка, посланная ей, кажется настоящей, но она одна из тех, что он делится со мной.

— Спасибо, — говорим мы в унисон, прежде чем Нат хватается за руку.

И мы идем к лестнице в ад — по крайней мере, вот как Себастьян описал его в своих попытках повлиять на меня.

И я должна сказать, что реальность этого столь же безрадостная, как обозначение; нет ложной рекламы на этом. Может ли кто-нибудь назвать это «лестницей»? Или *лабиринт*? Я ощущаю себя, словно ищу моего младшего брата, одетого в полосатую пижаму, в то время как Дэвид Боуи пытается сделать вдох в своих кожаных штанах, чтобы убедиться, что он может петь песню гоблинов о магии.

Я мертвой хваткой держу руку Нат, с Паттоном и Чадам прикрывающими наши спины, и она вдруг начинает смеяться.

— Что? — ляпаю я, ища глазами то, что вызвало смех.

— Ничего, — отвечает она, но не в состоянии удержаться от хихиканья.

Двери открываются, и мы входим. Она скользит вниз на сиденье, в то время как я выбираю постоять, держась за шест.

— Seriously, что, черт побери, смешного? — спрашиваю я снова, когда метро начинает движение, моя рука крепче хватается за шест при толчке.

— Мы должны носить чертовы сумки на поясе! — она запрокидывает голову назад, ее плечи трясутся от смеха.

Остальные пассажиры не обращают внимания. Они, наверное, привыкли к таким психам в вагоне.

— Сумки на поясе? — спрашивает Паттон, становясь позади меня.

Нат, наконец-то, делает глубокий вдох, вытирает глаза и объясняет. — Мы такие забавные туристы! Я хочу сказать, оглянись вокруг, все либо в костюмах, либо на каблуках едут на работу, либо с сумками на поясе и палками для селфи. И все же, мы испугались?

Только после этого мои плечи расслабились, и медленное, небольшое хихиканье исходит от меня.

— О, Боже мой, ты права, — говорю ей. — В чем моя проблема? Я обычно не трусишка!

Мы продолжаем смеяться, Чад и Паттон смотрят на нас, словно мы полные болтающие идиотки, когда поезд останавливается.

— Время Эбби Роуд! — воплю я с моей новообретенной смелостью.

Я прохожу сначала через открытые двери, перепрыгивая через зазор между поездом и платформой, и подхожу к длинной плохо освещенной платформе: площадка для игр серийного убийцы.

Взгляд, которым я награждаю Нат, должно быть говорит об этом.

— Да, очередные туристы! — говорит она сквозь смех, а затем сплетает наши руки снова.

— Ну же, пойдём, пока Адова пасть открывается, — говорю я.

— Лично я надеюсь на проход в Хогвартс-экспресс.

* * *

Когда мы, наконец, чудесным образом выходим на улицу невредимыми, я беру карту и продолжаю путь к нашему первому и наиболее ожидаемому назначению.

Это не занимает много времени, когда мы видим знак *Эбби Роуд*. Я зачарованно замираю, наслаждаясь тем фактом, что нахожусь прямо перед зданием, где записывалось так много блестящих музыкантов.

Насмотревшись достаточно снаружи, разворачиваюсь в сторону двери и замечаю Кингстона и его группу тоже здесь.

— Эй, как это было? — спрашиваю я.

— Как было *что*? — отрезает Джеки, скрестив руки и сморщив лицо в презрении. — Ты не сможешь войти внутрь!

— Что? — хныкаю я, на самом деле чувствуя волну разочарования, проходящую сквозь меня. — Почему нет? Я хочу видеть микрофон, пианино... это не может быть правдой.

Кингстон делает шаг вперед и потирает мою руку. — Я думал, что разберусь с этим, Любовь моя, но они не хотят сотрудничать сегодня, — затем он наклоняется и шепчет мне на ухо: — Клянусь, я куплю тебе сеанс и проведу внутрь, когда мы будем возвращаться назад этим же путем несколько недель спустя. Только ты и я — у тебя есть мое слово.

— Ты не должен делать это.

— Знаю, — его палец скользит по моему подбородку и поднимает мою голову,

заставляя посмотреть на него. — Но я хочу.

Киваю, подавляя свои глупые наворачивающиеся слезы. Знаю, что это не конец света, и уверена, если Кингстон говорит, что он проведет меня внутрь, то он это сделает.

— Спасибо тебе, — шепчу я, а затем отворачиваюсь, когда понимаю, что несколько пар глаз смотрят на нас.

— Вы все только что приехали? — спрашиваю я, становясь рядом с Нат, и вынужденно начинаю разговор, чтобы заполнить неловкое молчание.

— Нет, мы уже как час тут торчим! — жалуется Джеки. — А так как охранники были *грубыми*, — кричит она для всех, включая охрану, — чтобы позволить нам сделать несколько фотографий и провести недолгую экскурсию и сделать какие-либо смешные снимки в переходе, мы прождали долго, чтобы уйти!

— Тогда почему вы, ребята, до сих пор просто стоите здесь? — спрашивает Паттон.

— Это *отличный* вопрос, — глумится Джеки, глядя многозначительно на Кингстона, — который я задавала несколько раз.

Я кусаю губу и отвожу взгляд, понимая ответ.

- О, я знаю! Спросите меня! — щебечет Натали, подняв свою руку, которая тут же опускается, когда я бью ее локтем в бок.

— Серьезно? — бормочет она себе под нос. — Это чертовски больно.

Я тащу ее в сторону от толпы, когда Джеки начинает объяснять, как Кингстон рассказывал им о каждом факте музыканта, который когда-либо записывался здесь.

— Святое дерьмо, как же это смешно, он заставил всех здесь стоять, ничего не делая, чтобы дождаться тебя? И только посмотри на лицо Джеки. Хорошая вещь!

- Ты не можешь знать наверняка.

Я говорю эти слова, несмотря на то, что не верю в них сама. Я рассказывала ему ранее, что мы пойдем сюда, и он ждал, чтобы увидеться со мной?

Небольшая, но заметная острая боль поражает мою грудь, и знаю, трещина образуется в коробке, где я храню мои чувства к нему.

- Ну, я увидел достаточно, — бросает Паттон. — Эхо, Нат, хотите, чтобы я вас сфоткал на пешеходном переходе, когда свет включается на движение стоп?

— Черт, да! — отвечает Нат за нас обоих, кинув камеру Кингстону вместо Паттона.

— Что ты творишь? — шепчу я.

— Даю человеку перерыв. — Она хватается меня за руку. — Ну же, давай, ходить как Битлз, детка!

Мы идем через дорогу. Моя улыбка широкая, часть меня счастлива, что именно Кингстон делает снимки.

— Ох, ты этого не сделаешь! — визжу я, потянув Нат назад и огибая ее вокруг. — Я впереди. Я Джон!

— Ну, я не буду Ринго, черт побери! Нам нужно... подождите, сэр! — кричит она человеку, проходящему мимо, хватая его за руку. — Можете ли вы встать между нами, так, чтобы я могла быть Полом? Пожааалуйста?

Когда она просит, мужчина смотрит на нас так, словно мы под наркотой, которые очевидно идут в нашу пользу, он встает прямо в линию и соглашается.

И дружба с Нат официально запечатлена. Она знает, что Эбби Роуд переделывали, и бесстыдно позволяет отдыху восторжествовать. Она Пол к моему Джону.

Я буду поддерживать с ней связь всегда.

После того, как мы благодарим нашего случайного Ринго и идем назад, Кингстон передает в руки Нат камеру, его плечи трясутся от беззвучного смеха. Его улыбка, посланная мне, такая яркая, заставляющая меня переживать.

И Паттон тут тоже, но желающий убраться отсюда. — Вы, девочки идете?

Еще одна пометка «полнейшего отсутствия интереса» в колонку для Паттона.

— Полагаю, я готова, — отвечаю ему, оглядывая здание студии в последний раз. — Теперь Лондонский Глаз?

Нет никаких причин, чтобы обговаривать наш следующий пункт назначения, так как это уже обсуждалось, и я даже рассказала об этом Кингстону ранее, но какая-то часть меня хочет быть уверенной... — на случай, если он забыл. Эту самую часть меня нужно похоронить глубоко и как можно скорей.

— Давайте убираться отсюда, — говорит нам Чад, одновременно с Бриджет, которая произносит, — Мне нужно поесть.

— Звучит как план. Вы ребята идите, перекусите, а мы пойдем на Лондонский Глаз, — Паттон хлопает в стиле «Все свободны», прежде чем обнять за плечи Нат и меня. — Дамы, Чад, пошли.

Я инстинктивно оборачиваюсь назад, и там они — глаза, цвета бронзы, уставившиеся на меня.

Я одариваю его крошечной улыбкой и машу, надеясь, что он примет это за искренность.

* * *

Возможно, я такая смелая только в своих мыслях, потому что Лондонский Глаз просто невероятный и совершенно потрясающий и выглядит гораздо менее пугающим на фотографиях, чем вблизи.

Но к черту это, я могу попасть под автобус завтра, поэтому не собираюсь небольшому страху уничтожить этот опыт для меня. *Кроме того, я же воздушная гимнастка, ради бога, я могу подняться наверх!*

— Хорошо, поменяем руки, — рычит Нат, когда переходит на другой бок, переплетая мою правую руку с ее левой. — Я правша. Мне нужно спасти те кости, которые ты еще не сломала, — смеется она сладко.

— Ты боишься высоты, Эхо? — спрашивает Чад.

- На самом деле, нет, вовсе нет.

- Тогда в чем проблема? — хихикает он, когда подходит наша кабинка... — хитроумное изобретение? Стеклянная коробка смерти? Любой из этих терминов был бы приемлем.

— Н-нет проблем, — отвечаю я, но мой голос дрожит и не обманет никого.

И точно так же, как я собиралась изменить свое мнение и высадиться, спокойствие окутало меня, поворачиваюсь, нисколечко не удивлена тому, что, а вернее *кого* нахожу за своей спиной.

Кингстон заскакивает в кабинку под номером двенадцать в последнюю секунду.

— К-как ты...

— Я уже говорил тебе, Любовь моя, — говорит он, одаривая меня своим фирменным подмигиванием. — У меня свои способы.

Он проходит, и останавливается прямо передо мной, кладет свои руки на мои плечи, и теперь моя очередь освободиться от руки Нат. Он поворачивает меня лицом наружу, наклоняя голову так, что его рот оказывается у моего уха, и, заставляя меня расслабиться.

— Несмотря на то, что мы будем возвращаться со скоростью шесть миль в час, у меня есть ты, — уверяет он меня, хрипло и горячо. — Теперь расслабься и позволь мне показать тебе мой мир.

И он показывал, указывая на все, что попадалось нам на глаза. Он рассказывает мне о каждом чуде, от Биг Бена до Лондонского Тауэра, и даже о заднем дворике Королевы!

И когда мы достигаем высшей точки, я прилипаю к стеклу, чувствуя только умиротворение и безопасность, потому что Кингстон прижимается к моей спине, его глубокий баритон журчит в моем ухе.

Когда поездка подходит к концу, и наши ноги снова оказываются на земле, все мы решаем вернуться в отель. Я улыбаюсь, когда Нат идет впереди между Паттоном и Чадом.

Пячусь назад, заметив Кингстона, ждущего группу, он отвечает за их высадку из стеклянных кабинок, которых было около пяти после нашей. Его рука касается моей — не первый раз за последние тридцать минут.

Я бы обманула себя, если бы отрицала, что каждое, простое прикосновение вновь воспламеняет искру между нами, но я не отказываюсь от своей решимости сопротивляться.

— Это было нечто, — говорит Джеки больше себе, но достаточно громко, чтобы все услышали, открывая их дверь.

— Отель, — говорит им Кингстон, а затем кладет руку мне на поясницу, чтобы проводить меня в этом направлении.

Я разрешаю это, ничего не говоря и не убирая его руку, но, слава Богу, отель находится рядом. И еще больше рада, когда он убирает свою руку, продолжает идти рядом со мной, но больше не прикасаясь ко мне, изредка поглядывая в мою сторону, как будто обдумывает что-то.

— Поужинаешь со мной сегодня вечером? — он утверждает больше, чем спрашивает, когда мы шагаем в вестибюль гостиницы.

— Кингстон, — я вздыхаю. — Я не могу. У меня уже есть планы.

Это не совсем ложь. У меня есть планы... чтобы избежать какой-либо интимной обстановки, где я снова попаду под его чары.

Он открывает рот, но я не даю возможности ему ответить.

— Но сегодня я замечательно провела время. Спасибо.

Следует долгая пауза, прежде чем он отвечает.

— Всегда пожалуйста, и есть еще много мест, куда следует пойти. Я так много хочу тебе показать, на самом деле, после твоих *планов* на этот вечер, ты можешь присоединиться к моей группе на площади Пикадилли.

Я смеюсь. — Так ты на самом деле собираешься таскаться со своей группой?

- Я был с ними на Эбби Роуд, разве нет?

Я закатываю свои глаза, когда улыбаюсь.

- Ты был. Хорошо, расскажи мне об этом цирке, — я бросаю ему хитрую усмешку, воспоминания о разговоре, который у нас однажды состоялся, заиграли в моей голове, задевая мои глубокие чувства.

— Мы об этом уже говорили в прошлый раз, — говорит он, подмигивая, прочитав мои мысли, — Там нет тигров или бородатых женщин, но это довольно интересно. Тебе

понравится. Скажи «да».

Я кусаю губу, но тут же отпускаю ее. — Хорошо. Да.

- Чудесно, — его серые глаза сверкают, довольные победой. — Но пообещай мне, что не станешь выходить на улицу в одиночку. *Я буду сопровождать тебя. Встретимся здесь в девять вечера. Идет?*

У меня нет никакого желания бродить по улицам неизвестного города после наступления темноты, поэтому я легко уступаю.

— Идет.

Делай, как говорю, не так, как я — это девиз сегодняшней подготовки. Нат и я заказываем обслуживание в номер, и я делаю перерыв, чтобы помочь моей соседке подобрать крутой прикид.

Помогаю завить ей волосы — это то, чему я научилась у своей мамы — так же «смоки-айс», на который уходят все мои усилия, а затем подвожу мой «знаменитый рейтинг» над каждым нарядом, который она выбрала. Как, черт возьми, ей удалось приволочь с собой столько нарядов? Я буквально взяла только одну сумку из-за того, что это должно было быть *туристическое* путешествие.

Поэтому, пока помогаю Нат прихорашиваться, сама же я проведу вечер в облегающей футболке, джинсовых шортах и кроссовках.

Как только она, наконец, соглашается, что готова, мы отправляемся в вестибюль отеля ровно к девяти часам. И я тут же чувствую, что одета неподходяще. Все, даже мальчики, одеты в свои лучшие наряды.

А Кингстон? Ну, я делаю все возможное, чтобы не смотреть на его великолепную красоту. Его темные волосы в прекрасном беспорядке. Он одет в узкие темные джинсы и белую рубашку на пуговицах с рукавами, подвернутыми в локтях. Похоже, он уже на пути к фотосессии, и каждая девушка в этой поездке одета достаточно гламурно, чтобы составить ему компанию в кадрах.

И вот я, деревенская девушка, одетая для работы по дому или похода. *Охренеть просто.*

Я замедляюсь, надеясь, незаметным шагом прошмыгнуть на лестницу, желая вернуться в свою комнату. Но замечаю, как Кингстон медленно качает головой, указывая на меня своим пальцем.

Я тоже качаю головой, смущаясь, и это отдается по моей нервной системе.

Но прежде чем я могу сбежать, он напрямик подходит ко мне в несколько больших шагов.

— Ты просто красотка, Любовь моя. — Он берет меня за руку и нежно, утешительно сжимает. — Твоя красота подлинная, и каждая девушка здесь завидует тебе.

— Выгляжу как бездомная по сравнению с ними! — одергиваю свою руку, испытывая стыд. — Я взяла только *одну* сумку. Как, черт возьми, они упаковывали платья и каблуки?

— Эхо, я могу переодеться, — любезно говорит Нат, ее лоб сморщен в сочувствии.

— Черт побери, нет. Ты выглядишь потрясающе. — Я так же добавляю: — И мы слишком много потратили сил, — судя по тому, как Паттон и Чад окидывают ее взглядом, это заставляет меня думать, что она хорошо держится. — Я справлюсь. Ничего страшного.

— Натали, ты простишь нас? — спрашивает Кингстон.

Нат тут же мне отвечает, одаривая меня ленивой улыбкой, глядя через плечо Кингстона, когда он берет меня за локоть и ведет за угол.

- Эхо, ты затмила всех здесь, и я клянусь тебе, не все, кого ты увидишь сегодня, будут одеты так экстравагантно. И можно буду честен?

Я киваю.

— Мне больше нравится тот факт, что ты не пытаешься привлечь к себе внимание. Меньше мужчин, чьи задницы я должен буду надрать. — Он подмигивает и берет мою руку, чтобы поцеловать нижнюю часть моего запястья. — Ты прекрасна. Теперь пойдём?

— Спасибо, — улыбаюсь я, и перед тем, как это мгновение перерастет во что-то большее, я слегка ударяю его в предплечье, и добавляю: — Черт, ты всегда меня подбадриваешь, приятель.

Я ухожу прочь, ощущая себя полной дурой, но мне нужно как можно больше расстояния между мной и парнем, который говорит такие правильные вещи в нужный момент. *Черт бы его побрал!*

Мы даже не прошли и пяти шагов до тротуара, а Нат уже одаривает меня умоляющим взглядом, выпрашивая подробностей о том, что случилось с Кингстоном в течение колоссальных пятнадцати секунд, которые мы потратили, пока Жаклин не начала ныть. *Отвратительно.*

— Я знаю, что мы не пойдем в Метрополитен! У меня пятидюймовые каблуки!

Кингстон медленно поворачивается к ней, выпуская раздраженный вздох. — Конечно. Я вызову машину.

Возможно, я и не одета как она, но намного мудрее ее.

— Что ж, мои кроссовки, которые я взяла для программы путешествия, прекрасно подойдут для Метро. Наслаждайтесь своим автомобилем!

Нат идет мимо них, чтобы присоединится ко мне. Кингстон уже звонит, наблюдая за нами, легким кивком головы, напоминая мне о моем обещании. Он хочет, чтобы я осталась с ним, что, в свою очередь, означает безопасность.

Поэтому я медлю и жду, давая возможность Нат задать тихий вопрос, — Ты ударила его или сказала просто отвалить?

— Что? — задыхаюсь я. — Нет! Ничего из этого. Почему ты так подумала?

Она пожимает плечами. — Он выглядел немного расстроенным, когда вы ребята вернулись назад. Не похоже на человека, который немного повеселился.

Я закатываю глаза и не могу не рассмеяться. — Не было никакого насилия, физического или словесного. И определенно никакого веселья, чтобы это не значило!

— Что именно *это* значит? — спрашивает Паттон, который внезапно оказывается рядом с нами.

Я закрываю глаза и вдыхаю ночной воздух, ища, что ответить.

— Нат просто рассказывает мне о новых методах поцелуев, которые она знает.

Это полуправда; она рассказывала мне о чем-то таком раньше в комнате, и это было первое, что пришло в голову. К тому же, если это не заставит его думать о ней, то он просто сумасшедший. Она больше знает о том, что и как надо делать, благодаря часам просмотра YouTube, как я о воздушной гимнастике.

— Правда? — спрашивает Паттон, тайные происки написаны в его усмешке, и она не такая уж и джентельменская, как хотелось бы.

— В девушке должны быть загадки, думаю, — говорю я, потянув Нат обратно к группе.

К этому времени черный лимузин подъезжает к тротуару. И, как ответственный гид, Кингстон должен убедиться, что Джеки, Бриджет и некоторые другие, чьи имена я до сих пор не знаю, безопасно заберутся в машину. Паттон наклоняется и забирается внутрь, но Чад все еще остается позади.

Затем Кингстон направляется в нашу сторону с его местным другом, чье имя было Берк, как я узнала несколько минут назад.

Мы все вместе переходим улицу к гигантскому круглому красному знаку. Я не могу сказать, что очень хочу снова окунуться в загадку Метро, но я поклонник этой небольшой

группы. Мое настроение немного ухудшается, так как Паттон предпочел пойти с другими, и я заметила меланхолическую ноту в Нат.

Железнодорожные системы сильно отличаются ночью, и это различие пугает меня еще больше, чем я думала. Некоторые из людей в вагоне кажутся пьяными и лишенными личных границ, поэтому я двигаюсь как можно ближе к Кингстону. Мне не заботит, подает ли это неправильный сигнал, потому что это на самом деле означает «Защити меня».

Быстрое движение толкает людей вокруг, словно тряпичных кукол, но не меня. Кингстон сильный и крепко стоит на своих двоих, обернув одну большую руку вокруг моей талии, крепко обнимая меня.

Я поднимаю голову и опускаю ее, когда он наклоняется. — Спасибо.

Улыбаюсь. В ответ его глаза и рот творят сумасшедшие, грешные вещи, от которых мое тело начинает покалывать.

— Рад услужить, Любовь моя.

И это — я чувствую это, сильно упирающееся мне в спину, которая прижимается к его промежности. *Опасное путешествие.*

Ну что ж. Главное не переусердствовать ничем другим сегодня.

Я оглядываюсь на Нат, беспокоясь о ее безопасности. Я быстро замечаю, что не только мне не нужно беспокоиться, но ее настроение определенно улучшилось, потому что рядом с ней стоит британский джентльмен, который тоже заботится о ней — Берк.

Она ловит мой взгляд, подмигивая бровями, перед тем как произнести губами: «Огромный поклонник Метро».

Я смеюсь вслух, рада, что ее ночь, похоже, улучшилась.

- Что смешно? — бормочет Кингстон у меня над ухом.

Я машу рукой. — Ничего.

— Хмм, — его грудь вибрирует от любопытства. — Мы на месте. Не отпускай мою руку.

Не то, чтобы я хотела, но он усиливает хватку, когда мы выходим на нашей остановке. И в ту минуту, когда я выхожу на свежий воздух, чувствую, что мою покалывает от этой силы.

Электричество. Этот маленький кусочек Лондона оживает ночью.

— Вот она, площадь Пикадилли. Как тебе? — спрашивает Кингстон.

— Это нечто, — выдыхаю я. И так оно и есть, огромный круг яркой, шумной ночной жизни.

— Нат! — кричу я, не отрывая глаз от всех увлекательных огней.

— Тут. — Она подходит ко мне. — Чертовски круто, да?

- Хм, ага, можно и так сказать.

Кингстон смеется над моим простым ответом.

Это похоже на то, что вы не можете уследить или объяснить, достаточно быстро. Здесь есть на что посмотреть: разные типы людей, наряды и музыка кажутся завораживающими, как и раньше.

Примерно через час без прерывных возбуждающих факторов, Чад останавливается перед клубом под названием «Бокс».

— Нет, — рычит Кингстон, удерживая мою руку своей весь этот вечер.

— Остальные уже там, — говорит Чад. — Паттон написал мне сообщение.

— Пошли приятель, — Берк хлопает Кингстона по плечу. — Если им удалось попасть внутрь, мы должны поговорить с ними, я бы так сказал.

Удалось попасть внутрь? Поговорить с ними? Настораживающие комментарии и почти болезненная хватка Кингстона на моей руке, начинают беспокоить меня.

- Это место не для Эхо, — рывкает Кингстон. — Если хотите идти туда, вперед, а мы найдем себе развлечение.

— Я не брошу Нат, — сразу отвечаю я. *Особенно сейчас, когда звенят тревожные звоночки.*

— Ах, спасибо, подружка, — Нат смеется с меня. — Тогда ты тоже пойдешь, потому что только смерть может удержать меня от «Бокса»!

Вздых Кингстона побежденный и громкий. — Эхо, на минутку?

Он тянет меня в сторону, затем наклоняется, чтобы оказаться на уровне моих глаз.

— Ты точно уверена, что хочешь этого? «Бокс» — не просто клуб. Ты увидишь вещи, которые шокируют тебя, и, возможно, тебя оскорбят. Мне бы хотелось, чтобы ты не ходила туда.

Я сглатываю. — Я буду в опасности?

- Никогда, когда ты со мной.

— Тогда в чем проблема? — я кладу руки на бедра, решив проверить, в чем дело. — Это, что-то на подобии стрип-клуба?

— Что-то вроде того, — он проводит рукой по лицу.

— Пошли! — кричит Нат.

— Кингстон, я буду в порядке.

У меня такое чувство, что со мной будет что угодно, но не в порядке, но уверенно улыбаюсь, чувствуя, как мое возбуждение и нервы смешались вместе.

В тот момент, когда мы заходим внутрь, становится ясно. Бокс — другое. Я не могу решить, является ли «кабаре», «бурлеск» или «яма наготы и греха» правильным описанием. Может быть, все вместе?

А дело вот в чем: первое, что я замечаю — это обнаженную женщину, висящую на веревках надо мной. Я, конечно же, ценю ее артистизм — но не вид ее голой вагины.

Не то, чтобы я судила ее, или кого-то там — каждого из них. Это просто не мое дело.

Каждый может критиковать, поэтому я натягиваю улыбку, чтобы замаскировать свою ханжу и стараюсь сосредоточиться на том, чтобы убрать эту мысль подальше из моей головы. Чтобы эта миссия прошла успешно, решаю перестать так много оглядываться и сосредоточиться исключительно на Нат.

Она танцует, если это то, что они называют здесь, вьется хвостиком с Чадом и Берком, пока пристально наблюдает за Паттоном, который танцует с Джеки и Бриджет.

— Хочешь уйти? — спрашивает меня Кингстон в третий раз, не оставляя ни на минутку, как и обещал.

Я категорически качаю головой, решив расслабиться. Ненавижу то, как он смотрит на меня, с сочувствием и волнением в глазах, словно он «испортил» невинную маленькую девочку, которой он меня считает.

Но, правда, со мной все будет в порядке. Мне уже восемнадцать, и я все еще на первом этапе моего путешествия к «новой, свободной Эхо». Итак, я приподнимаю подбородок, придав ему вид стальной решимости.

— Нет, хочу остаться, — говорю я, выгибая бровь. — И настоящий джентльмен предложил бы мне сейчас выпить.

— Вперед! — предлагает Чад с энтузиазмом, выбрав тот точный момент, чтобы

вернуться к нашему столу. — Ты похожа на девушку Космо. Сейчас все будет!

Имя нашей официантки — Кlover, которое я раньше говорила как «Гровер», если бы она была мужчиной. Тем не менее, она великолепна, и после того, как я сказала ей это искренне, как и достаточно громко, чтобы все могли услышать, моя Вселенная стала свободной.

Вот почему я сейчас нахожусь на полпути к третьей рюмке.

— Последняя, Эхо, — рычит Кингстон, глядя на меня.

— Чувак, уймись, — бросает Чад. — Ты не ее папочка.

— Нет, и ей чертовски повезло, что это не так, — говорит Кингстон. — Ее отец остановил бы ее еще на входе. Разве я говорю неправду, Эхо?

Я кусаю губу, избегая зрительного контакта.

— Хорошо, что я не вижу его где-нибудь поблизости, — Чад на самом деле имеет стальные яйца, раз говорит это со смешком. — Пойдем, прекрасная, потанцуем!

Чад вытаскивает меня из-за стола в толпу, прежде чем могу запротестовать. Не то, чтобы я действительно этого хотела.

- Эй! — кричит Нат, когда мы танцуем рядом с ней и Берком; их тела сильно трутся друг об друга. — Наконец-то ты дала этому стулу отдохнуть! Покажи мне, как ты умеешь!

Энергия и пламя бились из нее, они были полностью заразительны, и я начинаю двигаться в такт без какой-либо помощи. Мои руки свободно бродят по спине Чада; его руки на моих бедрах, притягивают меня ближе. На самом деле это приятно.

И вот тогда я понимаю, что пьяная. Но желание выпить четвертый напиток остается, и я хочу толкнуть себя дальше, несмотря на то, что это весь мой опыт с алкоголем, выпитый за последний час.

Но также свободно, как я себя ощущаю, я не могу избавиться от чувства, что он смотрит на меня, гневно изучающий каждое мое движение.

— Наш гид походу не очень счастлив! — говорит громко мне на ухо Чад, смеясь, когда его нижняя часть вращается напротив моей.

Я отталкиваю его толчком в грудь, настолько нежно, что это может быть ошибочно принято за часть нашего танца, но достаточно эффективно, чтобы дать мне немного пространства.

— Он, наверное, просто устал и волнуется... присматривая за всеми.

Чад откидывает голову и на этот раз громко смеется. — Эхо, красавица, он следит только за одним человеком, за тобой. И если ты хочешь, чтобы он действительно приревновал, я более чем счастлив, помочь тебе в этом.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Я не пытаюсь ему что-то доказать. Просто подумала, что потанцевать будет забавно, — отвечаю искренне, наполовину говоря правду, ну, а другую ее часть немного опускаю.

Проиграли два последних аккорда следующей песни, музыка останавливается и начинается шум иного рода. Девушки начинают кричать, и я вижу, как люди толкаются и пихаются со всех сторон, заставляя мое расслабившееся тело вновь обрести чувство страха. Но прежде чем я осознаю, что происходит на танцполе, меня перебрасывают через плечо и уносят в массу.

В результате у меня начинается паника, мой пьяный ум уже немного протрезвел от нахлынувшего адреналина, но я действительно вздыхаю с облегчением по нескольким причинам. Во-первых, меня не похищают — меня спасают от сумасшедшей сцены, которую теперь я осознала, из маленького проблеска, который успеваю заметить, началась борьба. А во-вторых, я надела шорты, поэтому никакие части меня не были оголены (не то, чтобы это было заметно в этой толпе, если бы это было так). И, наконец, я бы узнала это прикосновение и запах моего спасателя даже во сне.

— Кингстон! — кричу я, хлопая его по спине. — Стой! Мы должны найти Натали!

Он идет к машине, которая стоит возле тротуара и запикивает меня внутрь, а затем быстро присоединяется ко мне и хлопает дверью.

— Берк позаботится о ней, Любовь моя, клянусь. Я доверяю ему.

— Ну, так я не доверяю! — пытаюсь перелезть через его колени и открыть дверь, чтобы выйти, но это совершенно бесполезно. — Я так просто не оставлю ее, Кингстон! Ну, пожалуйста!

Он вытаскивает свой телефон и кратко говорит. — Эй, Натали с тобой? Ага, спасибо, встретимся в отеле. — Он вешает трубку и смотрит на меня, теперь я уже на своем месте, а не на его коленях. — Она в безопасности, едет на такси с Берком, и он так же видел, как другие тоже брали такси. Все в порядке.

Он проводит рукой по моей руке, позволив тишине окутать нас, прежде чем спросить. — А теперь, как твое самочувствие?

Я быстро реагирую, откинув голову назад. — Хорошо, правда. Ничто так не делает тебя трезвым, как борьба в баре и поездка на плече. — Я смеюсь. — Спасибо... за то, что спас меня.

Его брови нахмурены, а голос низкий. — Всегда, пожалуйста. Ты не должна была побывать там первым делом. Все это было ужасной затеей.

— С каких это пор ты такой сноб? — Злюсь я. — Это было весело!

Тон его следующих слов напряженный с упрекающим наклоном.

— *Весело?* Ты напилась и зажигала прямо у меня под носом! — рычит он. — Этот парень, Чад, просто подкатывал к тебе под видом танца, или это он так болтал с тобой?

— Я *не* напивалась, — коротко отрезаю, — не настолько. Сейчас я абсолютно трезвая. И оттолкнула его; я так не танцую. Кроме того, мы уже с тобой это обсуждали: и эти вопросы, твой тон, и кровавый блеск в твоих глазах, не говорят уже о «просто друзьях» мне, Кингстон.

— Друзья заботятся друг о друге. Это то, что я делаю.

— Чепуха! Ты ревнуешь. И, эм... — я опускаю взгляд, бормоча. — Ты не должен ревновать.

Мы подъезжаем к гостинице, он открывает дверь, выходит и помогает мне, ничего не говоря. И помощь — это именно то, что мне нужно, потому что именно в этот момент я понимаю, что моя голова, может быть, и протрезвела, но мое тело чертовски медленно догоняет. Я быстро обнаруживаю затяжное действие алкоголя, слишком сильный шум накрывает меня, когда встаю на ноги. Это все, кажется, отдается в моих ногах, поскольку они едва могут нести меня вперед, не спотыкаясь друг о друга.

Я дрожу от мучительной агрессии, исходящей от него, еще более сильной в ее тишине, и решила не отказываться, когда он берет меня за руку.

— Увидимся в твоей комнате, — говорит он, его неприступность заставляет меня

держаться в вертикальном положении. — Если конечно все хорошо?

— Все хорошо, — мямлю я смущенно. — Спасибо.

Поездка на лифте полностью бессловесна, напряжение высасывает весь кислород. Его хватка не покидает моей талии, пока я прижимаюсь к дверной раме, ища ключ от комнаты. Я чувствую, как он отстраняется, когда вставляю ключ в замок.

Повернувшись к двери, говорю.

— У меня была замечательная ночь, Кингстон, правда. И это благодаря тому, что знала, что ты будешь всегда рядом возле меня. — Я забираю ключ и поворачиваю ручку, останавливаясь перед тем, как войти, но все еще смотрю куда угодно, но не на него. — Спасибо... еще раз.

— Я не уйду, пока не увижу тебя в постели.

Его рука отталкивает дверь, и мне приходится собрать все силы, чтобы не упасть ему в ноги, когда я поворачиваюсь.

— Что? — я чуть не кричу. — Ты не подойдешь и близко к моей кровати!

— Я понесу тебе к ней, если придется. Не позволю тебе идти туда, когда ты еле стоишь на ногах, ты можешь разбить голову!

Он подходит ко мне, но я хлопаю его по рукам.

- Эхо, я клянусь Богом, что не оставлю тебя в покое, пока ты первый раз в своей жизни пьяная, и не представляешь даже, как твое тело воспримет последствия!

- Откуда, мать твою, ты знаешь, что я не была пьяна тысячу раз с тех пор, как ты в последний раз видел меня, а? — я качаюсь на ногах и закрываю глаза, когда хватаюсь за дверную ручку.

— Я знаю тебя, нравится тебе это или нет, знаю. — Он кладет свои руки на мои и держит меня неподвижно. — Позволь мне уложить тебя... ради моего собственного душевного спокойствия.

Я не могу противиться мольбе в его глазах, и мысли о том, что он поможет мне лечь в постель. Поэтому, отстраняюсь от едва открытой двери, отпустив немного ручку и кричу: — Нат, ты тут?

— Ага, — отвечает она, и я улыбаюсь Кингстону.

— Если я и разобью голову, то она уж точно сможет обратиться за помощью так быстро, как только сможет. — Я делаю один шаг в комнату, мои глаза не покидают его глаз. — Доброй ночи.

Он подходит ко мне ближе, его губы скользят по моему уху.

— Сладких снов, Любовь моя.

* * *

Когда я вхожу, Натали смотрит в окно.

— Эй, — говорю я мягко, благодарная, что путь к моей кровати чистый.

— И тебе привет, — отрезает она коротко, все еще сосредоточившись на том, что привлекает ее внимание за окном.

Я сажусь на край кровати и начинаю снимать обувь. — Как ты? — спрашиваю я, снимая

носки.

Она не оборачивается, когда отвечает. — Помнишь, когда я положила глаз на Паттона?

— Дааа... — протягиваю я, не зная, куда идет этот разговор.

— Теперь забудь об этом.

— И почему это, из-за Берка? — с надеждой спрашиваю я, глядя на подушки, готовая немного поспать.

— Берк отличный, но нет.

Я ползу к верхней части кровати и откидываю одеяло. — Тогда...

— Паттон отпадает, потому что в данный момент он трахает Джеки, — говорит она, указывая в окно. — И твой партнер по танцам тоже.

— Что? — вскрикиваю я, новая волна адреналина поднимает меня на ноги и помогает подбежать к ней.

Конечно, у нас прекрасный вид на шоу из окна на одну из их комнат. — О, мой Бог.

— Ага, именно это она и стонет, наверное. — Выдыхает Нат, направляясь к своей постели. — Доброй ночи.

Я тоже должна идти спать, но я не могу оторвать взгляд. Паттон, хоть и полный кобель, но обладает славным полностью обнаженным телом, а его мышцы ягодиц и ног красиво выглядят, когда он входит и выходит из Джеки, которая тоже не имеет недостатков в телосложении.

А Чад? Он не настолько мощно сконструирован, как Паттон, но далеко не убогий и стоит прямо позади нее. Я не спец или даже новичок, но я достаточно хорошо знакома с базовой анатомией человека. *Это он, эм... в ее заднице, что ли?*

Я густо краснею от этой мысли, дергаю занавески и бегу в ванную.

Я умываюсь и чищу зубы, и к тому времени, когда немного успокаиваюсь, все, что мне хочется сделать — это избавиться от изображений в моей голове. У меня теперь появилась новая «самая противная вещь, которую я когда-либо делала», и чувствую, что шпионство за этой тройкой надолго останется на первом месте.

Но не могу отрицать, что это меня очень затронуло, почему, не могу объяснить. Чад не привлекает меня, и теперь думаю, мое отношение к Паттону стало намного хуже... но не из-за того, что я их видела.

Я видела, как три тела двигались, как одно, в голодном удовольствии: отдавало и принимало, мягко и твердо, с видом чистого экстаза и удовлетворения на их лицах... толчки, пот, хватка в волосах и открытые рты от натиска физического освобождения.

Влажность, прилив жара между моими ногами и бешеное биение сердца подтверждают, что я была очарована.

Когда лично никогда не почувствовала в бессмысленном перепихоне даже с одним человеком, не говоря уже о двух, почти незнакомых, я только *могу* представить себе естественную привлекательность и желание соединиться на таком уровне с кем-то, кого я очень сильно люблю, и кто почувствует то же самое по отношению ко мне.

Так-с, стоп. Я выключаю свет в ванной и ложусь в постель.

— Нат, ты спишь? — шепчу я.

— Неа, — отвечает она, ее голос ломается от боли.

Некоторое время мы лежим в тишине, прежде чем она задает вопрос: — Это было твое первое подглядывание? — и тихо посмеивается.

— Да, — стону я, стыдясь. — Только никому не рассказывай! Даже не знаю, чем я

думала.

- Ага, ты девственница. Даже не утруждайся подтверждать это или отрицать, на твоём лбу так и мигает надпись, — говорит она, прежде чем быстро добавляет: — И я говорю это как комплимент, так как я в той же ситуации. И ты думаешь, как бы это было с Кингстоном, был бы он настолько горяч, что едва можно бы было выдержать. Я полностью это понимаю. Поверь мне.

- Это смешно, — издеваюсь я, переворачиваясь на бок, подальше от нее. — Я хотела сказать тебе, настолько ты красивее Джеки, и я почти уверена, что заметила на ее бедрах целлюлит, но теперь можешь забыть об этом.

Она заливается смехом, сильно и искренне. — Спасибо, Эхо. Но это не столь важно, я едва знаю этого парня. И если тебе удастся оговориться и напомнить своему *другу* Кингстону, что Берк еще должен присоединиться к нам, я бы не так расстроилась.

— Забудь.

Когда я просыпаюсь на следующее утро — это первый и единственный раз с начала приема снотворного, когда я помнила свои сны, учитывая то, что я не принимала его прошлой ночью после выпивки.

Изображения были настолько яркими и безграничными, танцующие всю ночь в моей голове и оставившие мою кожу покалывать теперь при свете дня. Это были мои самые запретные желания, которые стали явью, в главной их роли был темноволосый, сероглазый заклинатель, который проник в мой сон так же эффективно, как и в реальность.

Я скучала по нему.

Как только душ был принят, и я была готова к новому дню и приключениям, я спустилась вниз в ресторан отеля на завтрак, где обнаруживала, что большинство столиков уже заняты. Не найдя Нат, прошу официантку найти мне место недалеко от небольшой группы, но тут появляется Паттон.

Понимаю, что краснею и чувствую, как мой вуайеристский позор нагревает мое лицо, поэтому делаю вид, что увлекательно разглядываю меню.

— Утречко. Как самочувствие? — спрашивает он.

— Хорошее, — коротко отвечаю я.

— Ты тоже злишься на меня?

— В смысле, тоже? — я опускаю меню, интересуюсь. — Кто же еще злится на тебя?

— Нат, — он вздыхает, затем поднимает свое меню, внимательно читая его. — Она была все утро «ледяной королевой». Что, черт возьми, случилось? Я сказал или сделал что-то не то, что оскорбило вас обеих прошлой ночью?

Я не знаю как, и должна ли вообще отвечать. Нарушит ли это «кодекс девушки», если честно отвечу, не скрывая признания в словах? Думаю, нет, поэтому я усмехаюсь, готовясь кинуть язвительную речь.

— Ты когда-нибудь задумывался, что возможно нравишься ей, Паттон? — спрашиваю я. — Мало того, что ты был груб с ней, но ты также ясно дал понять, что тебя больше интересует Джеки, поэтому она, вероятно, слегка расстроилась. Но я не сомневаюсь, что Берк поможет ей пережить это.

Я почти уверена, что подала это, как истинная подруга.

Его глаза опускаются вниз, чтобы скрыть его... сожаление?

- Я понятия не имел, — пробормотал он себе под нос. — Черт.

Я пожимаю плечами. — Не беспокойся об этом. Вы, ребята, не знаете друг друга, и только посмотри, двое из вас нашли людей более подходящих вам. Берк просто отличный парень, ну а Джеки... — настала моя очередь опустить глаза. — Кажется дружелюбной.

— Что, правда, думаешь именно такой? Как по мне, то супер гостеприимной.

Нат подходит к нам, ее саркастическое заявление прекрасно вливается в сказанное ранее, хотя и слегка завуалировано. — Не возражаете, если я присяду здесь?

Это скорее утверждение, чем вопрос, так как она уже заняла стул.

— Доброе утречко! — Она широко улыбается мне. — Ты уже рассказала Паттону о том, что мы видели, как он трахал Джеки прошлой ночью?

Приплыли. Бомба сброшена прямо на завтраке с нами.

Я прокашливаюсь и делаю глоток воды, отчаянно ища официанта или официантку,

которые прервут это и примут мой заказ, но Нат неумолима.

— Мы правда не хотели, Паттон. Но твоя вечеринка на троих забыла закрыть шторы, и... как ты уже понял, от этого было сложно отвести взгляд. Правда, Эхо?

— Я, хм, ну... — *Я готова ее убить.*

— Я думаю, Эхо пытается сказать, что мы сожалеем о том, что сделали это. Но не волнуйся, нам стало скучно, и мы закрыли наши шторы перед грандиозным финалом, — усмехается Нат, наслаждаясь шоком, нависшим над столом.

- Натали, Эхо... — произносит Паттон, его лицо малинового оттенка, а голос напряжен. — Прошу прощения у вас обеих. Я должен был лучше позаботиться о вопросах конфиденциальности. И если я вчера был каким-то грубым, — добавляет он, обращая скорбные глаза на Нат, — я тоже извиняюсь за это. И что насчет, ну... я понятия не имел, что возможно нравлюсь тебе, и Джеки была...

— Извинения приняты, — перебивает его Нат, стреляя в меня кинжалами. — Ты большой мальчик, можешь делать что угодно и с кем угодно. — А теперь давайте поедим. — Она сильно машет рукой в воздухе. — Что, черт побери, случилось с обслуживанием здесь?

Она симулирует досаду и вздрагивает.

— Извини Паттон, плохой выбор слов. Просто выскользнуло.

Я теряю суть остальной части их разговора, потому что воздух вокруг меня потрескивает со знакомым электричеством, и волосы на моей шее встают дыбом. Не поворачиваюсь, мне и не нужно. Просто Кингстон Хоторн вошел в комнату.

Когда он громко прочищает горло и объявляет, что мы отправимся в наш тур по Бату через час, мое тело уже сказала мне, что он здесь. Реакция на его присутствие никогда не давала сбой и всегда безошибочна.

Я не двигаюсь, когда он встает позади меня, его близость заставляет все мои синапсы взорваться, он спрашивает слишком соблазнительным и спокойным голосом для этого утра: — Ты сегодня присоединишься к моей группе?

— Я огорошила бедную Эхо молчанием, поэтому отвечу за нас, — говорит Нат со смешком, когда я не отвечаю. — Да, мы присоединимся к тебе сегодня.

— Супер, — отвечает Кингстон, кончиками пальцев пробежавшись по моей шее, возможно, мне это почудилось. — Автобус отходит через час.

Автобус? Я немного разочарована, но ничего не говорю... и, видимо, мне это и не нужно.

Кингстон занимает свободный стул рядом со мной, опустив голову так, чтобы наши глаза были на одном уровне.

— Что такое?

Эм... это жутко, что он умеет читать мои мысли? Возможно, он не это имел в виду.

— Ничего, — улыбаюсь я — натянуто, как правило, мускулы моего лица отображают ложь.

— Фигня, — ухмыляется он. — Что я говорил тебе о твоём неумении лгать, Любовь моя?

Я наклоняюсь и шепчу: — Что я тебе говорила о том, чтобы не называть меня «Любовь моя»? За этим столом сидят и другие люди.

Я чувствую его усмешку на моей коже, когда он наклоняется, его губы медленно скользят по моей шее вверх к моему уху, в которое он шепчет:

— Нет, здесь никого нет, они просто уши. Здесь только ты и я. Скажи мне, почему ты

не смогла ответить?

Он не должен говорить раскованно и хрипло, его дыхание опалаяло мое ушко; это несправедливо. Он не должен так близко находиться, и этот мужской запах и обольщение. Мое сердце не должно предавать мозг, стуча так быстро и достаточно громко, чтобы заглушить какой-либо звук хорошего рассуждения.

Я заставила себя отстраниться назад, удивленная тем, что стол на самом деле стал пуст.

— Я просто... ну, подумала, что мы сядем на поезд на станции Паддингтон в Бат, — отвечаю, как-то умудряясь сохранить нормальный тембр голоса.

- Ты хочешь прокатиться на поезде? — спрашивает он с оттенком веселья.

Я киваю. — Я никогда не ездила ни на одном... хотя, думаю, Метро не в счет.

— Конечно, — он берет меня за руку, переворачивает ее, чтобы мягко и нежно поцеловать нижнюю часть запястья, прежде чем взглянуть на меня сквозь свои густые темные ресницы. — Тогда будет поезд, лично для тебя.

Как сильно я хочу позволить своему сердцу трепетать свободно, забыть все, кроме хорошего, как раньше, когда мы делились с ним подобным, но не могу. Потому что я осознала сильный, горький, болезненный способ, чем выше я позволю Кингстону поднести меня, тем большее будет падение.

А большие падения оставляют шрамы.

Поэтому я игнорирую свое сердце и беру себя в руки, полностью овладевая разговором.

— Ну, что ж, хорошо, что они ушли, теперь у меня есть шанс дать тебе дружеский совет. Потому что я забочусь о тебе, как друг.

Беспокойство возникает на его лице, как и разочарование; ухудшение настроения стало явным.

— И что же это может быть? — спрашивает он, его тон скептичен.

— Не то, чтобы это было моим делом, на самом деле, но все же нужно сказать. — Я вздыхаю, уже чувствуя себя немного язвительной, потому что знаю, что мои намерения не совсем чисты. — Но когда, и если, ты будешь снова с Джеки... будь осторожен.

Его глаза обращаются к моим, завладевая моим полным вниманием, и я вижу, как уголки его губ постепенно поднимаются, образуя самодовольную усмешку.

- Хотя я ценю предупреждение, потому что ты, конечно же, рассматриваешь меня, только как друга, но не переживай. Я никогда не был с Джеки, и никогда не буду. И прежде, чем ты закатишь свои глазки, я говорю тебе абсолютную правду.

И он говорил. Насколько он всегда определяет мою ложь, настолько же я доверяю ему, как всегда. Осознание этого не должно делать меня такой счастливой, как сейчас, но уже слишком поздно. Я уже сражаюсь с проигранной битвой в виде маленькой улыбочки, дергающей уголки моих губ.

— Однако, мне интересно, — хихикает он, даже не пытаясь скрыть своего восхищения. — На фоне чего возникло это предупреждение?

— Ох, эм... ничего. Не важно, не так ли? Официант! — кричу я через комнату, прежде чем снова поднять свое меню и быстро зарыть лицо. — Забудь, что я говорила ранее.

Кингстон не говоря ни слова, смотрит на меня, вес его непоколебимого взгляда тяжелый, когда я делаю свой заказ. В тот момент, когда официант уходит, меню больше не мой щит, я обнимаю себя.

— Теперь, как я уже сказал... что ты не договариваешь, Эхо? — спрашивает он с любопытством.

Черт, краснея, чувствую, как нагреваются шея и лицо. Без еды, на которой бы можно было сосредоточиться, у меня не остается другого выхода, кроме как сдерживать смущение, глядя на него. И, в конце концов, я подняла эту тему.

— Предположим, я случайно кое-что заметила прошлой ночью, эм... скажем так, что заставило задуматься, что ты был с ней или планировал быть, снова... — я делаю глубокий вздох и набираюсь смелости. — Ты не единственный, и должен быть осторожным с ней.

— Ах, моя прекрасная, краснеющая Эхо. — Он посмеивается, затем наклоняется, понижая голос до соблазнительного тембра. — Ты видела ее трахающуюся с кем-то?

Я могу только кивнуть.

— И ты подсматривала?

Моя голова снова кивает, я облизываю губы и поднимаю ее, пытаюсь спасти ситуацию.

— Это все, что я тебе скажу, — отвечаю ему. — Я вообще не должна была ничего говорить; это не мое дело. Я словно сплетница, которой не хочу быть. Поэтому не спрашивай меня, кто это был.

— Мне все равно с кем она там трахалась. Но мне очень интересно узнать... — он поднимает пальцем мой подбородок. — Что это зрелище заставило тебя ощутить, как твое тело отреагировало на это.

В его глазах стоит решительность, и также похоть, из-за которой я немного напрягаюсь в своем кресле.

— Разве это не заставило тебя задаться вопросом, как твое тело будет реагировать на это? Заставило — не так ли, Любовь моя?

— Нет! — обманывающее кричу, в знак протеста. Но он только ухмыляется шире, упиваясь своей уверенностью, что я не говорю правду.

— Ты лжешь, — подтверждает он, когда его язык скользит по нижней губе. — Последний вопрос, и я отстану... пока что.

Мое дыхание становится неровным и слишком шумным, немного догадываюсь и немного предвкушаю, каков будет его последний вопрос.

Он упирается своим лбом в мой и рычит.

— Когда ты представляла это — касания такого вида — это доставило тебе удовольствие, представляла ли ты меня, клеймящим каждый твой дюйм?

Мы закончили тем, что добрались до станции метро Паддингтон, поезд был намного лучше, чем пробка — более просторный и чистый. И вид сельской местности Англии был совершенно захватывающим.

Я так и не ответила на его последний вопрос за завтраком, вместо этого позволила ощутимой тишине задержаться дольше и дольше между нами, пока еда не появилась передо мной. Я погрузилась в нее с удовольствием, позаботившись о том, чтобы мой рот оставался забитым для разговора.

Однако это не имело значения. Он слышал каждое негласное слово, которое объясняет тайные, чувственные улыбочки, награждающие меня каждый раз. И теперь, когда я пытаюсь сосредоточиться на красоте Римских бань, одного из самых великолепных мест, где я когда-либо была и, возможно когда-нибудь еще буду, моя кожа по-прежнему покрывается мурашками, когда его взгляд проходит по мне.

— Я понимаю, что у тебя есть прошлое и он может быть и облажался, но, черт возьми, — Нат драматично машет на себя. — Как ты можешь это выдержать? Я сексуально возбуждена, а он на меня даже не смотрит!

Моя новоиспеченная подруга, конечно, разошлась не на шутку, и подозреваю это надолго. Но это здорово, потому что она мне очень нравится.

Но не ее громкость.

— Ты можешь немного понизить голос, Джезибель? — гримасничаю я.

— Прости, — она спадает с десятки на твердую шестерочку. — Это тебе за то, что рассказала Паттону, что он мне нравится.

— Ну, прости. У меня была цель, и она была в твоих интересах, — говорю с полной искренностью. — Клянусь.

— О, верю, — отвечает она, кладя свою руку на мою. — Ты прощена. Я все равно должна была вернуть тебе должок, думаю. А теперь, давай сделаем несколько снимков.

Она говорит мне, чтобы я позировала первой. Я сижу на краю гигантского, впечатляющего бассейна, улыбаясь, когда она нажимает, делая снимок на телефон.

Подлетаю, встречая ее на полпути, чтобы поменяться и захватить несколько похожих фото с ней.

— Хочешь, чтобы я сфоткал вас вместе?

Голос Кингстона пугает меня, но я не роняю телефон. И так как Натали с нетерпением кивает, поворачиваюсь и вручаю ему его.

— Конечно, было бы здорово. Спасибо.

— Мне только в радость, — он улыбается. — И Эхо? После этого мне очень бы хотелось немного твоего внимания, хочу показать тебе кое-что особенное для меня.

— Думаю, группа нуждается в тебе прямо сейчас, — уклоняюсь я, избегая быть наедине с ним. — Ты же *гид*.

— Все уже улажено.

Он машет, и я вижу, что Берк идет к нам. Я смотрю на Нат, которая уже заметила его и пытается со всех сил не улыбаться от уха до уха.

— Что ты хочешь мне показать? — я иду вперед и спрашиваю, сохранив свое любопытство дольше, чем я ожидала.

— Увидишь, — говорит он, подмигивая. — Во-первых, проведешь время со своим другом, чтобы я смог сфотографировать твою очаровательную улыбку. И, кстати, она просто восхитительна. Я рад, что вы двое подружились.

— Она такая, — отвечаю я, затем направляюсь к Нат.

— Собираюсь оставить тебя через минуту, чтобы пойти и пофлиртовать с Берком — ты об этом уже догадалась, верно? — бормочет Нат, когда я сажусь рядом с ней.

— Тип того. И почему я не удивлена, — говорю с мягким хихиканьем. — У Кингстона есть что-то особенное.

— Слышала. Надеюсь — это его член. — Она усмехается. — Потому что готова поспорить, что он то у него чертовски особенный.

Когда Кингстон рассмеялся, я съезжилась. Не нужно беспокоиться о том, слышал ли он ее, так что я просто трясую головой... потому что, что мне еще остается делать.

* * *

— Куда это, Бога ради, ты меня ведешь? — спрашиваю я, заинтригованная и возбужденная, когда идем через деревню с Кингстоном.

Прежде, чем он может ответить, мы достигаем вершины холма. Мне не хватает воздуха, мои глаза наполняются слезами, потому что я знаю, глубоко в душе, где мы находимся.

— Это где...

— Твои родители впервые встретились, — это звучит, как продолжение фразы, с трепетом от эмоций.

Его голова дергается в мою сторону, глаза широко раскрыты от удивления. — Как ты об этом узнала?

— Твой отец рассказал мне историю.

— Серьезно?

Я приближаюсь к воде впереди нас. — Да, он очень детально все описал, когда говорил, — отвечаю я, больше себе, чем ему.

— Хмм.

— Что? — я присаживаюсь на корточки и провожу руками по ледяной воде, глядя на него.

— Это просто... странно, — отвечает он, потирая затылок.

— Почему это?

Он не отвечает, он смотрит в одну точку, что означает о его задумчивости.

Я скольжу на землю и снимаю обувь, начиная понимать, почему Миранда ее сняла. Причиной была вода — то, как она плавно течет по мшистой гальке и острым камушкам, маня к себе.

С ногами, погруженными в прохладу, я позволяю себе запрокинуть голову, и мои волосы тут же спадают мне на плечи. Закрываю глаза, вздыхаю в полном удовлетворении.

— Я ошибался, — его голос хриплый и напряженный. — Это совсем не странно.

Блаженно. Смотрю через плечо, чтобы найти напряженность в его взгляде, настолько сильную, что все мое тело начинает дрожать, и я не могу отвести взгляд.

— Мой отец не очень скучает. — Он подходит ближе, протягивая мне руку. — Пошли.

Я соглашаюсь, давая ему мою руку.

Он ведет нас к огромному дереву. Под ним есть корзина для пикника и одеяло.

— Теперь ты увидела мое особое дерево, тоже.

— Кингстон...

— Я понял, никаких воспоминаний. Прости. Но, прошу, сядь и пообедай со мной? — спрашивает он, используя свой голос и глаза.

— Хорошо, — говорю я, кивая. Он помогает мне сесть на землю, затем присоединяется ко мне сам.

Я нервничаю и жую нижнюю губу, оглядываясь, когда он достает все из корзины. Противоречивые чувства ведут борьбу внутри моей головы. Льстит ли мне, что он делится таким святым местом и частью своей жизни со мной? Да. Но в тоже время, я держусь за свое сопротивление изо всех сил.

- Что ты говорил о том, что твой отец не так сильно скучает? — спрашиваю я.

— Я никогда не слышал, чтобы он кому-то рассказывал, кроме меня, историю о том, как он встретил мою маму, но он решительно выложил все тебе. — Он прекращает рыться в корзине и смотрит на меня. — Видимо, он почувствовал какую-то причину, чтобы сказать тебе. Как ты думаешь, что это за причина?

— Я просто восхищалась ее портретом.

Он медленно качает головой. — Я подозреваю, что было гораздо больше, чем это.

Я тоже, но я этого не скажу.

Кингстон двигается, придвигаясь ближе так, что наши ноги теперь касаются друг друга, его рука ложится на мое колено. — Он не знает, что когда я смотрю на тебя, я вижу, что он видел, когда смотрел на мою маму — настоящую, невероятную и абсолютно безусловную любовь.

Я карабкаюсь назад, как испуганный краб.

— Кингстон, — выдавливаю я, — ты же согласился на просто дружбу, больше ничего.

Он быстро настигает меня, его губы захватывают мои, прежде чем я осознаю, что только что произошло.

- Тебе прекрасно известно, что между нами никогда не было просто дружбы, и никогда не будет. Даже когда ты была несовершеннолетней и находилась в доме своего отца, это всегда было больше чем друзья. Ну же, отрицай снова.

Его губы касаются моих в легком поцелуе. Мои глаза закрываются, когда мой рот трепещет под его ртом, все мое тело изнывает от тоски, и я боюсь, что больше не смогу сопротивляться.

— Поцелуй же меня, Эхо, — произносит в мой рот.

И тут меня осеняет, я беру себя в руки, отстраняюсь и встаю.

— Кингстон, нет! Я не хочу быть такой жестокой в этом прекрасном, важном месте, но я имела в виду то, что сказала, только друзья и ничего большего! Я не смогу выдержать этого снова, больше *не* хочу этого! Если ты продолжишь в таком же духе налегать на меня, то полностью потеряешь меня... навсегда.

— Эхо, подожди! — кричит он мне вслед, когда я убегаю тем путем, которым мы пришли, без моей обуви, не видя ясно сквозь поток слез.

— Стой же! — снова требует он несколько минут спустя, немного запыхавшись, после того, как догнал меня. Он дергает себя за волосы. — Боже! Чем сильнее я пытаюсь, тем хреннее все у нас с тобой получается! Я знаю, что ты хочешь искренности, великих

романтических жестов... вещей, поэзии и умерли в один день. Именно это я хотел тебе дать, показать тебе. И я более чем счастлив, дарить тебе все это!

— *Хотел*, Кингстон — прошедшее время! Я решила жить дальше, и тебе уже пора сделать тоже самое. Не так уж и сложно. Ты уже это делал раньше.

Он спотыкается от боли, горького яда в моем голосе.

— Нет, не делал. Если ты позволишь мне объяснить...

Он снова подходит ко мне, но я уворачиваюсь от его прикосновения.

— У тебя было достаточно времени, чтобы объясниться, но ты этого не сделал.

Теперь мы действуем по моему времени, моему графику, я не хочу больше этого слышать!

Его лицо... Боже, как будто я ударил его.

— Почему нет? — спрашивает он в приглушенном упрямстве, который рвет мое сердце на части.

— Потому что, — задыхаюсь сквозь хныканье: — Я верила тебе и не могу позволить себе снова наступить на одни и те же грабли.

Я выхватываю ботинки с его рук и убегаю как можно быстрее.

Кингстон дал мне побыть в одиночестве, которое, как он догадывался, было судьбоносным решением на то время. Он не разговаривал со мной с тех пор, просто шел достаточно далеко позади меня, уважая мое личное пространство, но при этом следил достаточно пристально, чтобы я не потерялась.

— С тобой все хорошо? — тут же спрашивает Нат, как только я возвращаюсь. Ее обеспокоенный взгляд скользит от меня к Кингстону, который проходит мимо, тупо смотря вперед.

- Честно? — спрашиваю я, не в силах врать.

Она слегка касается моего локтя. — Конечно. Ты бы не была моей соседкой и самой близкой подругой, которая когда-либо у меня была, если бы лгала мне, разве я не права?

— Самой близкой подругой? — запинаясь я на последних буквах, вспоминая, через что меня заставила пройти Саванна. Неужели есть такая штука, как настоящая подруга, которой ты сможешь доверить свои самые сокровенные мысли? Нат знает о моем прошлом с Кингстоном и никогда не осуждает, только слушает и понимает... возможно, все-таки это она именно та.

Несмотря на это, пришло время проверить в это, потому что только через полтора дня я поняла, что мои отношения с ней определено сильнее, чем с простой соседкой по комнате.

Я хватаю ее за руку, проходя мимо небольшой кафешки и сувенирного магазина, прежде чем нахожу скамейку, чтобы сесть.

— Я в ужасе, — слова сами вылетают со рта, когда я опускаю голову на свои руки.

— Я понимаю, — задумчиво говорит она. — Это отстойно, что он сделал тебе больно, что ты так сильно влюбилась в парня, который просто исчез, ничего не сказав.

Она встает и я поднимаю взгляд.

— Это заставило меня хотеть пнуть его под зад... вот только...

— Вот только, что? — сажусь ровно, и выпрямляю плечи.

— Вот только я видела, как он смотрит на тебя, все время и...

— Что правда? — я вскакиваю на ноги. — Ты на его стороне?

— Нет, черт побери! — она поднимает руки, в знак капитуляции. — То, что он сделал, было дерьмово. Но думаю, он об этом знает и так, но если ты дашь ему второй шанс, возможно... возможно... он докажет тебе, что понял, что именно потерял, и больше не повторит прежних ошибок.

Я отвожу глаза и кусаю нижнюю губу, мельком бросая взгляд на Кингстона, направляющего группу в другое кафе. У меня болит в груди — мучительный трепет, который становится все труднее игнорировать.

Я оборачиваюсь в сторону Нат, и с саднящей уязвимостью и слезами, жалящими мои глаза, могу только прошептать: — Или, возможно, он закончит то, что начал... уйдет, одержав вверх на своих условиях, и полностью уничтожит меня.

Разворачиваюсь на пятках и следую к автобусу, одна... или мне только так кажется. Я сажусь на свое место и размышляю о том, что мы не уедем еще в течение часа, когда чувствую Нат, скользящую рядом со мной.

Мы не разговариваем и не обмениваемся взглядами. Она здесь, пропускает изучение остальной части Бата, чтобы предложить тихую поддержку. Именно то, что мне так нужно

Эмоциональная и мысленно истощенная, я пропускаю все, что «групповые фестивали» запланировали на вечер. Мне даже удается убедить Нат, что со мной будет все в порядке, если останусь в одиночестве, поэтому настаиваю, чтобы она шла и провела незабываемую ночь с Берком.

Я не обманываю ее, но она уважает пространство, о котором прошу, и, после того, как я заказала мне начос — один из моих любимых из службы в номере — чтобы съесть, запрыгиваю в душ.

Я сижу у окна с едой, все еще увлекаюсь достопримечательностями Лондона, прежде чем приму ванну, после того как там закончит Нат. Вода омывает мою кожу самым утешительным образом — едва уловимое расслабление, которое заставляет забыть о Кингстоне.

— Эй, тут твой телефон звонит! — кричит Нат через дверь. — Кто-то чье имя Себастьян?

— Это мой брат. Можешь поговорить с ним, сказать, что я ванной и что в порядке?

— Без проблем!

— И ни слова о Кингстоне! — быстро добавляю я.

— Вас понял!

— А затем поторопись и беги к Берку, пока ночь не закончилась!

Я откидываю голову назад и улыбаюсь. Я доверяю ей в плане молчания, поэтому закрываю глаза, позволяя горячей воде снять напряжение во мне. В самом деле, крошечное хихиканье выскальзывает при мысли о реакции Себа, когда Нат начнет трепаться о нашей поездке, пока будет болтать с ним.

И оказываюсь права, судя потому, что вскоре слышу ее смех из другой комнаты. Я могу только представить, что она говорит, или лицо брата, когда он это слушает.

К тому моменту, когда я заканчиваю принимать ванну, вся сморщенная, но гораздо более расслабленная, Нат как раз заканчивает разговор. Она садится на край кровати, скользя в обувь, и тут у нее начинается «словесный понос».

- Твой брат горяч? Звучит очень даже ничего. — Она так распинается, словно это нечто; ее голос и лицо взволнованы, и ее движения немного так же энергичны, когда она говорит.

Я стону и падаю на кровать. — Не для меня так точно, он же *мой брат*.

— Ты поняла, что я имела виду. Другие девушки считают его горячим? — она встает, надевая свою сумочку.

- Ну, вроде да.

- Я знала это! — она вертится вокруг. — Ты можешь определить это по голосу человека.

— Ох, правда? Тогда скажи мне, что мой голос говорит прямо сейчас? — бубню монотонно я, суечусь с подушкой и перекатываюсь на бок, обращаясь к ней.

— То, что ты злишься, по нескольким причинам, но ни одна из них не имеет никакого отношения ко мне.

Она абсолютно права, и ей это известно; злорадство появляется в ее тоне.

Я уже приняла таблетку, и она может начать действовать в любую минуту, поэтому решаю побаловать ее, за тот короткий промежуток сознания, который у меня остался.

— Чтобы не произошло, Нат Фрейд, сначала подумай, — зеваю я.

— Ты злишься на Кингстона за что-то в прошлом, но еще больше ты злишься, что не можешь сердиться на него в настоящем времени, но еще больше ты входишь в *ярость* от того, что не можешь перестать думать о нем в твоём будущем.

Она замолкает, и если бы у меня были силы, я бы зарядила подушкой в ее всезнающую головку.

— Я права?

— Хорошо. Это раздражает от того, насколько все правда, — бормочу я. — Иди уже к Берку, но не задерживайся слишком долго. Завтра мы едем в Париж, и это долгая поездка в автобусе. Я не хочу терпеть сварливого и усталого человека в этой уже итак изнурительной поездке.

Она подходит к двери и говорит: — Я планирую дрыхнуть всю поездку, так что не жди меня.

Я не слышу как открывается дверь, поэтому нахожу ее около нее, смотрящую на меня.

— Эх... ты же не злишься на меня? Потому что я не занимала сторону Кингстона — я на твоей стороне. Надеюсь, ты это знаешь.

— Конечно, — немного приподнимаю голову и улыбаюсь. — И я вовсе не злюсь на тебя. Мне нужна лучшая подруга, которая будет честна со мной. Ты не представляешь, насколько я рада тому факту, что ты здесь, и мы встретились.

— Я тоже. И как твоя новоиспеченная подруга, могу ли предложить тебе кое-что?

— Это упоминает имя «Кингстон»? — я воспринимаю ее молчание за утвердительный ответ и продолжаю. — Тогда нет, не можешь. Спокойной ночи, Нат.

— Сладких, упрямая задница.

* * *

На следующее утро мы собираем все наши вещи, так как мы направляемся в новый отель в новом городе. Я в последний раз смотрю в окно и молча прощаюсь с Лондоном.

Нат вернулась перед рассветом, выглядя совершенно истощенной, и снимает всю с себя одежду, включая каблуки. Теперь я спрашиваю, хорошо ли она провела время, она улыбается и говорит «да», но что-то здесь не так.

Но мне не приходится долго гадать, потому что она добавляет: — Берт отличный парень, но он не тот самый. И нет, я не выдам тебе никаких сочных подробностей. Он веселый... милый. — Она небрежно пожимает плечами. — Надеюсь, мы останемся хорошими друзьями, но ничего большего.

Она не выглядит расстроенной, поэтому я решила не приставать к ней.

Стук в двери пугает меня, но Нат кричит мне из ванной, в которую она зашла, как только проснулась, что это портье, прибывший забрать наш багаж. У меня только одна сумка и, следовательно, нет необходимости в помощи, но портье настоял, поэтому, что я еще могу

сказать?

Мы следуем за ним с пустыми руками, и я чувствую себя глупо, когда он несет наши две большие сумки к лифту, а затем к автобусу, ожидающего снаружи перед дверьми отеля.

Кингстон тоже здесь, проверяет списки и отмечает в буфере обмена, но он поднимает глаза и дарит мне ослепительную улыбку.

Я пытаюсь вернуть ее, но знаю, что это выглядит жалко. Забыть вчерашний вечер не так легко как кажется.

Когда все присутствующие отмечены, мы начинаем садиться в автобус, я хватаю Натали за руку, и шепчу, чтобы она держалась позади. Если я должна буду провести в ловушке восьмичасовую поездку, то мне бы хотелось сидеть у выхода. Не доведи господи, если случится авария, пожар, похищение, экстренная ситуация и т. д. Передний выход — мой лучший друг.

Наш выбор мест, которые я вскоре нашла, и которые действительно вели к выходу, были расположены прямо напротив Кингстона. Наш бесстрашный лидер, естественно, тоже сидит в первом ряду. И Нат, которая нежно настаивает сесть у окна, заставляя меня занять место у прохода, и как вы поняли, поближе к нему.

Просто класс. Умираю от нетерпения сидеть часами в этом автобусе, так еще и Кингстон сидит настолько близко, что я могу протянуть руку и коснуться его. И он не собирается быть проигнорированным или провести ознакомительную программу для нашей такой сближенной аудитории, учитывая то, что мой телефон оповещает о сообщении, прежде чем мы трогаемся с места.

Я уже знаю, от кого оно, даже не глядя, и что это только одно «из», поэтому ставлю свой телефон на вибрацию, а затем читаю сообщение.

Кингстон: Утречко, подружка. Ты выглядишь прекрасно.

Я смотрю на него краем глаза. Он улыбается своему телефону, явно желая разыграть эту такую знакомую секретную игру.

Я: И тебе доброе утро, и спасибо.

Кингстон: Прошло довольно долгое время с тех пор, как мы переписывались.

Раздражительная ярость поднимается в моей груди, и я, скрипя зубами, но контролируя свое выражения лица, отвечаю.

Я: Думаю, не очень удачная идея, напоминать мне об этом.

Кингстон: Согласен, прости. Но я хотел сказать, что скучаю по этому.

Я: С глаз долой, из сердца вон, да?

Кингстон: Посмотри на меня, пожалуйста.

С громким вздохом я поворачиваюсь и одариваю его скучающим взглядом.

— Никогда, ни на один день, ты не покидала мои мысли, — говорит он тихо, чтобы только я могла услышать.

Я закатываю свои глаза, а затем отворачиваюсь, но все, что мне действительно хочется сделать — это посмотреть на него и оценить всю его искренность. Я смотрю на Нат, чья голова прислонилась к окну, ее уши заткнуты наушниками, когда она назойливо кому-то пишет сообщение в своем телефоне.

И снова вибрация.

Кингстон: Что ты больше всего хочешь увидеть в Париже?

Все просто. Мои пальчики автоматически летают над буквами.

Я: Эйфелева башня.

Кингстон: Отличный выбор, я догадывался.

Я: Правда? И почему же?

Кингстон: Это очень романтично, а ты, сладкая Эхо, романтична.

Я: Возможно. И бессовестно. Нет ничего плохого в романтике.

Кингстон: Не могу не согласиться.

И так повторяется все снова, сообщение за сообщением между двумя людьми, которые сидят рядом друг с другом, но всегда предпочитают тайное уединение.

Около четырех часов поездки мы останавливаемся на перерыв и обед, лучше поздно, чем никогда. Если бы Джеки заскулила «Когда мы остановимсяяяя?» из задней части автобуса еще раз, я бы ее стукнула. *Словно едешь с раздражительным трехлетним ребенком.*

- Нат, — трясую ее, и она вытаскивает свои наушники. — Мы остановились на обед.

- Круто, — она возвращается к своему телефону, и я замечаю имя человека, которому она пишет, но прикусываю свой язык. Я хочу подождать и посмотреть, скажет ли она мне, моя подруга.

Кингстон встает и объявляет, в какое время мы все должны вернуться обратно, напоминая всем, что это их обязанность вернуться вовремя и позвонить, если они отстанут. Затем двери открываются, и все быстро выходят.

Натали! Эхо!

Мы оба поворачиваемся под звуки наших имен, чтобы увидеть как Паттон и Чад, бегут к нам.

— Вы ребята будете есть? — спрашивает Паттон.

Я смотрю на Нат, которая пожимает плечами, а затем оглядываюсь по сторонам в поисках вывески.

— Как насчет того местечка? — я указываю на маленькую закусочную с табличкой на тротуаре.

— Пошли со мной, — говорит Джеки, подходя с Бриджет и двумя другими девушками, которых, но никогда не встречала. — Пошли.

Она берет Паттона за руку и уводит, оглядываясь через плечо, чтобы послать укоризненный взгляд.

— Что за черт? — удивляюсь я вслух.

— Это был классический взгляд сердитой девушки, которая ревнует, — отвечает Нат.

— К кому?

— Ну, учитывая то внимание, которым тебя одаривает Кингстон, и то, что у нее был трах с Паттоном и Чадом, возможно, забота Паттона о тебе так разозлила ее. Кто знает, да и кого это волнует? Пойдем, поедим где-нибудь еще.

- Могу я...я просто видел вывески прямо впереди, — говорит Кингстон, позади нас. — Хотите ли вы, дамы, присоединиться ко мне и к другим?

— Все зависит от Эхо, — говорит Нат со смехом, и я стреляю в нее убийственным взглядом. Эти двое сведут меня с ума.

Но только после того, как поем.

— Звучит неплохо, — признаюсь я. — Показывай дорогу.

Я улыбаюсь, отступая в сторону и протягивая руку, чтобы позволить Кингстону встать перед нами и повести вперед.

В то время, пока мы отстали немного от нашей группы, в процессе короткой прогулки на обед, Нат говорила, как можно слаще, о том, что возможно я была немного *трусихой*, и, комментируя это, продолжала насмехаться. Во-первых, если ты защищаешь свое сердце, пытаешься оставаться друзьями с самым неотразимым человеком в мире, то ты будешь *трусить*, а после этого просто бросьте меня «в стиралку на долгую стирку».

А во-вторых, этот термин обычно относится к человеку, который не только не может решить, но и не знает, чего хочет. Я вот точно знаю, чего хочу — Кингстона.

Как бы там не случилось, к сожалению, он огромный риск, который я не могу себе позволить. Я твердо решила, что месяцы ожидания без письма, звонка или сообщения, больше не позволят мне попасть в его волшебную паутину сна. Потому что, когда он «отпускает пленника на свободу», это больно. Слишком.

Наша вечеринка-обед заканчивается на приятной ноте, чего я никак не ожидала, и это приятно по двум причинам. Во-первых, я познакомилась с некоторыми другими людьми, которые также путешествуют. И во-вторых, Кингстон играет роль милосердного хозяина, что существенно отвлекает его внимание от меня.

Когда все изрядно наелись, и их потребности были удовлетворены, мы пополняем наши запасы для второго этапа нашей однодневной поездки, во время которой все будут спать, в том числе и я.

* * *

Когда автобус резко тормозит, это заставляет меня проснуться. Мы в Париже.

Уже ранний вечер, и думаю, после долгой поездки длительный горячий душ и быстрый ужин перед сном, звучат отлично. Ну, и как всегда, другие уже болтают о своих ближайших планах.

Мы с Нат входим в просторную комнату, и пока я распаковываю свои вещи для душа, она достает платье и начинает делать макияж у зеркала.

— Куда-то собираешься? — спрашиваю я.

— Ага, одни девушки за обедом казались довольно крутыми и упомянули, что посетят Латинский Квартал. Идешь с нами?

— Неа, я выдохлась, но ты пойдешь и насладишься вечером.

Она слегка гримасничает. — Ты точно уверена?

— Я более чем уверена, но спасибо за приглашение. Просто будь осторожна.

— Обещаю! — шепчет она, прежде чем надеть туфли и выйти за дверь.

После душа, я ложусь на кровать и решаю набрать Себастьяна. После пяти минут разговора слышу, как кто-то стучит в дверь.

— Подожди минутку, кто-то стучит в дверь, — говорю я ему.

— Проверь в глазок! — кричит он мне в ухо.

Через маленькую дырочку я вижу мужчину, одетого в подобие штатного наряда, стоящего рядом с тем, что кажется тележкой для обслуживания.

— Себ, я перезвоню тебе. Думаю, это мой ужин.

— *Думаешь?* Боже. Будь осторожной, Эхо. Люблю тебя.

— И я тебя.

Я отключаюсь и открываю дверь.

— Я... могу чем-то помочь?

Мужчина улыбается и передает мне записку.

«Я не был уверен насчет твоего знания французского, но был осведомлен о незнании английского, отсюда и записка. Счет оплачен; просто скажи «Merci beaucoup» и наслаждайтесь своим ужином, Любовь моя. — К».

Я отхожу в сторону, давая место тележке заехать в комнату, затем благодарю мужчину, как и указано в моей записке, и закрываю за ним дверь.

У меня уже текут слюнки, только от одного запаха. Я поднимаю крышку и хихикаю при виде громадной, сырной пицце и еще одной записке:

«Возможно, это и не Золото Глупцов, а пять сыров чревоугодия».

Я ничего не могу поделать со счастьем, которое превращается в слезы на глазах. Все было так здорово, и, очевидно, оказало на него большее воздействие, чем я предполагала. Зачем же он все это рушит?

Хоть я немного и расстроена, но также голодна, поэтому вонзаюсь в манящую еду.

После двух ломтиков и беглого изучения телевизионных каналов, понимаю, что это бесполезно, потому что я не могу понять, черт возьми, о чем они говорят ни на одном из них. Я надеваю штаны для йоги, легкую куртку и кроссовки, решая немного проветриться.

Район за пределами отеля кажется безопасным, поэтому я начинаю неторопливо гулять по тротуару, смотря на горизонт огней, которые одинаково яркие во всех направлениях, куда не посмотреть. Тут также есть местные жители, но большинство людей, отдыхающих на тротуарах, похоже, являются туристами, такими же, как и я, наслаждающиеся культурой и историей с камерами и вспышками. Куда бы я ни посмотрела, появляется что-то новое и интригующее, и хочется сфотографировать, и мой палец резко нажимает на кнопку, как вдруг меня внезапно хватают сзади.

Большая, крепкая рука обнимает мою талию, и меня поднимают с земли. Я вижу, как меня заносят в переулок, подальше от безопасных уличных фонарей и толпы. Явная паника охватывает меня, но я не могу кричать, мои инстинкты выживания еще не проявились. Все о чем я могу думать, это о моей бедной семье. Они доверяли мне, и завтра им позвонят, чтобы они забрали мое тело.

Секундой спустя, что его хватка слегка ослабевает, «борись или беги» берёт своё. Поэтому делаю и то и другое, извиваясь, я наношу один сильный удар ему в живот и убегаю.

Но не успеваю уйти далеко, потому что чувствую, как он хватает меня на запястье, кряхтя.

— Ты сводишь меня с ума, Любовь моя!

И вот оно то, что я упустила раньше, знакомый голос моего нападавшего.

Я оглядываюсь назад. Конечно, я вижу Кингстона, который наклонился и держится рукой за живот, которая не держит меня.

Я вырываю руку с его хватки. — Ты долбаный кусок дерьма! — кричу я, удивляясь, что могу найти слова сквозь прилив адреналина, затмившего мой взор, мое тело сильно дрожит, а сердце бешено стучит. — Да что с тобой не так!

— Что со мной не так? — кричит он, теперь уже выровнявшись, его глаза темнее, чем я

когда-либо их видела.

Я делаю шаг назад, внезапно не понимая себя и его, и в этот момент моя спина врежется о кирпичную стену.

— Что, черт возьми, с тобой не так? — спрашиваю я, тяжело дыша.

Его ноздри раздуваются, и когда я слегка наклоняю голову, чтобы лучше видеть его через тускло освещенную область, и нахожу что-то другое, кроме гнева, который усталился на меня. Он выглядит совершенно испуганным.

— Кингстон...

— Чем ты блин думала, когда выходила в одиночку после наступления темноты? — спрашивает он, его слова неторопливы и кратки. Он прямо у моего лица, гневная мышца на его челюсти выглядит зловеще, в его глазах еле заметная свирепость. — Ты думаешь, что твоя сладкая попка, вот так просто может разгуливать по городу, ни о чем не задумываясь?

Я толкаю его в грудь. — Я была на тротуаре с десятками других людей! И ты не имеешь права читать мне нотации, как маленькому ребенку, особенно после того, как ты напал на меня!

— Десятки людей, говоришь? — Он нарушает мое личное пространство и осторожно берет за подбородок, чтобы повернуть ее в сторону тротуара, где я вижу несколько туристов, проходящих мимо заметного переулка. — Едва ли. И ни один не остановил меня, пока я тебя нес.

Я дергаю головой. — В чем твоя проблема? Ты поступаешь как идиот! Я должна отпинать твой зад за то, что напугал меня!

— Ты уже это сделала. Я рад видеть, что у тебя все еще хороший правый хук, но ты должна была в первую очередь кричать, — выдает он с сердитым рычанием. — Разве ты не поняла, в какой опасности оказалась?

С меня было достаточно. Я поправляю свои волосы и делаю успокаивающий вдох.

— А знаешь что? Между нами все кончено. Ты хочешь преследовать меня всю ночь под видом моей защиты? Судя по всему. Но *не испытывай* меня снова. Спокойной ночи, Кингстон.

Я ухожу без оглядки, честно удивленная тем, что он позволяет это. Это мы и делаем в последнее время — я ухожу, он следует за мной, чтобы держать меня в безопасности. Сегодняшний день ничем не отличается. Я не слышу и даже не вижу его, но мои чувства говорят мне, что он всегда рядом.

Вот почему когда я захожу в прекрасный сад около часа спустя и сажусь на скамейку после того, как достаточно насладилась ночным видом города, я кричу:

— Места достаточно для двоих.

Меньше, чем через минуту, он появляется и садится возле меня.

- Я никогда так не боялся, — мрачно говорит он, смотря перед собой.

— Никогда? — спрашиваю я в неверии, принимая его смущенный-но-такой-прекрасный профиль.

— Не вот так. Мысль о том, что с тобой случилось... — Он сильно сглатывает. — То прошлое падение с той чертовой лестницы... Я не позволю снова чему-то случиться с тобой. Все что я ощущал тогда — это чистый ужас.

— Да, я тоже. Представь, каково было *мне*. Я думала, что умру.

— Мне жаль, что напугал тебя, я не должен был этого делать.

— Тогда прости *меня*, что ударила тебя, я тоже не должна была так делать.

— Не извиняйся. Я очень был рад наблюдать, как ты сражаешься. — Он издает короткий, небольшой звук — смех без какого-либо настоящего юмора.

После долгого молчания он шепчет: — Я потерял тебя.

- Что? — я разворачиваю свое тело, но он не смотрит на меня, его взгляд устремлен выше на полную луну. — Ты же был прямо позади меня.

— Раньше, когда ты выходила с отеля, я не мог найти тебя. Понимал, что ты где-то там, одна, и как бы я не бежал, я не видел тебя. Я ужасно волновался, я должен был развернуться и пойти другим путем, не зная, в каком именно направлении ты пошла, но мысль о том, что я ошибаюсь, еще больше пугала меня. Никогда не чувствовал себя так, как раньше, буквально пойманым на волоске от твоей безопасности, или... один неверный поворот, и...

Он с трудом дышит. — Слава Богу, мои инстинкты были правы.

У меня нет слов; он намного сильнее, чем я когда-либо слышала. Медленно, я ложу свою руку на его, и он сплетает наши пальцы и сжимает.

— Думаю, мне стояло сказать тебе, что я иду на прогулку. Извини, ты заставил меня осознать, что мне нужно больше знать свое окружение. Но ты должен дать мне пространство, Кингстон. Ты должен понять, что я смогу о себе позаботиться. Если ты этого не сделаешь, то задушишь меня.

Он наконец-то переводит свой взгляд на меня.

— Ты еще не поняла, Эхо? Ты настолько сильно забралась мне под кожу, что мысль о потере тебя снова... Я не могу этого допустить. Я этого *не сделаю*. — Он снова отводит взгляд, пробегая рукой по своему лицу. — Сегодня, ты можешь думать, что это крайность, и возможно это так и было. И я понимаю — *просто друзья* — но от этого не лучше. Ты можешь злиться, сколько угодно. Лучше ты огорчишься из-за меня, чем попадешь в неприятность.

Я освобождаю свою руку, не в силах игнорировать непреодолимые эмоции, тяготящие мое сердце. — Как ты узнал, что я здесь?

— Ах, Любовь моя, я уже много раз тебе говорил, что у меня свои методы, — он ухмыляется, и это разряжает напряжение между нами. Я благодарна и возвращаю улыбку. — Ты должна пообещать мне, что больше вот так не будешь бродить.

— Обещаю, — с легкостью произношу я, в моих венах по-прежнему пульсирует страх ночи. — Но если снова меня так напугаешь, мой удар придется чуточку ниже.

— Спасибо. Не знаю, как объясню твоему брату или отцу, если ты исчезнешь у меня из-под носа. — Он качает головой.

— Так ты все-таки *общаешься* с моим братом?

Он кивает. — Да, общаюсь.

Эти два слова говорят о многом. Если Себастьян говорит с ним, значит, он знает, что нет причин для волнения. Но я отказываюсь это принимать, пока полностью не удостоверюсь о причинах своего похищения.

— Ты мог бы просто позвонить мне, знаешь ли.

— Ага, сейчас я это понимаю. Но я уже один раз был слишком напуган, поэтому отбросил все варианты и продолжил «яростные» поиски. Но даже об этом я немного сожалею. Суть не в том, как я тебя контролирую или душу — это нужно ради твоей безопасности. Понимаешь?

— Хорошо, — бормочу я. — Я немного хочу спать, и у меня было более чем достаточно свежего воздуха.

Он слегка хихикает. — Как пожелаешь.

Мы идем обратно, на этот раз вместе с ним.

— Спасибо за ужин. Это было очень мило с твоей стороны.

— Рад стараться.

Он проводит меня до моего номера, и как раз перед тем, как я закрываю дверь, он произносит свои прощальные слова на уровне чуть выше бархатного шепота.

— Сладких снов, Любовь моя.

— Вставай, уже утро! Пора увидеть Париж!

Я дергаю одеяло со стонущей Натали, испытывая головокружение от нетерпения исследовать Город Огней в течение всего дня. Я уже одета, а она еще даже не открыла глаза.

— Иди без меня, — стонет она, натягивая еще одну подушку себе на голову. — У меня похмелье.

Я не слышала, во сколько она приехала прошлой ночью из-за действия снотворного, но, судя по запаху алкоголя, сочившегося из ее рта, и зеленому оттенку ее лица, предполагаю, что это было поздно — или очень рано, в зависимости от того, как на это посмотреть.

— Давай же, Нат, — умоляю я. — Прими душ. Я принесу тебе тост и аспирин, и затем ты почувствуешь себя лучше. Ты же не хочешь пропустить экскурсию по Парижу!

— Прости... не могу... оставить постель, — стонет она, ее слова почти невозможно разобрать. — Укрой меня... и повеселись. Когда будешь уходить, выключи свет.

Как можно тише, хватаю воду из мини-холодильника и два ибупрофена из своей сумки, ставя их на тумбочку. Я вынимаю мусорную корзину из ванной и ставлю ее рядом со своей кроватью, прежде чем нажимаю выключатель и тихо закрываю за собою дверь.

Думаю, я сделаю для нее дополнительные фото. Потому что знаю, как только она начнет мыслить ясно, она будет сожалеть, что пропустила сегодняшний день. Кроме того, у нее, по-моему, настоящая страсть к фотографиям.

— А вот и ты, — говорит Кингстон, список группы в его руке, когда я добираюсь до вестибюля. — Где Натали?

— Она, эм... не очень хорошо себя чувствует, поэтому отдыхает еще.

— Кажется, сегодня утром у всех эта проблема, — он приподнимает брови.

Я оглядываюсь, понимая, что он имеет виду. Здесь буквально всего семь человек, не считая Кингстона. Вчера вечером была большая вечеринка.

— Привет!

Чад подходит ко мне. — Паттона тоже не будет, поэтому мы можем быть напарниками сегодня, если хочешь.

— Ох, звучит неплохо. — Я уверенно улыбаюсь, абсолютно не вспоминая, и не осуждая его за то, что увидела в ту ночь. — Ты что, пропустил такую ночку?

— Неа, просто пил виски, закрепил пивом. Из всех остановок нашей поездки — эта именно та, которую я с нетерпением ждал. Он посмеивается.

Раздается громкий шум, и моя голова поворачивается в сторону.

— Простите, — мрачно произносит Кингстон, наклоняясь, чтобы подобрать блокнот, который он уронил на мраморный пол.

— Но теперь, когда я привлек ваше внимание, — продолжает он группе, хотя смотрит только на меня, — хотел бы предложить, чтобы мы шли по сегодняшней запланированной повестке дня. Прекрасная погода и пребывание вместе не должно создавать проблем с такой небольшой публикой. Какие-то вопросы?

Я задерживаю дыхание, молясь, чтобы никто не спорил, потому что ходьба звучит замечательно, и выдыхаю в восторге, когда все соглашаются.

— Хорошо, тогда вперед. И помните, если отстанете от группы, позвоните мне, мы остановимся и подождем вас. Кроме того, вы можете поднять этот флаг, чтобы помочь нам

разыскать вас. — Он проходит между нами, раздавая белые флажки на небольших палочках. — Вопросы?

Никто не спрашивает, поэтому он продолжает.

— Хорошо, наш первый пункт назначения сегодня утром — Нотр-Дамский Собор. Хорошо?

Он держит дверь, когда мы проходим, кивая и улыбаясь... ну, *почти* для всех. Я прохожу как можно медленнее, а Чад ловит дверь и сам ее для себя держит.

Кингстон проходит вперед группы, рассказывая о фактах и указывая на здания и площади, пока мы идем. Я стараюсь сосредоточиться на этой экскурсии, но постоянно отвлекаюсь, потому что не только задница Кингстона выглядит потрясающе в его хорошо облегающих, темных джинсах — что отвлекает само по себе — но и Чад устраивает для меня величайшую экскурсию всю дорогу.

— Итак, ты и Кингстон, — интересуется он. — Вы разобрались между собой?

Я облегчаю его ношу резким ответом. — Да, только дружба. Что мы и делаем.

— Ты точно уверена? — упорствует он еще больше. — И больше ничего?

Я раздраженно смотрю на него.

— Не думаю, что это тебя касается, и я действительно не хочу, чтобы весь день пошел «коту под хвост». Поэтому, можем мы прекратить это? — я дарю ему легкую улыбку. — Давай наслаждаться городом.

— Ты права, — отвечает он, посмеиваясь. — Виноват. Извини, больше такого не повторится.

— Ничего страшного, — я игриво толкаю его локтем, не желая портить себе день.

Больше никаких вопросов, как и было обещано, и через несколько минут мы уже оказываемся у собора. Я не могу заглушить свой восторженный вздох. Я стою перед одной из самых больших, самых известных церквей в мире — я, Эхо Келли, из Келли Спрингс.

Я чувствую, как слышу его слабый смешок, и, кинув на него взгляд, нахожу мягкую, но сексуальную улыбочку, посланную мне.

— Вы готовы войти внутрь, — он обращается ко всем, но опять же, я знаю, что он в действительности спрашивает только меня.

Я киваю головой в сдерживающем волнении, и его улыбка становится невероятно широкой.

Не могу не смотреть, восхищаясь, но достаточно быстро прихожу в себя; величественная история окружает меня. Я делаю столько фотографий, сколько могу, даже когда мы поднимаемся по бесконечной лестнице к знаменитой колокольне. И знаете какой отсюда вид? Невероятный! Просто нет слов, чтобы описать все это.

Прежде чем я осознаю, что мы уже просмотрели все, что смогли увидеть, и пришло время двигаться дальше. Мне кажется, что я только что приехала, но прекрасно понимаю, что прошло уже несколько часов.

Я смотрю на ярко-синее небо возле церкви, когда бархатный, с ноткой сочувствия шепот посылает мурашки по моей коже.

— Я привезу тебя обратно, когда захочешь, Любовь моя — только ты и я. Мы можем двигаться настолько медленно, как ты захочешь.

Я не знаю, что соблазняет меня больше — мысль о том, чтобы снова приехать сюда, или его чувственные намеки, лежащие в основе.

На самом деле, все это ложь. Собор поражает, но...

— Не давай обещаний, которых не сможешь выполнить, — отвечаю я ровным тоном, но вкладываю некое значение, связанное с этим, прежде чем уйти.

Прогулка к Лувру не занимает много времени, и снова я делаю как можно больше фотографий, соблюдая правило «никакой вспышки», которую игнорируют все остальные, при этом все они неодобрительно хмурятся.

Чем более известна картина, в частности, Мона Лиза, тем больше толпы вокруг нее, поэтому всем очень скоро становится скучно с экскурсией по музею. И как бы мне не хотелось остаться, слишком скоро пришло время двигаться дальше.

Пешее путешествие начинает сказываться на группе, поэтому мы идем неторопливо, прогуливаясь по самым красивым, ухоженным паркам, которые я когда-либо видела. Когда мы подходим к великолепному фонтану, я начинаю искать монетку, чтобы загадать желание.

— Что загадала? — спрашивает Кингстон, подмигивая мне.

Я качаю головой с кокетливой усмешкой. — Если скажу, это не осуществится.

— Зависит от желания. Если это что-то близко к тому, на что я надеюсь, тогда я действительно смогу воплотить его в жизнь.

Я игнорирую оптимистичный поворот во мне и поворачиваюсь спиной к нему, загадывая про себя желание, когда бросаю в воду блестящий, медный символ надежды.

Мы идем некоторое время, догоняя других. В конце концов, я чуть ли не задыхаюсь, узнавая монумент передо мной: Триумфальная арка, построенная Наполеоном!

Я беру свой телефон и спрашиваю Кингстона, сможет ли он сфотографировать мене перед этим. Но вместо этого он поворачивается к незнакомцу, проходящему мимо, говорит по-французски, а затем берет меня за руку.

— Ему лучше не воровать мой телефон, — бормочу я, когда Кингстон обнимает меня за плечо и прижимает к себе.

— Это будет последняя вещь, которую он сделает. А теперь улыбнись.

После нескольких иностранных слов, которые, как я предполагаю, означают «Спасибо», Кингстон забирает мой телефон. Но он не отдает его мне, занимаясь тем, что стучит по экрану.

— Что ты делаешь? — спрашиваю я.

— Отправляю себе копии, я надеюсь это наше первое совместное фото. И твой код по-прежнему 1-2-3-4, Любовь моя? — смеется он.

— Тише ты, — усмехаюсь я, отбирая свой телефон обратно. — Куда теперь?

— Увидишь. Но лучше, найди своего *напарника* Чада. Будет на твоей совести, если бедняжка онанист потеряется.

Я обзываю его грубым и разворачиваюсь, оглядываясь через плечо, чтобы добавить: — Ты абсолютно прав.

Группа начинает ныть о ванной и еде, именно в этом порядке. В общем, все соглашаются на необычное кафе, и снова доказывая, что он не козел, как я иногда себе говорю, Кингстон предлагает заплатить за каждое блюдо.

Я сижу за столом с Чадам и еще двумя людьми, с которыми мне еще предстоит познакомиться, они представились, как Лейлани и Крис.

— *Лейлани?* — смеется Крис. — Ты не похожа на гавайца.

— Ну и ты не похож на Криса Хемсворта. — Она одаривает его сдержанной улыбкой. — Но если ты скажешь мне, что это твое имя, обрати внимание, как я приму его и воздержись от дальнейших комментариев.

Я одариваю Лейлани небольшой улыбкой одобрения... *молодец*. Затем, я ловлю себя на том, что смотрю на Кингстона, который сидит с двумя другими людьми. Они были с нами сегодня, девушкой по имени Ким, с которой я перекинулась несколькими фразами, и с парнем, которого не знаю.

Он ловит мой взгляд, мгновенно осознавая, что я смотрю... и на этот раз я не могу прочесть его выражение. Крошечная усмешка немного кислая, а его серые глаза пустые и бездонные.

У меня нет времени выяснять причину, потому что меня внезапно осеняет. Четыре человека сидят за моим столом, и с Кингстоном сидят двое, а это значит...

Черт. Мы кого-то потеряли.

Он выгибает брови, наконец-то, хоть какие-то признаки жизни на его лице, тихо спрашивая меня о причине тревоги на моем лице.

«*Что случилось*»? — он одними губами.

Я поднимаю шесть пальцев, хихикая от вспышки в памяти того, что когда-то это могло означать между нами, и шепчу: «*Только шесть. Мы кого-то потеряли*».

Его глаза расширяются, а голова поворачивается влево и вправо, прежде чем он смотрит на меня и вздыхает.

— Кто-нибудь видел Карсона? — спрашивает он с громким раздражением.

Я не могу ответить, видела я его или нет, потому что, если честно, понятия не имею, кто такой Карсон, даже если бы он свалился на меня как манна небесная.

Никто другой также не может ответить, и когда я осматриваю местность, не вижу в воздухе белого флага.

— Идите и заказывайте. — Встает Кингстон. — Я скоро вернусь. Если он появится наберите меня, пожалуйста.

Часть меня хочет кинуться и помочь ему в поиске, но я передумываю. Нет никакого смысла в том, чтобы идти и увеличить наш счет «потерь». Поэтому я смотрю на улицу, желая, чтобы появился белый флаг.

Вскоре подходит официантка, к счастью, она та, кто говорит по-английски, видимо, заметно, что мы не говорим по-французски. Я заказываю себе и Кингстону выпить.

Но когда она возвращается и спрашивает о наших заказах, я отказываюсь выбирать.

— Ты же наверняка голодна, — говорит Чад, толкая меня в плечо.

— О, я голодна, но уверена, что и Кингстон тоже. Не думаешь?

— Да, знаю, — его губы изгибаются в улыбке. — Ты и вправду очень милая девушка, Эхо. Если он где-то накосячил, то он полный придурок.

Лейлани наклоняется, любопытство горит в ее глазах. — О чем вы болтаете? Я что-то упустила.

— Ничего, — отвечает Чад коротко за меня, прежде чем наклонить голову, чтобы сказать так тихо, чтобы только я смогла услышать. — Прости, только хотел тебя похвалить. Даже не подумал.

— Все окей, — отвечаю я, а затем встаю с места, когда ловлю вспышку белого цвета через улицу. — Карсон?

Парень оборачивается, когда я кричу, облегчение заметно на его лице.

Когда он подходит, я вытаскиваю свой телефон.

Я: Карсон найден, он здесь с нами.

Кингстон: Спасибо, возвращаюсь.

Я: Заказать тебе что-то?

Кингстон: Нет, я не хочу тормозить других. Приду намного позже. Наслаждайся.

Я: Наслаждаться чем? Я еще ничего не заказывала.

Кингстон: Почему?

Я: Я ждала тебя.

Кингстон: Моя ты хорошая. Ты устала притворяться?

Я: Не понимаю, о чем ты.

Кингстон: Ага, ты понимаешь.

Он прав. Я понимаю.

Я: Ты слишком уверен в себе.

Кингстон: Вполне.

Я: Откуда такая уверенность?

Кингстон: Потому что ты сейчас улыбаешься и покраснела? Ты делаешь это только для меня.

Я поднимаю голову и без усилий обнаруживаю, что он стоит всего в нескольких футах от меня, наблюдая за мной с заразной улыбкой и чувственным пламенем в его глазах.

Я закатываю глаза и отвожу взгляд, поправляя салфетку на коленях.

— Карсон, — Кингстон присоединяется к нам во внутреннем дворике. — Рад видеть, что ты нашел путь назад.

Он занимает свое место за другим столом и подзывает официантку, прося меню, которое, как мы говорили, будет теперь на обед.

Я даже не осознавала, что солнце было немного ниже в небе, яркий оранжевый цвет становится ярче, когда верхний слой приобретает оттенок фиолетового, начиная двигаться.

Сегодня, учитывая то, что мы видели много чего более ошеломляющего и сюрреалистичного за последние время, похоже, все пролетает мимо меня.

В то время как мы закончили с едой, я думаю, все осознали, какой это был долгий день. В нас у всех присутствует чувство лени, и я замечаю несколько зевков и сонных глаз. Будет ли приятней вернуться в отель на автобусе или такси, и продолжить завтра на отдохнувших ногах? Думаю, да.

Эйфелева башня теперь пылает, как маяк, маня нас к себе, и поэтому все голосуют единогласно.

Удивительно, но когда мы добираемся туда, очередь не такая уж и большая. И вскоре семь из нас делятся, большинство выбирает подъемники, чтобы подняться на великолепную конструкцию.

Я не одна из них. Я хочу больше впечатлений, и чтобы получить это, поднимаюсь по лестнице... которая должно быть не менее 600 метров.

Когда мои мышцы ног горят и выдыхаются, думая, что совершила какой-то чудесный подвиг, я немного разочарована, когда лестница подходит к концу... а я все еще не на верху.

Я приседаю, чтобы посмотреть на вид с этой высоты и отдохнуть, когда пугаюсь кого-то сзади.

— Хороший подъем? — смеется Чад.

Я, наверное, выгляжу настолько же смущенной и побежденной, как и чувствую, когда поворачиваюсь к нему лицом, потому что его следующими словами становятся: — Есть только один путь подняться наверх — лифт. — Он указывает своей головой в его сторону, гордо улыбаясь. — Остальные уже поднялись. Не планировал подниматься по лестнице, но я хотел подождать тебя.

— Ну, спасибо. — Я улыбаюсь, несмотря на небольшое разочарование, нотки которого вспыхивают во мне, от осознания того, что он единственный, кто ждал.

Мы стоим в очереди за лифтом, и через несколько минут один из них открывается. Мы садимся со многими другими, смешавшись с толпой. Чад, вроде, хороший парень и достаточно умный, но мы чересчур близки для комфорта.

Достаточно скоро мы остановимся, ожидая, когда придет наша очередь выгрузиться... на самой вершине Эйфелевой башни! Я даже и мечтать, несмела, что когда-то испытаю это. Конечно, это моя заезжая фраза каждому новому удивлению, но *Эйфелева башня?*

Здесь менеелюдно, так как много места для людей, чтобы они могли разбрестись по разным направлениям, но здесь дезориентировано высоко ночью, поэтому я стараюсь быть рядом с Чадом, так как не вижу кого-либо еще с нашей группы, чтобы собраться вместе.

— Черт, — выдыхает Чад. — Довольно удивительно, не так ли?

Я слышу его, но просто не могу сформулировать ответ. Слишком очарована видом.

Он смеется, толкая меня в плечо. — Потерялась в своих «девчачьих мечтах», а?

Теперь я поворачиваюсь к нему, в моем смущенном взгляде появляется вопрос.

— На самой вершине Эйфелевой башни, ночью... — Он понижает голос до флиртующего. — Помимо того, чтобы быть спасенной рыцарем из замка, разве это не самая романтическая фантазия каждой девушки?

— Наверное.

Я чувствую, как покраснели мои щеки, но пожимаю равнодушно плечами, отводя взгляд в сторону и стараясь не думать о самой важной части моей фантазии, которую он, к счастью,

упустил.

— И чтобы это значило... ах. — Он скользит напротив меня, произнося свои следующие слова. — Вот, к примеру, у меня есть одна фантазия. Только не говори моим сестрам, что мне пришлось так долго этого ждать, хорошо?

А затем, его руки оказываются на моих щеках, а его рот накрывает мой, сливаясь в поцелуе, который я не намеренна терпеть. Ох, так вот о каком виде фантазии он говорил — «поцелуй». Но, к сожалению, для него он не тот, с кем я хочу его.

Я отстраняюсь, одновременно отталкивая его, не сердясь и даже не съеживаясь, желая избавиться меня от его чувств.

— Чад, я... — Я смотрю на свои ноги. — Ты очень милый парень, и я...

— Хотела здесь поцеловаться, — перебивает он.

Я не могу смотреть ему в глаза. — Да.

— Только не со мной, — утверждает он, без всякого сомнения, или обиды.

Я смотрю на него извиняющимся взглядом и киваю.

— Прости. Это было очень мило с твоей стороны, правда, и той самой девушке когда-то повезет, когда ты воплотишь все свои причудливые мечты, но...

— Все в порядке, я понимаю, — говорит он, несколько неискренне, посмеиваясь. — Но не вижу, чтобы *он* заботится об этом, и я не хотел, чтобы ты пропустила этот момент. Ты заслуживаешь этих моментов, Эхо, никогда не соглашайся ни на что меньшее. Никаких обид?

— Неа, — улыбаюсь я. *Тройничек, по пьяни*. Он реально крутой парень. — Спасибо тебе, Чад.

— Не нужно благодарить меня — это не сработает. — Он снова посмеивается, пытаюсь ослабить напряжение, но это как-то натянуто и на самом деле делает ситуацию еще неудобнее.

— Я... увидимся внизу, — успокаивает он, прочищая горло.

— Хорошо.

— Ты побудешь еще здесь, одна?

— Ага, спасибо.

Я отвечаю легко, потому что каждый нерв в моем теле и дрожь в моем сердце уже предупредили меня, что я не буду одна.

Когда я уверена, что Чад ушел, и моя маска безразличия прочно закреплена, поворачиваюсь и ищу его. Он стоит в не поля досягаемости, ожидая в углу.

Секунда, и наши глаза находят друг друга, он медленно поднимает руку, маня к себе пальцем.

Я немного смущаюсь, и он улыбается, сексуально и уверенно, поднимая брови в сомнениях. Мы с ним оба знаем, что я подойду. Я просто пытаюсь сохранить достоинство, но это не работает.

Все что мне остается — молиться про себя, когда я делаю неспешный шаг, в то время как он пожирает каждое мое движение. Теперь я могу слышать свое сердцебиение в ушах, и оно становится все громче, когда мое волнение только нарастает с каждым шагом, который я делаю.

— Разочарована? — спрашивает он с самодовольной уверенностью.

— Насчет чего? — бормочу я слишком быстро... слишком очевидно.

Его глубокий смех обрушивается в воздухе.

— Ты знаешь насчет чего *именно* — и мы оба знаем, что ответ «да».

Сексуальное влечение между нами крепчает. Он хватает меня за бедра и притягивает к себе, прерывая тишину хриплым шепотом.

— Моя сентиментальная, романтическая Эхо не выглядит как женщина, которая только что получила поцелуй, о котором она всегда мечтала и представляла миллион раз.

Он окидывает меня взглядом, медленно и соблазнительно, а затем смотрит мне прямо в глаза и требовательно, властно рычит: — Сотри его.

— Ч-что? — задыхаюсь я.

Он притягивает меня ближе — жестко. Наши тела теперь сливаются вместе.

— Сотри. Его, — повторяет он. — Убери его со своих губ *моими* губами и поклянись, что никогда в жизни не посмеешь снова его поцеловать. Потому что, зная тебя, ты не хотела, и тебе не понравилось это, и все это легко забудется, и вот эта единственная мелочь, которая останавливает меня прямо сейчас сделать из него кровавое месиво.

Я в полнейшем шоке молчу, подбирая слова, но ничего не нахожу. Я чувствую, как бьется его сердце напротив моей груди, его хватка на моих бедрах становится сильнее, и едва неконтролируемое собственничество отлетает от него сердитыми волнами.

Это первобытно и даже шовинистически... если бы он не заставлял меня почувствовать себя востребованной и обожаемой, в действительности, полностью *востребованной*.

Поэтому я удерживаю его взгляд, чувствуя страстную потребность в нем, и подношу медленно его руку к своему рту и начинаю тереть. Любые поцелуи из тех, что я разделила с Кингстоном, уже давно забыты.

Одна рука обнимает меня за талию, а другая скользит в мои волосы.

— Вот как это *должно* ощущаться, Любовь моя, — хрипло ворчит он, и, без колебаний, его рот жестко прижимается к моему.

Его губы сильные и дикие, почти карающие. Я сдаюсь, и его язык быстро сливается в танце с моим. Я дышу с каждым его вздохом, балансируя на цыпочках, чтобы приблизиться, нуждаясь в большем, цепляясь за его волосы.

Это поцелуй, столь требовательный и глубокий, как два столкнувшихся шторма, и все остальное перестает существовать. Остаются только его вкус, наша связь и покалывания по всему моему телу. Наши рты, словно зависимые, не хотят отпускать друг друга.

Но как будто мы знаем, что должны это сделать, поцелуй замедляется, посылая нежные судороги от посасывающих и мягких кончиков наших языков на моих губах. В конце концов, мы отстраняемся, оба тяжело дыша.

— Вот, — шепотом шепчет он, проведя пальцем по моей щеке. — Вот такой должен быть взгляд у женщины, у которой был поцелуй.

Я зарываюсь лицом в его шею, впитывая его запах и увековечиваю в памяти ритм его пульса на моей щеке.

— Пойдем, Любовь моя, нам нужно найти других. Но помни, — заканчивает он, поднимая мой подбородок, чтобы заставить меня взглянуть на него, — ты только что ответила мне, что, наконец-то, готова, и я больше не могу ждать. Все изменится.

Я знаю. И я до чертиков боюсь этого.

На следующий день, Нат подозрительно на меня смотрит, полностью выздоровевшая, вернувшаяся к своему любопытству и откровению.

— Что-то в тебе поменялось, — говорит она. — Что я вчера пропустила?

Я не смотрю на нее, когда отвечаю, балансируя на грани стопроцентной честности.

— Я же говорила, — и я *поведала* ей о каждой остановке, которые мы только делали... возможно и обо всем, что произошло в каждой из них.

— Хм, — говорит она. — Это хорошо. Ты можешь делать из себя невинную, сколько захочешь. Но я выясню, в чем причина.

— А что насчет тебя? Тебя не было всю ночь. Ничего не хочешь рассказать?

— Неа, — выпаливает она. — Поверь, мне жаль, я бы хотела что-то рассказать, но у меня этого нет.

— Прости, Нат.

— Не нужно. Я не заслужила. Я не ждала чего-то грандиозного, чего в принципе не могло получиться. Я найду это — его — однажды.

Я понимаю, что она имеет в виду, поэтому легко опускаю эту тему, молча про себя молясь, чтобы осуществились все ее сказочные мечты, как можно скорее.

— Можем ли мы просто насладиться нашим последним днем в Париже, теперь, когда ты согласилась встать с постели? — спрашиваю я, посмеиваясь.

— Любыми средствами.

И мы наслаждаемся весь день в компании друг с другом. Наша первая остановка музей-катакомбы: мрачные, но увлекательны. Затем мы делаем перерыв на вкусный обед, прежде чем отправиться в наш конечный пункт назначения в Париже — кладбище Пер-Лашез, которое просто огромно.

Чад не так уж и много смотрит в мою сторону, я о нем очень беспокоюсь только потому, что действительно не хотела причинять ему боль. Но Кингстон? Его запах следует повсюду, где бы он ни прошел вблизи меня, и он весь день бросает тлеющие взгляды, некоторые, из которых я посылаю ему обратно.

После нашего поцелуя прошлой ночью, клянусь, я ощущаю этот вкус каждый раз, когда облизываю свои губы, и каждый раз, когда закрываю глаза, я больше не могу противиться. В ближайшее время ему и мне предстоит поговорить и очень серьезно.

Сумерки быстро сгущаются, когда мы блуждаем по кладбищу, и я знаю, что у меня не будет времени, чтобы увидеть даже половину из этого, поэтому отправляюсь на поиски последнего места на кладбище, которое я хочу увидеть больше всего.

Кингстон подходит ко мне и протягивает руку. — Это здесь. Пошли.

— Которая из этих дорог? — спрашивает Нат, следуя за нами. — Куда мы идем? Эхо, ты знаешь?

— Надеюсь, что да, — отвечаю я со смехом, сжимая руку Кингстона. — Посмотрим, знает ли меня мистер Хоторн настолько хорошо, как думает.

— Он знает, — смеется она.

— Я уже упоминал, что она мне нравится? — тихо спрашивает он.

— Да, ты что-то говорил. — Улыбаюсь про себя, прежде чем громче сказать: — Если вы двое закончили меня обсуждать, то можем ли мы прибавить шаг? День имеет свойство заканчиваться.

Он ведет нас прямо к тому месту, которое я искала, и, когда мы подходим ближе, его брови приподнимаются вместе с его растущей довольной, неотразимой усмешкой.

— Я угадал?

— Да, да, — я закатываю глаза и обхожу вокруг, чтобы разглядеть это — сюжет Джима Моррисона.

Нат вздыхает, ее рука прикладывается к груди.

— П-почему люди делают это — все эти граффити?

— Так люди творчески проявляют себя, как художники, — говорю я мечтательным голосом.

— Не все видят это в таком смысле, как ты, — бормочет Кингстон, обнимая меня и даря мягкий поцелуй в волосы. — Как всегда на высоте.

Еще один шокирующий звук от Натали. Я оборачиваюсь к ней, увидев ее широко открытые глаза и рот.

— Я так и *знала*, что что-то вчера пропустила. Проявление любви на публике *не было* в повестке дня, когда я соглашалась! Эхо, — скулит она, — ты не рассказала мне, черт возьми!

Прежде, чем я собираюсь засмеяться, появляется помеха иного, тошнотворного рода.

— Кингстон! — пронзительный голос Джеки эхом разносится по всему кладбищу. — Где ты?

Потому что здесь не место, где стоит орать среди мертвых.

— Иди, — говорю я ему, присев на корточки, чтобы выразить свое уважение. — Я еще не готова уйти.

Кингстон смеется. — Натали, так как моя Эхо все еще не понимает, что ты замечаешь, не могла бы ты догадаться, что я собираюсь сказать?

— Он ни за что не покинет нас, Эхо. И мы, я имею в виду *тебя*, твоего великолепного друга и меня не оставит одних здесь. — Отвечает она тут же и с гордостью. — Боже, женщина, научись догадываться!

— Хорошо. Спасибо тебе, Натали, — холодно говорит он.

— Всегда, пожалуйста.

— Кингстон! Мы готовы уходить, если тебя это волнует! — снова кричит Джеки.

Я встаю, запечатлев этот момент в памяти, и громко вздыхаю. — Хорошо, пойдём. Этот голос... — дрожу я, решив не добавлять «разбудит мертвых» вслух.

Мы присоединяемся к группе. Джеки не тратит времени зря, чтобы пристать к нам, встав в боевую стойку.

— Что вы там трое делали? — усмехается она.

Я знаю, что это произойдет в любую секунду, и Нат не задерживается с ответом. В ее глазах сверкает шанс, и Джеки может винить только себя в *очень* плохом выборе слов.

— Явно не то, что ты делаешь в группе из троих, — бросает моя подруга.

Ход сделан. Вызов принят.

— Довольно! — кричит Паттон, хлопая в ладоши. — Итак, мы готовы? Вернемся в отель?

— Когда приедет автобус. Он скоро будет здесь. Лучше не бродить по темноте, — объясняет Кингстон, потом шепчет мне на ухо, несколько потрясенный, но с ноткой юмора: — Ты наблюдала за *тройничком*?

Я толкаю его локтем и смущенно бормочу: — Ты же сказал, что тебя не волнуют детали.

Он все еще тихо хихикает, когда подъезжает автобус.

Следующее утро включает еще одно горькое прощание. Мои глаза, укутанные пеленою слез, смотрят, как Париж исчезает позади автобуса, когда мы направляемся в Амстердам.

— Ты слишком сентиментальна, да? — хихикает Нат рядом со мной, а Кингстон, очевидно, подслушивая, присоединяется с приглушенным смешком.

— Я предпочитаю думать об этом как о ностальгии или о чем-то ценном, — защищаюсь я, гордо подняв подбородок.

— Оба синонима «сентиментальные», — усмехается она. — Это комплимент. Вот почему мы такая классная парочка, потому что я полная противоположность.

Она может притворяться жестокой задницей, все что угодно, но меня не обмануть — она уже достаточно показала, насколько проницательная и заботливая — но я не спорю. Мне слишком хорошо известно, что люди «строят стены» по какой-то причине, и вы не можете просто так разбить их. Вы должны ждать, пока человек сам доверится вам настолько, чтобы позволить вам проникнуть внутрь.

— Ладно, нам еще ехать пять часов, — добавляет она, одевая наушники. — Разбуди меня, когда приедем.

Она использует пальто в качестве самодельной подушки, чтобы склонить голову к окну и закрыть глаза, оставив меня развлекать саму себя.

— Эй, Кингстон, — Карсон наклоняется вперед с места позади него. — Я тут подумал... мы ведь не брали много рюкзаков в этот туристический поход.

Я вопросительно выгибаю бровь, глядя на Кингстона и лучезарно улыбаюсь, ожидая услышать его ответ, потому что Карсон *прав*.

— Твой рюкзак с тобой? — спрашивает его Кингстон.

— Ну да.

— Ты путешествуешь по нескольким городам?

— Дааааа, — протягивает Карсон.

— Ты хочешь, чтобы тебя оставили здесь, и ты пошел пешком к Амстердаму?

На этот раз он медлит с ответом. — На самом деле... нет.

— Значит, ты, в самом деле, использовал рюкзак, совершив путешествие по Великобритании, и представлял себе роскошные номера отелей?

Я оглядываюсь на Карсона и не могу не рассмеяться. На его лице побежденное выражение, но он сам нарвался на это.

— Карсон? — спрашивает Кингстон, намек юмора слышится в его голосе.

— Что?

— Что-нибудь еще?

— Нет, — бормочет он, откидываясь назад.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я вытаскиваю свой телефон, планируя отправить Кингстону сообщение и подразнить его за то, что он этим слишком наслаждался, когда кто-то садится рядом с ним.

Даже если я и не могла боковым зрением увидеть, кто это был, подавляющий запах духов тут же оттолкнула меня от этой идеи.

— Мне скучно, — слышу я, как Джеки раздражительно визжит ее особым тоном. — Расскажи мне что-нибудь на твоём сексуальном акценте.

Поскольку я уже достала свой телефон, я, черт возьми, не стану слушать грядущий, *нервокрушительный* разговор, поэтому следую примеру Нат и надеваю наушники, включая расслабляющий плейлист, а затем пишу брату. Он, вероятнее всего, уже спит, так уже глубокая ночь, но попытаться стоит.

Я: Приветик, как там дела? Надеюсь, я не бужу тебя.

Он отвечает через две песни, в течение которых я то закрываю глаза, позволяя музыке успокоить меня, то смотрю на экран, ожидая ответа, отказываясь проверять, как там обстоят дела напротив.

Себ: Нет, просто лежал. Я хорошо, ничего нового. Тебе весело?

Я: Конечно! Это просто нечто! Ты получишь фото, которые я отправила?

Себ: Ага, показал родителям даже. Мама была просто в шоке, что пропустила твой звонок прошлой ночью. Ты должна позвонить снова, и как можно скорее.

Я: Я позвоню, просто нет свободной минутки. Каждый день в движении. Скажи им, что со мной все в порядке, и что ты со мной говорил, хорошо?

Себ: Вас понял. Так, где ты сейчас?

Я: В автобусе, едем в Амстердам.

Себ: Классное место! Но не переусердствуй там. Будь осторожна, ты меня поняла?

Я: *Закатила глаза* Хорошо. Я держусь рядом с Нат... и Кингстон ни на минуту меня не оставляет.

Себ: ЛОЛ, кто бы сомневался. Между вами теперь все хорошо?

Я: Ага.

Себ: Рад это слышать. Он хороший парень, Эхо.

Я: Знаю.

Себ: Ага, знаешь... но я так же знаю ТЕБЯ. Итак, все еще не сдалась?

Я: Я еще не прыгнула к нему в постель, если ты об этом. Кроме того, кто ты и что сделал с моим братом?

Себ: Ну, я не это имел в виду, но тот факт, что ты только что сказала «не прыгнула к нему в постель», словно 12-летняя, меня радует. Теперь я определенно знаю, что мне не о чем беспокоиться. Оставайся той сестрой, которой уехала отсюда.

Я: Ты придурок, тебе это известно?

Себ: Агась. Итак, эта Нат... тебе она нравится? Хорошая подруга?

Я выправляюсь, тщательно обдумывая мой ответ. Я смотрю на Нат, которая крепко спит, а затем на свой телефон.

Я: Да, она мне очень нравится. Она умная, забавная и заботливая, она отличный друг, которого я планирую сохранить даже после этой поездки.

Себ: Это очень хорошо. Счастлив, что она у тебя есть. У нее отличный голос. Теперь нужно поспать, но мы тебя очень любим и скучаем. И Эхо?

Я: Да?

Себ: Проведи там хорошо время, правда. *Сказал голосом твоего старшего брата*

Я: Ну, последую твоему совету!

Себ: Ты поняла, что я имел в виду. Люблю тебя. Передавай Кингстону привет.

Я: Люблю тебя больше, до связи.

Хорошо, это было интересно и познавательно все в одно и то же время. Я не понимала, какого мнения Себастьян о Кингстоне, или что он, по-видимому, действительно согласен с

тем, что я уже взрослая и могу сама принимать решения без его постоянного присмотра 24/7.

Единственное, что меня не удивляет, это то, что он спросил о Нат. Могу только молча молиться, что я правильного мнения о ней, потому что в последний раз, когда я вот так доверилась подруге, я была опустошена.

Я, уже мысленно начинаю критиковать свою бывшую подругу, когда поворачиваю голову к источнику, который меня трясет, впоследствии чего мои наушники выпадают.

Я не говорю, вместо этого спрашиваю, чего он хочет, нетерпеливым выражением.

Он утверждает очевидное. — Она ушла.

— Спасибо, что сообщил, — выплевываю я. Это предназначалось для того, чтобы пнуть его под зад, а не заставить его усмехнуться и не для появления блеска во взгляде.

Он наклоняется стоя через проход и подносит голову к моему уху.

— Я так люблю, когда ты суетишься — одна из моих любимых сцен в тебе. И еще с ноткой ревности? Просто сводишь с ума. Мне так хочется, что бы мы прямо сейчас были наедине.

К черту его и его сексуальный голос, и провокационные слова. Я полностью теряю возможность мыслить трезво, когда он так делает, каждый сексуальный слог проникает в каждую эрогенную зону моего тела.

И еще более тревожно то, что я теперь точно знаю, что догадывалась об этом. Это не мое неопытное любопытство, учитывая, что Клей, Паттон и даже Чад все безуспешно пытались вытащить из меня что-то кроме кратковременной вежливости. Дело в том, что меня *тянет* к Кингстону, несомненно и более смелее, каждый раз.

Это всегда был он, такой откровенный и простой, хотя, конечно, наша энергия, это нечто иное.

— Нечего сказать? — бормочет он у моей шеи, не двигаясь, пока я роюсь в своих мыслях.

— Я не ревновала...

Нет. Я снова начинаю притворяться, а это не имеет никакого смысла, так как мне предстоит признаться ему, что соврала.

— Да, хорошо, я ревновала. Доволен?

— Очень. — Его дыхание опалает. — Ты знаешь, что я не заинтересован в ней, и она просто хочет насолить тебе, да? Должен... — он смеется над следующими словами возле моей кожи. — Стоит сказать ей спасибо за это, наверное.

— Чего она хотела? — смело спрашиваю я, не в силах отстраниться, потому что, в глубине души, я желаю еще больше его ощутить.

— Я же только что сказал тебе, Любовь моя, чтобы смутить тебя. Хотя это и делает меня гадом, но рад, что это сработало. Моя Эхо, наконец-то, признала, что я ей не безразличен, и она даже ревнует, а это означает, что считает своим. — Он скользит по моему уху кончиком языка. — Меня.

— Кингстон... — молю я.

— Справедливо, как и в твоём случае. Быть. Моей. — Это глубокое, притягательное рычание, от которого меня трясет. — Ты всегда была моей, не так ли?

— Кингстон, пожалуйста... — я утыкаюсь лбом ему в плечо, пытаюсь обуздать свое тяжелое дыхание. — Люди смотрят. Они могут увидеть.

— Они просто видят, что мы беседуем. Они не могут видеть, как сильно ты сжимаешь свои бедра прямо сейчас, или насколько ты влажная для меня, Любовь моя. Только я это

знаю. И я прав, не так ли?

Да. Еще как.

Я внезапно откидываюсь назад, отворачиваясь от него, и быстро возвращаю наушники на прежнее место. Я возбуждена и трясусь от этого сексуального напора. Я не могу смотреть на него.

Мой телефон, который все еще у меня на коленях, вибрирует, и я издаю испуганный писк.

Кингстон: Ты мне не ответила.

Я знаю, что он смотрит прямо на меня, чувствую тепло его любящего взгляда на моей щеке, но держу голову опущенной и пялюсь на свой телефон.

Я: И не собираюсь. Пожалуйста, прекрати. Ты меня смущаешь, мы в автобусе полном людей!

Кингстон: Да или нет? Ответь, и я это прекращу. Откажешь мне, и я вытащу тебя из твоего кресла и усажу к себе на колени, чтобы выяснить самому.

Я: О, Божечки! Что, черт возьми, напало на тебя?

Кингстон: Я считаю до трех. Ответь мне.

— Раз, — рычит он вслух.

Моя голова поворачивается к задней части автобуса, чтобы посмотреть, следит ли за этим кто-то. Только несколько случайных взглядов встречается со мной, и я быстро возвращаюсь на свое место, когда слышу.

— Два.

Я: Да! Ты грубый, грязный придурок! Да. Теперь отстань.

Боковым зрением, замечаю, как он смеется.

«Моя», произносит он одними губами и подмигивает.

Это будет та еще долгая поездка.

* * *

После регистрации в нашей гостинице, день только начинается, поэтому Кингстон предлагает проголосовать. Решено, что у нас будет ранний ужин, а затем поход в Музей Ван Гога, перед тем как он закроется. Говорят, что столпотворение меньше ближе к закрытию, и это как раз нам подходит.

Нат и я добираемся до нашей комнаты и мы по очереди принимаем ванную, чтобы быстро освежиться, когда она произносит, возможно, самое отвратительное, о чем когда-либо мне говорила.

— Так, значит, в автобусе у тебя на самом деле случился оргазм или ты была совсем близко? — Она усмехается от уха до уха, быстро потирая руки в нетерпении.

И я чуть не давлюсь своим собственным языком, мое лицо настолько горит, что я могу ощутить, как покрываюсь волдырями.

— Я... э-э... ну...

— Хороший ответ, — на ее лице разочарование. — Если бы получила это, ты бы не была такой напряженной. Ну, ладушки, — она пожимает плечами. — Не волнуйся. Это ненадолго.

— Ч-чего? Нет, не важно. Мне правда не нравится эта, гм... тема.

— Ну, подруга, тебе лучше привыкнуть к этому, потому что этот сексуальный кусочек небес намерен выполнить миссию, и его миссией являешься ты!

Боже, я чокнусь с этой девушкой.

— Теперь мы уже можем идти? — спрашиваю я, качая головой. — Я готова поесть.

— Говоря о еде, держу пари, он...

— Натали! — кричу я, закрывая ей рот рукой. — Хватит, я серьезно! Если я уберу руку, ты обещаешь не произносить другое грязное слово?

Она кивает, бормоча «Обещаю» в мою ладонь.

Я убираю руку с ее рта, но слежу за ней, пока она идет к двери.

Ужин прошел хорошо и спокойно... что означает, рот Натали был полностью забит, и поэтому она не вымолвила ни слова. Музей Ван Гога был потрясающим и, как и ожидалось, совсем не переполнен.

Фактически, в Амстердаме ничего не «переполнено». Я видела немного машин: популярным видом транспорта являются ноги и велосипеды, и все они движутся не спеша.

Мы все ходим по улице и осматриваемся, когда вдруг кто-то спереди из нашей группы поворачивает резко влево в квартал, который... мы называем «либеральный». Не говоря уж о людях или стереотипе всей улицы, на которую мы только что шагнули, я не могу придумать лучшего слова, чтобы описать ее.

Я хватаюсь за руку Нат сильной хваткой, точно также как Кингстон обходит нашу группу и берет меня за вторую.

— Не отпускай, — грохочет он.

— Где мы? — спрашиваю я.

- О, я знаю! — говорит Нат быстро и возбужденно. — Мы приближаемся к кварталу «красных фонарей». И та кофейня, куда входит Паттон... я знаю, что там должно произойти-и-и, — напевает она.

Я очень настороженно смотрю на Кингстона, но он прогоняет мои переживания теплой, успокаивающей улыбкой и сжатием моей руки. — Я держу тебя, Любовь моя. Не беспокойся.

Мы следуем за всеми в «кафе», и как только я вхожу внутрь, вспоминаю некоторые лакомые кусочки об интернет исследовании, которое проводила для подготовки к этой пешей поездке. Острая дымка, нависшая над магазином, не является смогом или испарением из кафе — это буквально облако дыма от травки.

Несколько моих товарищей уже нашли столы и курят свои «заказы», в то время как я стою в замешательстве, пытаюсь понять, что на самом деле происходит здесь.

— Пойдем, — Нат дергает меня за руку. — Давай сделаем это! Мы уже достаточно взрослые. Здесь все законно, и ты знаешь как местные говорят... лови кайф.

— Мы не будем этого делать, — бормочу я.

— Кингстон, скажи ей, что все в порядке! — умоляет его Нат.

Он смеется. — Можешь перестать забивать всякой фигней себе мозги. Но я все же скажу...

Он поднимает мой подбородок, чтобы я посмотрела на него.

— Она права, что тут все легально, и это определенно часть культурного опыта. Если ты решишь попробовать, я буду с тобой, трезвый и приглядывающий за тобой. И если не будешь делать этого, — заканчивает он, пожимая плечом, — остальное остается прежним.

— Хорошо, давай для начала найдем столик и *притворимся*, что мы нормальные, — не отступает Нат.

Я легко соглашаюсь с этим. Должна признаться, мне хочется понаблюдать, так как я никогда не испытывала ничего подобного и знаю, что больше и не испытаю. Но у меня никогда не было и никогда не будет давления со стороны сверстников.

Вот почему — когда я нахожусь — у меня никто не виноват, кроме самой себя.

Все веселятся, как в замедленной съемке... особенно Нат. Нет никакого страха или

беспокойства, и чувствую, как отпускаю все свои табу и начинаю свободно смеяться. Я хорошо провожу время.

Пока я не употребляю. Наркотик быстро распространяется по крови, мгновенно заводит меня, когда я вижу Джеки, приземляющую свою задницу на колени Кингстона.

Гнев, который я никогда не ощущала в своей жизни, прорывается сквозь меня, полностью поглощает, разгораясь до мгновенного, полномасштабного пожара. Я не могу контролировать ни это, ни мой мозг... или рот.

— Ты мой, я твоя, черт побери! — думаю, я ору не взирая на невыносимую сухость во рту. Если бы я ему была нужна, он бы уже установил границы с этой шлюхой. — Ты всего лишь проклятый лжец, Кингстон Хоторн! Мне это надоело — все это. Я уезжаю домой!

Я встаю, хватая свой телефон, чтобы позвонить моему брату, и сбегая отсюда. Слезы застилают мне зрение, а мои пальцы отказываются слушаться по какой-то причине. Только Богу известно, кого я набираю прямо сейчас.

Затем телефон исчезает с моих рук так же быстро, как меня утаскивают в темноту, на самом деле жуткое местечко. *Отлично, еще одно похищение Кингстона.*

— Эхо, любимая, это я, Кингстон. Перестань кричать.

Я и не понимала, что кричу, или снова кричу, или... да что угодно.

— Оставь ее в покое! Сейчас она не хочет вести с тобой светские беседы. Я позабочусь о ней, секси-мужчина.

Нат бежит со всех ног и произносит это, икая, или это я так слышу, но ее появление спасает.

— Но я на его стороне, что касается телефона, Дымок. — *Полагаю, что Дымок — это я? Хорошо, тогда она будет Котелочком.* — Никаких звонков. Себ не обрадуется.

— Ты зовешь его Себом? — мои глаза расширены, знаю. — Моя бывшая подруга, которой я позволила называть его так, потом трахалась с ним. А затем она трахнулась с другим.

Я тыкаю Кингстона в грудь. — Ты полный отстой.

Я начинаю плакать или, по крайней мере, чувствую слезы, которые грозятся вырваться. Я не мыслю ясно, но достаточно имею понятие о том, насколько сокрушительна боль.

— Натали не могла бы ты дать нам немного времени с Эхо?

— Эм, ага, конечно. — *И я на самом деле люблю своего Котелка.*

— Пожалуйста, я... — снова пытается он.

— Эй, Нат, не сможешь? — Появляется из-за угла Паттон. — Джеки не отрывает от меня своих рук, а тебя она боится.

Я смеюсь так сильно, что фыркаю. Нат так же страшна, как фея, машущая палочкой, чтобы подарить «песню в качестве подарка».

— Что, блин, смешного? — она смотрит на меня. — Я могу быть страшной!

— Кровавый Христос, вы, дамы и конопля не совместимы, — выдыхает Кингстон, проводя рукой по волосам. — Есть хоть еще какая-то эмоция, которую вы еще не испытали?

— Нат, серьезно, ты собираешься мне помочь? — снова спрашивает Паттон.

Нат смотрит на меня. — Эхо? Ты хочешь, чтобы я осталась? Возможно, *ты* так не считаешь, но я хорошенько могу отпинать его задницу в стиле ниндзя, если понадобится.

Я качаюсь, убирая прочь руку Кингстона, когда он пытается меня удержать. — Я в порядке. Иди. У меня есть много чего сказать, но это не для других ушей.

Ну вот, опять слезы.

— Я здесь, если понадобится, — говорит мне Натали. Она бросает Кингстону хмурый взгляд, используя указательный и средний пальцы, указывая с начало на свои глаза, а потом на его, когда она медленно удаляется прочь.

— Я ненавижу тебя, — выпаливаю я, когда они уходят, а он в ответ смотрит на меня.

— Нет, не ненавидишь, — говорит он таким низким пробирающимся-в-мозг-Эхо голосом, подходя ближе. — Но у тебя *есть* что сказать — спросить — и с твоими табу, которые, очевидно были сняты, ты наконец-то созрела для разговора. Поэтому вперед. Я более чем готов услышать это.

Я не знаю с чего начать, беспорядочное скопление боли, гнева и замешательства кругами ходят вокруг моей затуманенной головы. Поэтому я открываю рот и жду, чтобы услышать, что с него вылетит.

— У тебя была вечеринка или что-то еще, что разрушило имущество моей семьи? — это выходит со всхлипом, но мне удается сохранить холодность во взгляде, когда я смотрю на него.

— А ты как думаешь?

— Отвечать вопросом на вопрос — это признак вины.

— Или ума, — утверждает он.

— Уф, — стону я, расстроено. — Прекрати. Это был ты или нет?

Он поднимает брови, безмолвно задавая мне тот же вопрос, что и раньше.

— Окей. Нет, — отвечаю я за него. — Я никогда не верила в это, ни на секунду. Так почему ты просто не сказал моему отцу, что это был не ты?

— Я сказал, чуть позже. Но в ту ночь все, что имело значение, была ты. Ему нужно было сосредоточиться на твоём благополучии, а не на моих объяснениях.

— Чт...

Я глотаю свой шепот, а затем повторяю попытку с принуждением.

— Почему ты был с Саванной? Весь день ты игнорировал мои звонки и сообщения, затем она ответила на звонок. Почему она, Кингстон? Я терпела, когда ты трахал каждую девку в городе, и до сих пор не переставала быть твоим другом. Но *Саванна*? Почему? — Я снова кричу, ударяя его кулаком по груди.

Он хватается меня за запястье и делает шаг ко мне, прижимая спиной к стене. — Теперь ты пришла в себя? Ты ясно мыслишь?

— Что? Не меняй тему — ответь на вопрос!

— Пока я не уверен, что ты действительно *слышишь* мои слова и позволишь им дойти до тебя, — объясняет он. — Я хочу быть чертовски уверенным, что ты осознаешь все, о чем мы поговорим, раз и навсегда. Теперь, твой ум готов к этому разговору?

— Да, больше, чем когда-либо.

И я считаю, что это правда. Наконец-то, я смогу скинуть свою ношу и дать шанс ему объясниться. Независимо от его рассуждений, мне пора услышать всю правду... от него.

— Когда мы обсуждали Coldplay (*прим. пер. — музыкальная группа*), ты выбрала песню «Вылечить тебя» как их лучшую песню. Что выбрал я?

— «Рай», — отвечаю я без колебаний.

— Отлично. Ты полностью пришла в себя, поэтому поговорим. — Он никуда не уходит; наши взгляды все еще приклеены друг к другу. — Эхо, ты действительно считаешь, что я трахнул Саванну?

Я пожимаю плечами, и он хмурится, положив руку мне на сердце.

- Вот тут, ты, правда, думаешь, что я это сделал?

— Тогда почему она была с тобой, ответила на твой телефон и отключилась, услышав меня?

— Нет, ответь на мой вопрос сначала.

Я отвожу взгляд, стыдясь. — Наверное, нет... не совсем... но...

— Ты правильно поняла, — он прикасается к моей щеке, привлекая мое внимание. — Я не прикасался к Саванне — на самом деле, давай проясним другое заблуждение, которое ты упомянула. Посмотри на меня, Эхо, — требует он сильным рыком, который исходит с глубины его груди.

Когда я снова встречаюсь с его резким и пристальным взглядом, он продолжает.

— Во время моего пребывания в Келли-Спрингс я никого не трахал. Никого.

— Ой, вот только не заливай, — издеваюсь я. — *Теперь* кто тут врет?

— Явно не я. Никогда, — рычит он. — И я никогда не лгал тебе, не тогда, не сейчас. Эхо, единственного кого я хотел, была ты, — продолжает он. — Но ты была несовершеннолетней, а я жил под крышей твоих родителей. Они были очень хорошим мне примером, поэтому я должен был уехать от этого и от тебя. Это просто убивало меня, быть рядом, но не касаться тебя, не пробираться ночью в твою комнату ночью и держать подальше свои руки от тебя, но я пытался стать достойным тебя мужчиной, когда придет время. И оно пришло. Скажи мне, Любовь моя... ты считаешь меня достойным?

— Ты не ответил на все мои вопросы. Почему был с Саванной? Почему игнорировал меня, если твой телефон не был разряжен?

Я вижу, как Нат выходит из-за угла. — Все в порядке?

— Да, — вздыхаю я. — Спасибо, что поинтересовалась.

— Без проблем. Так, если все хорошо, не возражаешь, если я пойду и исследую этот квартал? — она шевелит бровями. — Тут на улице будут голые дамы танцевать в окнах!

— И зачем тебе это нужно? — спрашиваю я, все еще заслоненная телом Кингстона.

— Потому что хочу! Так, круто или нет?

— Будет ли она в безопасности? — спрашиваю я Кингстона.

- Абсолютно, — отвечает Паттон, который теперь стоит прямо позади нее.

— Нат, — говорю я, сомневаясь, — ты...

— Эхо, клянусь жизнью, я пригляжу за ней, — пытается убедить меня Паттон. — Моя марихуана выветрилась, клянусь.

— И ты не отвлечешься, скажем, так... на Джеки... и не забудешь о ней?

— Нет, он не станет этого делать, — Кингстон смотрит на него. — Потому что он знает, что я с ним сделаю, если это случится. Мы поняли друг друга, Паттон?

— Какого черта, мужик. Я сказал, что нет. Я именно это и имел в виду.

— Тебе лучше сдержать обещание, — кивает Кингстон.

— Если ты уверена, — обращаюсь я к Нат, развеивая напряжение. Она улыбается, и кивает. — Хорошо, веселись.

— Не испытывай меня, Паттон! — кричит Кингстон им в след, прежде чем тихо спросить меня. — Ты хочешь пойти за ними?

— Ага! — быстро выплевываю я и слышу смех Кингстона.

— Я уже понял. Пойдем тогда. — Он сплетает наши пальцы. — Конечно же, мы можем идти и болтать одновременно.

Мы догоняем Натали, и теперь я могу ее видеть, но она не знает, что я слежу за ней. И

когда она, Паттон и еще около десятка других отправятся в один из клубов, который, по словам Кингстона, «скучный», мы садимся на скамейку за пределами здания.

— В тот день, — начинает он, продолжая нашу дискуссию, — я отправился пострелять с несколькими парнями, которых знал с универа, и оставил свой телефон в грузовике. Он сдох и был на зарядном устройстве, поэтому я не думал его проверять. В следующий раз я подумал об этом, когда он зазвонил, и Саванна схватила его, прежде чем я смог. Но что еще не менее важно, перед тем как мы попали в проблему, ты должна знать, что я все делал правильно с Сэмми, да? Я бы никогда не проигнорировал бы его.

— Да, знаю. Я бы не разговаривала с тобой, будь все иначе.

— Эхо, — он поворачивается ко мне. — В ту ночь... всё было подстроено. Я вернулся домой, а Клей уже собрал людей в павильоне. Я пошел посмотреть, была ли ты среди них, так как Саванна вернулась домой из какого-то клуба. Клей спросил, не подвезу ли я ее, потому что он уже выпил. Ну, я так и сделал.

— Я должен был понять, что время было идеально подобрано, но я этого не понял, — продолжает он. — Следующее, что я понял, как подъехал на подъездную дорожку после того, как подбросил Саванну к ее дому, *нетронутую*, и обнаружил весь этот беспорядок. Никакого Клея, и твой отец налетает на меня со спины. Они посадили меня.

Я несколько не удивлен тому, что слышу, и я ему верю. Если быть честной с самой собой, я никогда *не верила в то*, что это сделал он. И если он говорит мне, что он не спал со всем городом, я тоже этому верю. Не то чтобы это было мое дело, но, черт возьми, приятно слышать.

И *вся* тяжесть последних месяцев исчезла, кроме моего собственного любопытства.

Кроме моего последнего вопроса. Самого важного.

— Почему ты не звонил?

Он не дает сразу ответ, его губы согнуты в задумчивой линии, серые глаза загадочны и изумительны.

— *А ты* почему не звонила, Любовь моя? — Его тон обманчиво спокоен и почти вежлив.

Моя челюсть падает, глаза расширяются в защитном жесте. — Потому что ты парень...

Он заставил меня замолчать, приложив палец к моим губам.

— Да. Я парень — парень, который ждал, пока ты обретишь веру в меня. Я понял, что твой отец предположил худшее — черт возьми, я бы все сделал, если бы мой отец не пришел к особым вводам. Но не ты, Эхо. Мне нужно, чтобы ты верила в меня, прежде решать что-то... обратилась ко мне, даже если бы это были вопросы.

Он вздыхает. — Таким образом, я мог бы услышать хоть нотку доверия в твоем голосе. Я оставил последнюю записку. Я послал цветы на твое день рождение, карточку с поздравлением. Ты спряталась, пыталась убедить себя, что у тебя есть причина забыть меня.

— Я тебя не забывала. — Мой хрупкий голос дрожит. — Даже и близко. И я всегда, в глубине души, верила в тебя. Мне просто было больно, неприятно... и я упрямая.

— Конечно же, нет, — смеется он. — Моя Эхо упрямая?

— Остановись.

Я толкаю его в грудь, и он пользуется моментом, мгновенно хватая меня за руки и притягивая ближе к себе. Он упирается своим лбом в мой и трется своим носом об мой.

— Никогда. Я могу быть довольно упрямым и не собираюсь менять свои планы когда-либо снова. Теперь все встало на свои места, и ты совершеннолетняя... и здесь со мной. Остановка последнее, что я намереваюсь сделать.

Я шепчу, полностью капитулируя. — Хорошо.

— Готова ли дать этому реальный шанс, Любовь моя?

Я киваю, когда его рот, теплый и нежный, клеймит мой. Он тянет меня к себе на колени, и я обнимаю его за шею, целуя его с непристойным количеством нужды и необходимости, потому что «больше не буду в клетке».

— Ммм, — стонет он, отстраняясь от моего рта, чтобы провести своим язычком по моей шее. — Будь проклято чертово время. Моя Эхо... наконец-то. — Он кусает меня за ключицу. — Ты даже не представляешь, какие у меня на тебя планы, Любовь моя. Ожидание было чертовой пыткой.

Я ощущаю его длину и твердость между своими бедрами, и в памяти появляется воспоминание об экстазе. И я решаю проверить, помнит ли он, толкаюсь вниз и трусь назад и вперед против его эрекции.

Почти пропитанный болью стон, который он издает, обжигает мою кожу — это самый сильный, возбуждающий звук, который я когда-либо слышала.

— Думаю, мне стоит немного притормозить, — задыхаюсь я, и когда он останавливается, чтобы взглянуть на меня, я тихонько хныкаю от чистейшего обожания в его взгляде.

— Пошли, — рычит он, вставая со мной на руках, обернутой вокруг него. — Ты заслуживаешь лучшего, чем быть здесь на тротуаре, но еще одно такое трение об мой член, и я не стану нести ответственность за то, что последует дальше.

— Кингстон, подожди, — смеюсь я радостно, моя душа наконец-то парит. — А как же Нат?

— Я не желаю вбиваться глубоко в Натали, Любовь моя, так что... что там насчет нее?

— Ты же знаешь, я не могу вот так оставить ее. А что насчет другой, вещи, ну... — я опускаю голову. — Я не знаю, готова ли я.

Он ставит меня на ноги и мягко поднимает мое лицо. — Ты права. Извиняюсь. Черт возьми. Потерял голову на мгновение. Пойдем, заберем твою подругу. И спасибо тебе, моя сладкая девочка, — добавляет он, медленно облизывая нижнюю губу, пока его хищные глаза пожирают меня, — за то, что напомнила мне, что я не должен торопиться с тобой.

* * *

В свете нового утра я присоединяюсь к Занудам и Сумасшедшим. Нат мечет в меня кинжалами, потому что я «забрала» ее рано вчера ночью, чтобы поделиться с ней размытыми подробностями о том, что произошло между мной и Кингстоном. Я хотела бы излить душу, но честно, мне просто нужна была ночь, чтобы сначала все обдумать.

И, говоря о Кингстоне, он наматывает круги и у него идет пар из ушей, потому что я вежливо отказалась провести ночь в его комнате. Ох, он клялся всеми правдами и неправдами с большим количеством ругательств, что мы просто поспим, если это то, чего я хочу. Но выпуклость в его джинсах и жажда в его глазах, голосе и прикосновениях говорили мне о другом.

И с моим первым и единственным опытом употребления травки, все еще находящейся в моей крови, смешанной с похотью, я не была уверена, что смогла бы сопротивляться вопросам, чего я действительно хочу.

— На сегодняшнее утро я запланировал экскурсию по дому Анны Франк, поэтому нам нужно идти, — сердито объявляет Кингстон группе.

— Это еще кто такая? — насмехается Джеки.

Дорогой Боженька, возможно, кто-то другой должен был получить ее место в этой поездке. Как можно не знать, кто такая Анна Франк?

Когда я закатываю глаза, то замечаю что не я одна это делаю, Бриджет делает тоже самое. *Что это? Проблемы в клубе Крутые Девчонки?*

Кингстон потирает лоб и открывает рот, чтобы ответить ей, но Нат опережает.

— Я сделаю это, босс, — говорит она ему, и ее настроение резко улучшается. Спокойно, но так снисходительно, она объясняет Джеки, кто есть Анна Франк, но думаю, большинство из нас слышит, что она не говорит, а именно: «Какая же ты тупица».

Каким-то образом — и никто не знает каким — Джеки удается вписаться в группу из шести человек, в том числе Паттоном и Чадом (я знаю «как именно» с этими двумя), чтобы создать отдельную группу с ней для авантюры с ними. Но Бриджет решила пойти с нами.

— Вы ребята не возражаете, если я к вам присоединюсь? — спрашивает она Нат, когда подходит.

Нат смотрит на меня и небрежно пожимает плечами.

- Ты знаешь, кто такая Анна Фрэнк? — спрашивает ее Нат.

Она смеется и кивает головой. — Да, с самого детства. Не могу поверить, что мы

увидим ее дом. У меня было достаточно ночных гулянок. Я готова оценить, что эта поездка действительно может дать... если в этом будет толк.

Нат пожимает плечом. — Ладно, убедила, — но я знаю, что она хотела сказать больше, судя по сарказму, который сочится из нее и блестит в ее глазах, когда она смотрит на Бриджет, уходящей, чтобы забрать свою сумочку.

И я права. Мне нужно все, чтобы не рассмеяться, когда она поворачивается ко мне и говорит: — Думаю, она сумасшедшая, поэтому ее выкинули из тройки.

— Ты безрассудная, — я качаю головой. — Пошли. Все уже заждались.

Эта короткая, прекрасная прогулка к месту назначения, во время которой Кингстон держит меня за руку, и я позволяю ему это. Теперь, когда мы поговорили обо всем, и я точно знаю то, что всегда знала — что он замечательный — я собираюсь радоваться с двойным упорством, за все то время, что страдала. Я отказываюсь быть нерешительной в том, что имею, чтобы наслаждаться тем, что чуть было не искалечило меня, что казалось утраченным навсегда.

Неудивительно, что он краем глаза смотрит на меня и улыбается, мягко сжав мою руку. — Я знаю, Любовь моя, много воды утекло. Но мы наверстаем упущенное. Клянусь.

Я ничего не говорю. Мне, очевидно, это и не нужно, поскольку он знал, о чем я думала раньше, поэтому я уверена, что он знает мой ответ сейчас ... что я ему верю.

Мы следуем за Нат, которая идет с Бриджет, чтобы дать нам уединиться в доме Франков.

Тур увлекателен. Это почти больше, чем мой разум может принять, а также трагически остро; я несколько раз утираю одинокую слезу. Несколько раз Кингстон обнимает меня за плечо и целует мою голову, шепча: — Моя сладкая девочка.

Я наслаждаюсь этим, полностью готовая отдаться нашим отношениям.

После окончания, в нашей группе царит мрачная тишина, где все просто стоит траурном осознании. На самом деле то, что случилось с этой семьей, с этой молодой девушкой — это не история, это биография... ее последние, пропитанные страхом слова настоящее и живое напоминание.

Дрожь пробегает по мне, что ощущает и Кингстон, поэтому он прочищает горло... и рассеивает туман над нами.

— Как вам предложение о круизе по каналу, звучит? Затем обед — за мой счет.

Все быстро соглашаются, виновато улыбаясь и вздыхают; единодушная благодарность за временное облегчение.

— Кто-нибудь желает прокатиться на велосипеде или доберемся туда пешком? — спрашивает он.

Некоторые выбирают велосипеды и уезжают от нас, кто-то решил пройти пешком, и мы все планируем встретиться у канала.

— Знаешь, — начинаю я, когда мы идем, — я теперь летала на самолетах, ездила на поездах, метро, каталась на Лондонском Глазу, лифтах, автобусе... и я собираюсь совершить круиз по каналу. Но тебе еще предстоит прокатиться на этом Автобане, который ты так любишь.

Он замирает, беря обе мои щеки и требуя, что мои глаза встретились с его серым взглядом.

— Но не я. Это печальный опыт моего прошлого — это просто прошлое. Я никогда не стану подвергать тебя риску, и, честно говоря, просьба не отклоняется.

Не то, чтобы я не была довольна ответом, но все я спрашиваю почти недоверчиво.

— Почему?

Его губы кривятся в медленной, сексуальной улыбке. — Потому что, Любовь моя, у меня уже есть то, что дает мне адреналин, в котором я так нуждаюсь.

— Я? — я стараюсь отбросить смущение, растерянность моим самонадеянным предположением и даже еще более оскорбленной возможностью, что, возможно, я ошибаюсь.

Он усмехнулся. — Да, ты.

Меня накрывает романтическое блаженство, и я целую его — точнее, нападаю на него, поднимаюсь на цыпочки, обнимаю его за шею, и наклоняю его голову, чтобы слиться с ним в поцелуе. И он радушно принимает это, обняв меня за талию и подняв меня в воздухе, крошечный смех вибрирует у меня во рту.

Я отстраняюсь, широко открыв глаза, смотрю на него, чтобы попытаться понять, почему он смеется. Я извиваюсь, пытаюсь убежать от него, но он недоволен, его объятия становятся сильнее.

— Прекрати это, — требует он серьезным голосом, а в его глазах плескается веселье. — Я смеялся, потому что я счастлив, Эхо. Это очень опьяняет, когда ты рушишь барьеры и первая приходишь ко мне. Мы собираемся выбить из тебя эту глупую неуверенность, потому что я хочу больше твоей напористой сексуальности. И я это получу.

Сразу успокоившись, и больше, чем немного взволнованная этой перспективой, я улыбаюсь, прежде чем даю ему еще один быстрый поцелуй. — Обещаешь?

— Ох, обещаю, — рычит он, кажется, разочарованный тем, чтобы меня отпустить. — Нам лучше догнать остальных. Боюсь, моих услуг экскурсовода немного не хватает. — Он улыбается. — И, конечно же, в моем прекрасном отвлечении, виновата ты.

Мы бежим, рука об руку, на пристань, и я смеюсь всю дорогу. Это замечательный день, в чудесном городе, и я рядом с потрясающим человеком. Меня как-то не слишком волнует, кто видит мое счастье.

Нат смеется, когда мы приближаемся. — Ох, пожалуйста! Хоть притворись, что работаешь. Вы даже не представляете, что я предложила этому парню, — говорит она, указывая большим пальцем через плечо, — чтобы достать лодку для вас двоих.

Мы приближаемся к ней, и я спрашиваю: — Ты шутишь... да?

У меня возникают реальные сомнения, учитывая с кем я разговариваю, наблюдая, как ее брови причудливо взлетают вверх, бросая вызов.

— Нат, ты *ведь* пошутила, да?

— Конечно же, — издевается она, отмахиваясь. — Я заставила Бриджет поторговаться.

— Она так шутит, — хихикает Бриджет, хлопая рукой Нат.

— Дамы, — Кингстон протягивает руку, подталкивая нас к лодке, кивая головой. — Позвольте?

— Тебе *так* повезло, что у тебя такой акцент, — дразнит Нат, поднимая брови. — В противном случае я была бы вынуждена напомнить тебе, кто именно привел нас сюда.

Кингстон смеется. — Принял к сведению, Натали. Приношу свои извинения. — Он усиливает акцент на последних словах, и я посылаю ему тайную усмешку.

Мы наслаждаемся своей прогулкой на лодке по городу, ярким видом красоты, куда бы мы не посмотрели. И чуть позже останавливаемся на обед.

Мы все вместе едим, и болтаем о всевозможных планах на вечер. Разумеется, какой-то

человек, о котором я даже не догадывалась, по-видимому, любил Бриджет и дал ей два билета на спектакль в концертном зале на сегодняшний вечер. Кингстон шокирован, объясняя, насколько сложно достать туда билеты, и очень глупо размышлять о том, что человек отдал взамен.

— В любом случае, не имеет значения, — говорит Бриджет свою предупреждающую речь. — Он дал мне только два билета, и я не пойду, потому что Натали и Эхо не присоединятся ко мне.

Я открываю рот, готовая сказать ей, насколько это глупо, и что я не против, чтобы Натали пошла с ней, пока она в безопасности, когда меня перебивает Кингстон и говорит.

— Вот как мы поступим... Я сделаю несколько звонков, и найму охрану и машину, чтобы ты и Натали смогли спокойно отдохнуть, потому что у Эхо уже есть планы на этот вечер.

— Что, правда? — спрашиваю я.

— Да, — он берет мою руку и целует в то место, которое ему нравится на моем запястье.

— Что это за планы?

— Ах, не спеши, Любовь моя. Это сюрприз.

Я пристально смотрю на Нат. Мне кажется, что она была слишком спокойной, с того момента как начался разговор, и теперь она смотрит вниз с улыбкой на лице.

— Да, я знаю, что это такое, — говорит она. Она, наверное, почувствовала мой взгляд, потому что она, наконец, поворачивается, чтобы послать мне воздушный поцелуй. — И нет, я не расскажу тебе.

— Нат, ну, пожалуйста, дай хоть одну подсказку! — я все еще умоляю ее. — Чувствую себя какой-то дурочкой и боюсь, что похожа на идиотку.

Она дергает мои волосы, из которых старается сделать сложную прическу и смотрит на меня через зеркало. — Ты выглядишь чудесно — поверь мне. Ты моя подруга. И я никогда не ошибаюсь.

Я делаю глубокий вдох, расслабляясь из-за ее слов.

Чтобы Кингстон не планировал сегодня, этот каприз слишком крутой для меня. После того, как мы вернулись в отель, он предложил мне пойти к себе и немного отдохнуть, стремясь отделиться от меня... что сделало меня только подозрительней. Затем, когда вскоре раздался стук в дверь, и Нат не обратила внимания на людей, которые шли с коробками, завернутыми в красную ленту, мое подозрение превратилось в нервное ожидание.

Проделанная Кингстоном работа, просто прекрасна, милое розовое платье моего размера, на низком каблуке туфельки, ассортимент ювелирных украшений и макияж, достойных принцессы... все для меня.

Когда Нат заканчивает с моими волосами, я делаю последний шаг и смотрю в зеркало на девушку, которую едва узнаю. Кто эта красавица-брюнетка в роскошном платье, с красивым макияжем, в бриллиантовых серьгах и хрупком ожерелье, которая смотрит на меня?

— Готова? — спрашивает она, выглядя изыскано в черном платье и на каблуках, которые он так же позаботился отправить ей для концерта.

— О, эм... думаю, да, — я не могу скрыть своего разочарования. Потому что думала или, более того, надеялась, что Кингстон придет, чтобы забрать меня.

Она загадочно улыбается. — Он ожидает тебя там. Я буду твоей сопровождающей, Бриджет и наш лимузин ожидает внизу. — Она берет меня по руку. — Пойдем, Золушка. Твой принц ждет.

Мои ноги дрожат всю дорогу до вестибюля, и даже когда я сажусь на пассажирское сиденье большого лимузина, мне нужно приложить все усилия, чтобы унять дрожь в коленях.

— Ты красавица, Эхо, — искренне говорит Бриджет, и впервые с тех пор, как я встретила ее, я понимаю, что она не так уж плоха, особенно когда она добавляет: — И для галочки, Джеки полна дерьма. Она никогда не *разговаривала* с Кингстоном напрямую, она преследовала его в социальных сетях. Она призналась в этом — ну, еще больше жаловалась — когда она была пьяна той ночью. Извини, что так поздно говорю об этом.

— Все в порядке, и спасибо. — Я улыбаюсь. — Будьте осторожны сегодня вечером. Любые странные сомнения насчет твоего покровителя билетов и вы сразу же звоните мне или Кингстону. Я серьезно. И не блуждайте по городу, Нат, отправляйтесь прямиком в отель, на машине, которую он заказал.

— Боже мой, ты говоришь так же, как Себ...

Она замирает, ее глаза опускаются вниз.

— Мой брат? — переспрашиваю я, с весельем в голосе. Она все еще не отвечает.

— Да, мне известно, — продолжаю я, пародируя ее же раннее сказанными словами. —

И нет, я не расстроена. Поверьте мне, тот факт, что он не взорвал мой телефон, был большой подсказкой, что кто-то держал его в курсе событий.

Ее беспокойные глаза встречаются с моими. — Только ради твоей безопасности, клянусь.

— Я верю тебе, Нат. И спасибо. — Я протягиваю руку и похлопываю по ее руке. — Все, что я скажу, как сильно любящий тебя человек, мой брат очень хороший.

— Да, — она кивает, отворачиваясь к окну.

Я поворачиваю голову, мое дыхание застревает в горле от вида. Кингстон спускается по лестнице загадочного здания, одетый в смокинг и держит что-то, что я не могу разглядеть.

— Иди и получи своего мужчину, Эхо, — это последнее, что я слышу от Нат, прежде чем Кингстон открывает мне дверь, подавая свою свободную руку мне.

— Любовь моя, — манит он голосом, от которого у меня мурашки по коже, его тлеющие глаза овладевают моими.

Я беру его руку, и он помогает мне выйти из машины, когда девочки тихо хихикают позади меня. И потом я вижу, что у него в руке.

Не может быть.

Все это обретает смысл. Красивые, душещипательные кусочки складываются в одно.

— Шшш, — гудит он, притягивая меня ближе к себе. — Не плачь, Эхо, даже если это слезы счастья. Я не могу на это смотреть. Позволишь?

Я киваю, пытаюсь не плакать еще сильнее, когда он надевает корсаж на мое запястье, а затем оставляет теплый поцелуй там.

— Я считаю, что у моей леди должен быть выпускной. Пошли?

Я больше парю, чем иду, слепо позволяя ему вести меня внутрь. Комната была украшена, как сад той ночью, и играет музыка. Здесь даже есть надпись «Бесконечная ночь» — такая же, как на моем выпускном, который я пропустила.

О, мы здесь только вдвоем.

— Как ты...

— У меня есть свои методы, — как обычно, он подмигивает. *Мой брат. Должно быть это он.* — Хочешь сначала потусоваться, или поищем наш столик?

Я откидываю голову назад и заливаюсь смехом, громко и долго, окончательный отголосок душевной боли оставляет меня раз и навсегда. Здесь никого нет, чтобы потусоваться, и только один столик. Но Кингстон не разрушает атмосферу, делая все возможное, чтобы создать для меня полную картину.

Поэтому я решаю подыграть.

— Знаешь, я не тусуюсь, — я выпячиваю губу. — И думаю, что мы сможем найти столик попозже. Как насчет того, чтобы мы танцевали для начала?

— Еще рано, — бормочет он, проводя пальцем по моей щеке и через губы. — А вот теперь пора.

Он берет меня за руку и втягивает меня в центр комнаты. И потом понимаю, что прислушиваюсь... когда песня «Вылечить тебя» начинает играть.

Он хотел, чтобы наш первый танец был под эту песню — тот, который мы обсуждали в счастливую ночь — это был мой выбор.

Он может этого не осознавать, и я никогда не скажу ему, но это второй случай, который он... надолго закрепил в моей памяти, так или иначе, как и вечную «нашу песню».

Я не могу заставить свои глаза сдержать слезы благодарности. Это просто потрясающе,

так трогательно... исцеляющее. Кто еще может арендовать здание в Амстердаме для частного выпускного вечера, оформить его соответствующе в комплекте с музыкой в самый нужный момент?

Кингстон Хоторн, вот кто.

— Знаешь, — тихо говорит он мне на ушко, наши тела переплетаются и медленно покачиваются в такт, — когда я услышал, что буду работать с садовой тематикой, я был соблазнен сделать что-то художественно незаконное и создать Эдемский Сад — в этом бы случаи мы оба были бы голыми.

Я копирую его приглушенную усмешку. Его рука на моей талии, притягивает меня еще ближе.

— Но я очень рад, что откинул эту идею. Ты выглядишь совершенно потрясающе в своем платье, Любовь моя.

— Спасибо, — отвечаю я, всхлипывая, — за все. Не могу поверить, что ты все это сделал. Я... — Я поднимаю голову с его груди и смотрю на него. — Я люблю это.

— А я люблю тебя, — отвечает он мгновенно, с уверенностью, заставляя мой пульс забиться сильнее, а голову кружиться.

— Ты... ты меня любишь? — спрашиваю я, мое тело замирает.

Он тоже останавливается, его пристальный взгляд обращен ко мне. — Всецело и невероятно. Больше, чем я любил или когда-либо мог любить что-нибудь или кого-либо еще в этом мире.

— Кингстон, я...

— Тоже любишь меня, но ты поражена и не смогла закончить свою мысль. — Его смех такой искренний, разбивает напряжение. — Я знаю, Любимая.

— Ну, раз мы разобрались, — говорю я, улыбаясь, прижимаясь лицом к его груди и закрывая глаза. Я не борюсь с этим; он абсолютно прав — в каждом произнесенном им слове.

И он любит меня.

Я собираюсь потанцевать на своем выпускном, поэтому молча наслаждаюсь этим мгновением.

Мы проводим остаток времени, часто смеясь, целуемся и позволяем нашим рукам более свободно исследовать друг друга, чем когда-либо прежде, до тех пор, пока мои ноги не начинают болеть и зевок не вырывается из меня.

— Я скоро отвезу тебя обратно, Любовь моя, но ты можешь выполнить последнюю просьбу?

— Кроме того, чтобы преподнести тебе девственность на выпускном вечере на блюде с серебряной каёмочкой.

Господи, не могу поверить, что сказала это.

Кингстон начинает хохотать, хватаясь за бок и вытирая несколько слезинок с глаз.

— Христос, — он изо всех сил пытается отдышаться, вытирая глаза. — Ты всегда такая забавная, Эхо — прямо свежий поток воздуха, очаровательное наслаждение. Но нет, у меня другая идея.

Он достает что-то небольшое из кармана — это объясняет удобную смену музыки — и с вызовом выгибает одну бровь, борясь с усмешкой.

— Я надеялся, что в конце ночи ты покажешь мне свои лучшие движения... *Прошу тебя.*

— Просьба принята! — перекрикиваю я музыку, и трясусь, словно никто не догадывается о следующей песне, понимая, что это далеко не совпадение, что это... Spice Girls.

Идеальное окончание идеальной ночи.

* * *

На следующее утро вся группа стоит внизу, собрана и ждет в вестибюле, чтобы отправиться на многодневную поездку на автобусе в Италию. Но Кингстона нигде не видно.

Какое-то не хорошее предчувствие окутывает меня — острое чувство страха, от которого у меня скручивает желудок, я ставлю свою сумку.

— Нат, присмотри за моими вещами. Я должна проверить его.

Я бегу к лифту и нажимаю кнопку несколько безумных раз, ощущения страха в моем желудке усиливается с каждой секундой.

Я не могу добраться к его двери достаточно быстро, и стучу кулаком по ней.

— Кингстон! — кричу я. — Кингстон, ты там?

Он открывает дверь, с телефоном у уха, и я понимаю в следующую секунду, насколько бледна его кожа и безжизненны глаза, что-то не так.

Он отходит в сторону, чтобы я могла войти, но не говорит ни слова, внимательно прислушиваясь к тому, кто на другом конце линии. Я сажусь на его кровать и жду.

Я все еще не уверена, что происходит, фразы и слова, которые он добавил к разговору, ничего не говорят мне, когда он вешает трубку.

— Мне нужно вернуться в Лондон, — тяжело выдыхает он, закрывая глаза, когда проводит рукой по своему лицу. — Мою бабушку доставили туда, она с моим отцом сейчас.

— Хорошо, — удивляюсь я вслух, еще не услышав, что его так расстроило. — С ней все в порядке?

- Нет, если она настояла на возвращении в Лондон. — Он садится рядом со мной, упираясь локтями в колени и опустив голову на руки. — Мы очень близки, моя бабушка и я. Она та, с кем я провожу лето в Шотландии. И она, наверное, что-то почувствовала, — добавляет он, громко сглатывая, — что-то не так, потому что она всегда говорила, пока я был маленьким, «Я вернусь в Лондон, когда придет мое время».

Я обнимаю его со спины и опираюсь на него. — Возможно, она просто плохо себя чувствует и волнуется. Уверенна, твой отец найдет для нее лучших врачей, и с ней все будет в порядке, — я делаю оптимистический прогноз, но он тут же качает головой.

— У нее замечательные доктора в Шотландии. Дело не в этом. Она бы никогда не покинула свой дом, будь она не уверена.

Я не возражаю. Как я могу? Я никогда не видела его бабушку. Но любовь, которую он питает к ней, очевидна в каждом слове, произнесенном им, и в поступках, которые он делает.

— Я поеду с тобой, — говорю я, потирая его спину.

Его голова дергается. Глаза широко открываются и, конечно, в угрюмом выражении читается надежда на что-то большее.

— Вот так просто? Ты пропустишь свою оставшуюся поездку?

Я киваю головой, резко и уверенно. — Вот так просто.

— Она *наконец-то* сказала это. — Он улыбается. В его глазах по-прежнему стоит печаль, но он также не может скрыть радости. — Я тоже тебя люблю, Эхо.

Он целует меня. Это нежное воссоединение наших ртов передает мою любовь, которая, я уверена, дарит ему утешение.

— Хорошо, — он встает. — Наш автомобиль уже, наверное, готов, и новый гид уже в дороге, чтобы заменить меня. Полагаю, все, что осталось, это сообщить другим.

Выражение его лица внезапно меняется.

— Черт. Как насчет Натали? Я знаю, что ты не хочешь ее покидать. Все нормально если ты...

Я тоже встаю и обнимаю его руками за талию. — Чтобы я сказала? Вот. Это. Иди вниз. Мне нужно позвонить.

Он дарит мне понимающую улыбку поддержки, которая наделена надеждой, затем хватает свои сумки и уходит, оставляя меня одну.

Моя мама отвечает на пятом гудке.

— Привет, мам. Это я, Эхо.

Она вздыхает, наверное, спала. — Боже мой, Эхо, с тобой все в порядке?

Черт. Я снова забыла о разнице во времени и просто разбудила ее посреди ночи, пугая ее до смерти.

— Да, все хорошо, — быстро отрезаю я.

После громкого, облегченного вздоха она снова говорит.

— Я бы сказала, что у тебя серьезные проблемы с отсутствием звонков, которые ты обещаешь, но Себастьян информировал нас и показывал нам фотографии. Ты там веселишься? Выглядит все именно так.

— Мам, — я зажмуриваюсь, ненавижу перебивать. — Прости, что не звонила так долго, и позвонила так поздно, и я обещаю — в этот раз точно — что расскажу тебе все в скором времени. Но прямо сейчас, я тороплюсь и, эм... я должна поговорить с папой. Пожалуйста.

— Зачем? Что не так?

Я обдумываю свои слова, и задерживаюсь с ответом.

— Эхо?

— Мам, все хорошо. И никаких обид, но это то, что стоит обсудить с папой.

— Что ж, он бодрствует и в настоящее время смотрит на меня с тем же беспокойством, что и я, когда ты впервые позвонила, так что держи. Люблю тебя.

Я слышу, как между ними раздается шорох.

— Молодая леди, вам лучше сказать, что ты в безопасности, — ворчит он мне на ухо. — Уже час ночи, и только в это время ты *решила* позвонить нам? Ты ранена? В тюрьме? Начинай уже говорить.

— Нет, сэр, и нет.

— Хорошо, рад слышать, — он тоже облегченно вздыхает мне на ухо. — Тогда в чем проблема?

— Ну, папочка...

— *Папочка?* — Он смеется. — Ох, это нечто. Прекращай, Джулия, наша дочь только что назвала меня Папочкой.

Я прочищаю горло. — Папа, планы поменялись. Я больше не поеду с Амстердама в Италию.

— И почему это? — Циничность в его тоне раздаётся на том конце линии.

— Я возвращаюсь в Лондон... — я делаю глубокий вдох, а потом говорю так быстро, как могу, — с Кингстоном. Его бабушка там, и возможно там не все в порядке, и он... он нуждается во мне. И он мне нужен, пап. Я хочу поехать туда, чтобы быть рядом с ним и Джерардом.

— Думаю, все будет хорошо. — *Он... согласен? Так просто?* — Господи, Эхо. Тебе действительно нужно научиться ладить со временем, у твоего старика чуть сердечный приступ не случился, — я слышу, как он успокаивает мою маму. — Она просто меняет маршрут и все. Бабушка Кингстона больна.

Я буквально убираю телефон от уха, проверяя, набрала ли я правильный номер, а затем, ошарашенная, прикладываю телефон обратно к уху.

— Так... все нормально? Вы говорите «да» и не злитесь?

— Малышка, я признаю, что слишком долго оберегал тебя, возможно даже немного защищал. Но теперь эта часть моей работы выполнена. И только посмотри, ты превратилась в прекрасную молодую женщину, которой я теперь полностью могу довериться, черт возьми, я больше не могу удерживать тебя и твоего ухажера, как и твой дедушка не мог в свое время удерживать меня подальше от твоей мамы. Да, я и не хочу. Кингстон — хороший парень, и я знаю, что он сделает тебя счастливой. Это все, что я когда-либо хотел, Эхо, чтобы ты была счастлива.

— Я счастлива папа — больше, чем можно. Я... люблю его.

Никогда не думала, что буду разговаривать со своим папой по душам. Скажу ему, что влюблена в парня, который месяцами жил вдали от меня, и кого подозревали в поджоге? Офигеть.

— Я догадался уже. Ах, черт, твоя мама сейчас плачет. Это все, дорогая? Тебе, наверное, стоит уже бежать.

— Люблю тебя, пап. Очень сильно. Спасибо. — Мне удастся вымолвить это, несмотря на то, что из моего носа начинает течь из-за предстоящих слез.

— Я тоже люблю тебя, доченька. Будь осторожна. И постарайся позвонить *снова*, черт побери.

— Есть, сэр.

Я отключаюсь, и снова проверяю телефон, чтобы удостовериться. *Святые небеса! Этот разговор действительно состоялся.*

И с новой силой, поддержкой и одобрением, которых никак не ждала от своего отца, я могу сосредоточить всю свою энергию на том, чтобы помочь Кингстону, когда он больше всего будет во мне нуждаться.

Объяснения Кингстона и дальнейшие инструкции группе проходят быстро, его стремление попасть домой, очевидно.

Я пользуюсь моментом и обнимаю Натали. Наше прощание слезное и полно обещаний о том, чтобы оставаться на связи в дальнейшем. Конечно же, я понимаю, что она просто уступает и уверяет меня, что все в порядке, особенно сейчас, когда ее дружба с Бриджет только начинается.

А затем Кингстон и я садимся в такси, направляясь в Лондон. Он тихий, чем обычно, в своих мыслях, но крепко сжимает мою руку во время этой длительной поездки. Он спросил, не хочу ли я перекусить, и я сначала отказалась, не желая откладывать наш приезд.

Но после почти четырех часов в пути, я уже настаиваю, чтобы мы остановились перекусить. И я немного смущена, когда тороплюсь вернуться в машину, чтобы обнаружить, что он захватил мне несколько бутербродов.

Поездка была долгой и тихой, но никакого дискомфорта. И в эту минуту, когда мы уже подъезжаем, его облегчение — и срочность — ощутимы.

Кингстон почти не ждет, когда машина остановится на подъездной дорожке, он открывает дверь и выскакивает, и даже не предлагает мне свою руку, чтобы помочь. Я быстро двигаюсь, выбегаю из машины и ускоряюсь, чтобы не отставать от его быстрых шагов внутрь.

— Отец, мы дома! — кричит он, его голова вертится со стороны в сторону, когда он хватается за меня и тащит через две комнаты. — Отец?

— Иди сюда, сынок. Мы на веранде.

Мы вбегаем туда и находим... Джерарда и его пожилую маму, наслаждающихся вечером и чаем.

— Эхо, — Джерард встает, сжимая мои плечи и целует меня в обе мои щеки. — Какой чудесный сюрприз. Мама, это...

— Ох, я знаю кто она, и какое чудное создание. Иди сюда, милая. — Она похлопывает по подушке рядом с ней. Я в восторге от представленной мне возможности встретиться с Эхо моего Кингстона. Я много слышала о тебе, молодая леди.

— Ба, — говорит Кингстон, его голос удивленный. — Ты просто так приехала? Разве ты не...

— Сплюнь, — цыкает она ему. — Я тут уже весь день отдыхаю.

— Ба, что сказал доктор Морган? Что-то не так? Он знает, что ты здесь?

Она поднимает руку, покачивая головой. — Я закончила говорить о врачах и обо всем, что касается их. Почему бы вам, мальчики, не пойти в другое место и не пообсуждать что-нибудь, хорошо? — Когда она не получает ответа, она машет мужчинам выйти. — Идите же, вы оба.

— Но, ба...

Я должна удержаться от хихиканья ужасного выражения на лице Кингстона, он ошеломлен, словно его отвергли.

— Мой дорогой мальчик, ты же не собираешься вести спор со старой, умирающей женщиной, а?

Теперь я знаю от кого у него такой изгиб бровей.

— Конечно, нет, — он слегка хихикает, его настроение улучшается, несмотря на то, что он немного смущен. — Могу я сначала обнять тебя, перед тем как уйти?

— Нужно, — она подразнивает, улыбаясь, раскрывая свои объятия.

Когда он наклоняется, чтобы обнять ее, она закрывает глаза... и слегка нюхает, словно пытается его запомнить.

— Спасибо, что приехала домой. Я бы сказал, что это не стоило делать, но поскольку ты стала причиной приезда этой девушки, то я не возражаю. А теперь я пошел.

— Давай, сынок, — Джерард похоже доволен ситуацией, в его взгляде застыло веселье, когда он смотрит на свою маму. — Пусть посплетничают.

Пока, говорю я одними губами Кингстону, помахав ему.

Я не врач, но женщина рядом со мной кажется какой угодно, только неумирающей. Она остроумна, приятна и красива так же, как и ее внук, который ее обожает.

Мы говорили о разном в течение часа. Она рассказывала мне бесконечные истории о Кингстоне... после того, как она закончила допрос с пристрастием, который, судя по ее улыбкам и кивкам, я прошла.

И затем серьезные нотки начинают витать в воздухе, когда она берет обе мои руки, крепко сжимая их, пока говорит дальше.

— Когда мой мальчик приехал ко мне прошлой осенью, после его пребывания с тобой, он был... на себя не похожим. Я полагаю, что лучшее слово, чтобы описать это «убитый горем». Понимаешь, Эхо, в этой семье мы влюбляемся только один раз, быстро и безоговорочно. Кингстон тебя любит. Я сразу это поняла, хотя он еще этого не осознавал, и он будет любить тебя всю оставшуюся жизнь.

Я хочу сказать ей, что чувствую то же самое и к нему, но не решаюсь, не знаю, как это сделать.

— Любовь — такая прекрасная вещь, ты же знаешь. Она не всегда легка — мы все всегда оступаемся, но жить с тем, кого мы ценим и любим, намного лучше, чем без этого.

Я согласна, возможно, я молодая и наивная, но у меня нет возможности ответить.

— Я скоро умру, — произносит она, глядя на роскошный сад. — Я не смогу помочь ему обрести какую-либо надежду или свет, если ты не чувствуешь того же к нему. Поэтому скажи честно, барышня, пока еще у меня есть время, нужно ли мне говорить с моим дорогим мальчиком. Пожалуйста.

— Миссис, эм... простите меня, Леди Хоторн, я...

— Можешь звать меня Поппи, дорогая.

— Ох, спасибо. — Я нервничаю. — Поппи. Какое красивое имя. Цветок... он означает «мир», правильно?

— Отчасти, да. Также говорят, что он представляет собой вечный сон.

Она внимательно следит за моей реакцией на слова.

— Но... вы так прекрасны и энергичны, — выпаливаю я, нарушая границы без забот. — Вы выглядите здоровой... на самом деле удивительной. — Я улыбаюсь ей, сравнивая каждую ее особенность с его, и нахожу, и восхищаюсь сходством.

— Ты слишком добрая, но женщина моего возраста знает, когда пришло время разобраться в ее вопросах. Все что у меня есть — это Кингстон; мое поместье в Шотландии — его любимое место в мире. Он надеется поделиться им с тобой, Эхо. Так что, пожалуйста, ответь на мой предыдущий вопрос, чтобы я смогла обрести мир в душе, о котором ты говорила.

— Все в порядке?

Кингстон появляется, неся чайник, который он использует, чтобы наполнить чашку своей бабушки. — Любовь моя, тебе налить?

— Нет, я не хочу, но спасибо, — я попадаю в ловушку его взгляда и пытаюсь изо всех сил передать ему взглядом, что не стоит так переживать, потому что его бабушка прекрасный человек, и если я ошибаюсь, я всегда буду рядом.

— Хорошо, я тогда пойду, — он смеется, выходя из комнаты, и я хихикаю, когда поворачиваюсь, чтобы увидеть, как его бабушка посылает ему сообщение своим выражением лица. — Наверное, к черту этого любимого внука.

— Я попросила его уйти только потому, что он упертый как баран, — хихикает Поппи, когда он уходит. — Ну, и вот я получила ответы на мои вопросы, дорогая.

— П-правда? — возможно, ее ясность приходит и уходит, к сожалению, потому что знаю, что я ей вообще ничего не ответила.

— Зачастую не только нашими словами можно что-то выразить, дорогая девочка. Ты смотришь на моего Кингстона так же, как я смотрела на своего Оливера... так же, как Миранда смотрела на Джерарда. И теперь я обрела мир. Я так рада, что ты приехала, чтобы я смогла убедиться лично. Будь счастлива, милая Эхо. Будь любима. А любовь в свою очередь, глупая и бесстыдная, да?

— Да, — с тоской соглашаюсь я. — Я определено смогу это сделать.

Я вежливо извиняюсь, надеясь, что с ней все будет хорошо.

* * *

После обеда мне снова показывают комнату Кингстона — на этот раз сам Кингстон.

— Твои сумки уже наверху, но я уверен, что ты найдешь несколько новых вещей, которые ты могла бы найти, порывшись в комод. Сладких снов, Любовь моя.

Он нежно меня целует у двери, затем поворачивается, чтобы войти в комнату напротив.

— Мне понравилась твоя бабушка, — говорю я быстро. — Она чудесная.

Он оглядывается через плечо, ослепив меня красивой улыбкой. — Ты ей тоже понравилась, я знал, что ей когда-нибудь удастся встретиться с тобой. Я доволен, что она это сделала.

— Я тоже, — я делаю долгую паузу. — Доброй ночи, Кингстон.

— Сладких снов, любимая.

Я вхожу в комнату и закрываю за собой дверь, спеша, чтобы найти свой телефон. Я звоню своему отцу, как и обещала, и уверяю его, что мы нормально добрались. Он счастлив, когда отключается, ну а я в свою очередь, счастлива, что вспомнила о звонке.

Подхожу к комоду и открываю ящик, задыхаясь от страха, что может в нем находиться. Он, должно быть, отправил одного из сотрудников в магазин. Я выбираю розовый шелковый топ и шорты — мой любимый набор, его любимый цвет на мне — и отправляюсь принять горячий душ, чтобы покончить с долгим днем.

Я не знаю, почему это продолжает меня потрясать; человек снова и снова доказывал, что он может сделать все что угодно. Но, тем не менее, я приятно удивлена, каждый раз, когда вижу это.

На дверях душа появляется послание, которое держится благодаря пару.

Сегодня ночью, мы разделим одну кровать. Приходи ко мне.

Это та часть, где я должна быть ошеломлена, потому что знаю, без сомнения, две вещи: первая, если я не пойду к нему, он придет ко мне. И вторая, что может произойти, когда он *придет* ко мне. Но меня это не шокирует.

Вероятно ситуация не пойдет так далеко, потому что его отец и бабушка находятся в этом громадном доме, но я стараюсь не думать об этом.

Нет, единственное, что я делаю, торопливо принимаю душ... чтобы пойти к нему.

* * *

Я не стучу — вполне возможно, это единственный «смелый» ход, который я делаю — и тихо закрываю за собой дверь.

Он уже в постели, лежа на боку, приподняв голову одной рукой, наблюдает за мной. Он оценивает меня; каждое мое мелкое дыхание, прикосновение зубов к моим губам, и вопрос, застывший в моих глазах — все под его контролем.

Его пристальный взгляд сканирует мое тело, медленно соблазняя каждую часть, к которой он прикасается. И когда я дрожу, его выражение становится серьезным, показывая мне, что он упивается своим влиянием на меня.

Своей свободной рукой, он откидывает одеяло, обнажая свою голую грудь.

— Иди сюда, любовь моя, — говорит он, низко и хрипло.

- Кингстон, я...

— Тебе нужно прекратить думать и залезть в эту кровать, — прерывает он рыком.

Мои ладони потеют, каждое глотание выходит через силу, и мой пульс громко стучит в моих ушах. Но мне как-то удается шагнуть вперед одним крошечным, утомительным шагом в то время, пока я не оказываюсь по другую сторону кровати.

Я вскакиваю, дергаю покрывало и переворачиваюсь на бок, к нему спиной, все в одном движении. *Почти тоже, что сорвать лейкопластырь.*

Он подвигается ко мне, обняв меня за талию и уткнувшись лицом в шею.

— Мммм-хмм, — гудит он напротив моей кожи. — Наконец, ты и я, в одной кровати, на всю ночь. Абсолютно стоит ожиданий. Сладких, малышка.

Он целует меня в шею, затем двигает головой, чтобы лечь на подушку рядом со мной...

Спать? Не так я все представляла, и он словно прочитал мои мысли или мой язык тела, или и то, и другое, потому что я не только слышу, но и чувствую его слабый смешок.

— Что-то не так? — спрашивает он.

— Нет, ночки! — я не хотела отвечать, поэтому мысленно ругаю себя.

Я пытаюсь успокоиться и просто успокоить нужду, воображаемое ощущение касания наших тел, тепло его упирающейся голой груди в мою спину, его тяжелое дыхание, синхронизированное с моим, вес его руки. Но я слишком заведена для того, чтобы расслабиться.

И он никого не обманет своим притворными «сладких снов» словами. Я могу ощутить его долгое томящееся ожидание, твердое и нетерпеливое напротив моей попы.

Он серьезно ждет от меня первого шага? Он знает меня очень хорошо. И что

случилось с альфа-самцом, к которому я наконец-то готова?

Прежде чем я выпускаю свой расстроенный вздох, его ожесточенное требование заводит меня сильнее.

— Перевернись и посмотри на меня.

Я переворачиваюсь, но мне помогает его сила, и вот я уже на спине, его тело теперь поверх моего. Он смотрит на меня, глаза пылают страстью.

— Одно слово, и я сделаю это, малышка. Ты сможешь забыться и просто наслаждаться, больше не копаясь в мыслях. — Он упирается своим лбом в мой, пробегаясь своими губами по моим. — Одно простое слово.

Незнакомым мне ранее голосом, я даю нам двоим то, что мы так хотим.

— Да.

Его губы кривятся в хищном удовлетворении, его серые глаза наполняются победой.
Игра окончена, жертва схвачена.

— Да, — повторяет он, ища в моих глазах отблески сомнения... которого он не находит.

Как и было обещано, он берет полный контроль, и я впадаю в состояние чистой покорности, следуя его молчаливой команде.

Он начинает с поцелуя настолько глубокого, медленного и замечательного, что я уверена, он ощущает мою капитуляцию. Его руки скользят по моим рукам, только чтобы затем поднять их над моей головой.

— Держи их там для меня, — рычит он.

Затем он немного поднимается, чтобы посмотреть как он постепенно, мучительно скользит по моему животу, груди и наконец, к моей голове.

Он стонет, одобряя. — Совершенная.

Мои соски твердеют, а кожа пульсирует от его блаженных прикосновений. Каждый инстинкт говорит мне прикрыться, поскольку я намного уязвимее, чем когда-либо в своей жизни. Но он говорит то, что мне нужно услышать.

— Женщины думают, что они понимают мужчин, — его взгляд скользит по его рукам, скользящим по моему животу, который дрожит под его прикосновениями. — Вот почему ты задумалась над тем, что у меня в голове. Ты прикидываешь, сравниваешь... достаточно ли сексуальна?

Он продолжает изучать каждый дюйм моей обнаженной плоти, дразня мои соски, которые слегка подпрыгивают от моего неровного дыхания.

— То, что ты не знаешь, что самцы очень — первобытные существа, они знают все о своей паре с той минуты, как только видят ее... — Он опускает голову, кончик его носа скользит по моей коже. — Нюхают ее. И когда они заявляют на нее права, она становится их, навсегда.

- Кингстон, — шепчу я от нужды, бесстыдно изогнув спину на кровати, чтобы подтолкнуть к нему грудь.

— О, я знаю, малыш. Скоро, очень скоро. — Его язык скользит, сначала теплое, мокрое прикосновение заставляет меня выгнуться и выпустить крошечный всхлип.

— Ты должна понять, что в моей голове нет никого кроме тебя, и никогда уже не будет.

— Это тоже мой первый раз — мой первый раз, когда я когда-либо занимался любовью, и единственный раз, когда я когда-либо буду любить, — продолжает он. — И не потому что мне приходилось ждать, или какой-то мусор, вызванный проблемами, а потому что это ты... как и всегда должно было быть. Я ясно выражаюсь?

— Да...

— Хорошо. Я закончил говорить.

Его резкое предупреждение не успевает задержаться, когда он втягивает одну из грудей своим ртом, чтобы создать потрясающий шквал эмоций, который я когда-либо ощущала.

Я не могу не извиваться под напором страсти, но он быстро хватает меня за бедра и удерживает на месте. Он неустанно сосет, покусывает плоть, беря больше в свой рот. И все это время, его горячий талантливый язык ударяется об кончик моего соска.

— Ох, мой... Кингстон... — стону я. Моя голова запрокидывается назад, а глаза закрываются. Я не могу больше этого терпеть, мне нужно схватить его за волосы.

Он рычит, но не останавливается, переключая свое внимание на другую грудь и снова возобновляя восхитительный процесс пожирания. Мои руки танцуют на его плечах, руках и

спине, каждая напряженная мышца выгибается при моем прикосновении.

— Больше... еще, — я задыхаюсь, умоляя его.

Его довольный смех вибрирует на моей груди, затем он целует мою грудь и шею, чтобы добраться к моему ушку.

— Я еле сдерживаюсь, Любовь моя, потому что не планирую пройти мимо хоть одной из частей тебя, — я дрожу от его предупреждения и *чувствую* его веселую усмешку. — Грудь такая же восхитительная, как и ты — нетронутая, и вся моя — заслуживает восхищения. Ты согласна?

Я громко сглатываю и беззастенчиво киваю, стону, когда он вдавливаясь своей твердостью в меня.

Он больше ничего не говорит, прокладывая дорожку вниз по моему телу... а затем он стягивает мои шелковистые шортики и трусики с моих трясущихся ног. Мне так хочется прикрыться, плотно и сильно, но и расслабиться одновременно, я запуталась. Но он, должно быть, чувствует мое беспокойство, потому что внезапно останавливается.

— Эх, любовь моя, посмотри на меня, — говорит он сладко и грустно. Когда он ловит мой взгляд, он пробегается пальчиком по моей щеке и добавляет: — Я люблю тебя, безумно. Я никогда не оставлю тебя и не отпущу снова. Ты в этом сомневаешься? Или просто нервничаешь?

— Н-нервничаю, — заикаюсь я, бессмысленно шепча.

— Не нужно, — он усмехается, плотское желание появляется в его глазах. — У меня есть все намерения позаботиться о тебе. Ты мне доверяешь?

— Да.

— Хорошая девочка.

Его палец медленно прокладывает путь, чтобы присоединиться к другой его руке. Он пытается взглянуть на меня, но замирает не в силах устоять от увиденного.

— Христос, Любимая, — стонет он, когда я полностью лежу перед ним обнаженная, облизывая нижнюю губу. Он ласкает мои ноги и бедра, затем нежно разводит их в стороны.

Я закрываю глаза, взволнована тем, что он там увидит. Низкий гул вырывается из глубины его груди и, без предисловия, он касается меня — там — палец легко скользит по моей влажности.

И тогда мои глаза открываются в шоке, потому что я знаю этот звук.

Боже мой, он...

Он сосет свой палец, в его глазах пляшет веселье, когда он видит мою реакцию.

— Ты даже не представляешь, что со мной делаешь: твоя невинность, чистота, которая будет только моей. — Его голос настолько жесткий, что это почти страшно.

Он снова раздвигает мои ноги, намного шире. На это раз, он ложится на живот, его рот атакует меня, словно изголодавшийся.

Я выгибаюсь дугой на кровати, пронзительный крик пронзает воздух. *Святые угодники!*

Он поедает меня, его соблазнительное мурлыканье заполняет мои барабанные перепонки. Перед глазами появляются искры, и постепенно нарастающий трепет, несравнимый ни с чем другим, с которым я сталкивалась раньше, отдается в моих пальчиках на ногах. Его чертовски горячий рот, покрывающий всю меня, посасывая, щипая, и расслабляя, в то время как его язык входит и выходит с моей сердцевины, иногда задевая мой клитор. Затем, он повторяет это снова и снова.

Я не могу этому противиться, да, и не хочу. И вскоре, я начинаю хныкать и дергать его

за волосы, но при этом удерживая его голову *прямо там*. И я начинаю плыть, пульсируя изнутри с самым большим всплеском поднимающегося экстаза, который только можно вообразить.

И только когда я думаю, что все кончено, новая волна ударяет еще сильнее. И на этот раз мой оргазм исходит откуда-то гораздо глубже — ощущение полного тела столь же сильное в моих ногах, желудке и даже *волосяных фолликулах* на моей киске.

Несмотря на мою хватку на его волосах, он поднимает голову. И к моему собственному изумлению, я смотрю на него снизу вверх, совсем не смущаясь. Вместо этого я чувствую себя ближе к нему, чем когда-либо считала возможным.

Понимание проходит молча между нами, и он встает, чтобы встать рядом с кроватью.

Я смотрю, словно зачарованная, когда он снимает свои боксеры. Затем он замирает, позволяя мне насладиться им в полной мере и оценить мою реакцию.

Он прекрасен... завораживающий. Раньше я видела только его грудь — широкую, изящную часть совершенства, но я всегда задавалась вопросом, куда приведет эта темная линия волос, накачанный живот с кубиками...

И полностью вставший, гордо-выглядывающий-из-под-него, угрожающе-выглядящий член. Мне не с чем сравнивать, но я понимаю, что он длинный и толстый, поэтому знаю, что боюсь не зря.

Я все еще наблюдаю, как он открывает ящик тумбочки и достает пакетик из фольги. Он использует свои зубы, чтобы разорвать его и слегка поворачивается, давая мне прекрасный вид, услышав меня, как я молча умоляла, чтобы он развернулся и надел презерватив передо мной.

И вот он, смотрит на меня, с обезоруживающим трепетом и обожанием... ожидая, когда я дам ответ на его невысказанный вопрос.

Я раздвигаю ноги и развожу руки, приглашая его.

Одним плавным, хищным движением его тело оказывается на мне, и я чувствую, что твердый кончик его члена упирается в мой вход. Наше дыхание сплетается, когда наши взгляды становятся одним целым, и связь, которую мы всегда разделяем, находится на волоске от реальности.

Эмоции, настолько сильные, что они не могут быть под контролем, и слетают с моего рта хриплым ропотом.

— Я и тогда тебя любила, — признаюсь я. — Я никогда не переставала... даже имея сомнения, которые у меня были. И я люблю тебя сейчас. И навсегда.

— И я тебя люблю, Любовь моя. Клянусь, это будет последний раз, когда я сделаю тебе больно.

Мои брови взлетают вверх в замешательстве, и он улыбается, теплой и любящей улыбкой.

— Сделай глубокий вдох, — мягко инструктирует он меня, и когда я выдыхаю, он толкается в меня.

— Твою мать...

Его рот заглушает мой крик томным поцелуем, который кажется бесконечным, прекрасно отвлекающим меня, пока ноющая боль не стихает, и мое тело расслабляется.

— Лучше? — спрашивает он, звуча обеспокоенно, но выглядит самодовольно и вполне уверенно... время для шутки.

Я шатко киваю, но слегка прищуриваю глаза. — Так не по-джентельменски получать удовольствие от моей боли.

— Я козел, — говорит он, целуя меня в шею. — Признаю это. Но самый счастливый козел в мире. Ты, наконец-то, стала полностью моей.

И он начинает двигаться, с начала медленно, нежно скользя внутри меня. Его дыхание сбито, когда он шепчет мне успокаивающие слова на ухо, заботясь обо мне.

Но когда мои руки спускаются по его спине и хватают его за упругую круглую задницу, толкая его глубже в меня, его дикое рычание — единственное предупреждение, которое я получаю. Его толчки становятся безумными, интенсивными и жесткими, его рот клеймит мою грудь резким укусом болезненного удовольствия.

— Ах, *черт возьми*, Любимая.

Он откидывает голову и издаёт длинный стон, его тело напрягается под моими руками, и его длина дергается во мне. Затем он приваливает меня своим весом и зарывается лицом в шею, его горячее быстрое дыхание опалает мою гиперчувствительную кожу. Мои руки продолжают блуждать и тереться об него, запоминая каждый дюйм его спины, задницы и рук, пока он переводит дыхание.

— Не шевелись, — ворчит он через несколько минут, покинув меня и кровать, чтобы пойти в ванную. Но затем он тут же возвращается, вручая мне небольшой стаканчик с водой и две таблетки.

— Возьми. Тебе будет больно утром.

Я не спорю. Мне уже больно.

Когда я проглатываю их, он ставит стакан на тумбочку, выключает лампу и ложится обратно рядом со мной. Я обвиваю его тело, его большая рука покоится на моей подушке.

— Гм, Кингстон? — бормочу я.

— Мм?

— Мы будем спать голыми?

— Ты правда думаешь, что я сделаю что-то еще? — смеется он, хватая мою попку одной рукой. — Я не стану брать тебя еще раз этой ночью, но я буду чертовски ласкать тебя где угодно. Хочешь попробовать возразить?

Я кусаю губу и улыбаюсь. — Нет.

— Хорошо. Теперь, — говорит он, целуя мою голову, — сладких снов, Любовь моя.

И я засыпаю... без снотворного.

Проснувшись на следующее утро, я снова могла вспомнить свои сны. Но на этот раз они были не просто желанием моего сердца найти жизнь во сне. Картинки, которые крутились всю ночь в моей голове, были воспоминаниями, мой разум продлевал радость каждого прикосновения, поцелуя, слов, произнесенных шепотом и толчков его тела в мое.

— Утречко.

Его сексуальное приветствие раздается над ухом, когда он целует мою шею, и я чувствую, как его рука сжимает мою талию. — Как ты себя чувствуешь?

— Любимой, — выдыхаю я счастливо, извиваясь в его объятиях. — А ты как себя чувствуешь? — Невзрачный вопрос, возможно, учитывая, что это не его первый раз, но все же мне нужно услышать ответ.

— Счастливым.

Я смотрю на него через плечо, и то, что я вижу, заставляет мое дыхание задержаться в легких от осознания. Его утренний шепот, эта сонная улыбка... Я хочу, чтобы каждая из них, принадлежала только мне на всю оставшуюся жизнь.

Знаю, что должна чувствовать себя глупо — слишком молодая, влюбленная дурочка, однако это так далеко от истины. Я никогда не стану стыдиться своих чувств к Кингстону, я никогда не буду бороться с этим снова. Любая битва, которой я буду противостоять, будет заключаться в том, чтобы защищать то, что мы имеем против любого, кто осмеливается преуменьшить или опровергнуть это... и да, я больше всего боюсь, что это будет мой папа.

Я люблю Кингстона, и всегда буду любить. И хотя мой папа сказал, что он понял, и позволил мне остаться с Кингстоном во время его горя, я не знаю, как долго продлится его снисхождение дальше. И пока я не могу предсказать, что будет в будущем, уверена в одном — я больше не потеряю Кингстона.

Разве это не грустно, как жизнь... общество... *да что угодно*, поучает нас? Когда что-то оказывается слишком хорошим, чтобы быть правдой, все быстро говорят: «Подумай». Но когда что-то действительно вдохновляющее и чудесное, каждый сомневается в этом — или, в лучшем случае, не ценит это, как следует.

И все же, трагичные любовные истории продолжают удерживать рекордные кассовые сборы каждые выходные. Стоит только попробовать.

Но я отказываюсь соблюдать правила. Я буду верить всем сердцем, верить всем своим духом, с гордостью размахивая этим причудливым флажком.

Мы не торопясь, наслаждаемся своим новым статусом наших отношений с томными поцелуями. Наши непослушные руки бродят по нашим телам, и мы говорим ласкающие слова против теплой кожи.

Я знаю, что он сдерживается, боясь, что мне будет больно, и это на самом деле так, но блаженное возбужденное состояние заставляет меня приблизиться к тому, чтобы снова попросить его внутри себя — любить меня, медленно и нежно — когда в дверь кто-то стучит.

— Мистер Хоторн? — незнакомый голос раздается за дверью. — Простите меня, сэр, но вам нужно срочно спуститься вниз.

— Спасибо, Барклай, — громко отвечает Кингстон, поднимаясь с кровати.

— Это бабушка, — волнуясь вслух, говорит он, когда быстро одевается.

— Подожди меня.

Я хватаю одеяло и пробегаю по коридору, мимо Баркляя, скромность — самая далекая вещь в моем разуме. Я должна добраться до своей одежды, которая все еще находится в моей комнате, а затем спешу обратно к Кингстону.

Я быстро одеваюсь, заплетая свои волосы, и брызгаю водой на свое лицо, делая все возможное, чтобы бесстыдно не «объявить» его семье, как мы провели прошлую ночь, потому что я почти уверена, что выгляжу совершенно растрепанной.

Мы встречаемся в коридоре, соединяя наши руки, прежде чем спуститься вниз в комнату, где находится Поппи.

Она бодрствует, ее глаза открываются, излучая радость, а Джерард сидит у ее постели.

— Бабушка, — голос Кингстона дрожит, когда мы медленно приближаемся к ней, и он ускоряет наш темп. — Что случилось? Что я могу сделать?

Она улыбается, красивые морщины ее возраста, любви и мудрости углубляются на ее лице, когда она отвечает слабым голосом: — Идите сюда.

Для нас уже стоят два стула. Я занимаю один, но Кингстон садится на ее кровать, рядом с ней. Я смотрю на Джерарда и замечаю покрасневшие глаза, выдавливая слабую улыбку, передающую то, на что я надеюсь, понимание и комфорт.

— Мой дорогой мальчик, — она протягивает бледную, дрожащую руку. Кингстон накрывает ее своими руками, и подносит к своей щеке, потираясь об нее. — Ты всегда занимал особое место в моем сердце, с того самого момента, как появился на свет. И теперь ты занимаешь самое важное место в другом сердце — кого-то настолько же искреннего и доброго — той, на которую я собираюсь тебя оставить.

— Бабушка... — умоляет Кингстон шепотом.

— Теперь я могу уйти с миром, — она выглядит довольной этой мыслью, когда говорит.

— Нет! — паникует Кингстон, качая головой. — Отец, сделай что-нибудь! Где врачи? Лекарства? Кислород? Помоги ей!

Джерард издаёт скорбный вздох, который заставляет мое сердце болеть, опустив голову. — Я был бы рад, но...

— Но я не хочу этого, — говорит Поппи со всей силы. — Я жила, любила и увидела здесь все. Теперь я готова увидеть своего творца и моего мужа. Я так скучаю по нему. Я не хочу сражаться, я не хочу убегать. Поэтому посиди со мной и поведай мне свои планы — все счастливые вещи, за которыми я буду наблюдать издалека.

Я слепо забираю одну руку Кингстона у бабушки, и не отпускаю ее весь день, пока мы сидим и разговариваем с Поппи обо всем, о чем только можем придумать. Даже когда персонал приносит обед и чай, я обхожусь одной рукой, отказываясь отпустить его.

И когда начинает темнеть, я извиняюсь и выхожу под предлогом дамской комнаты... но не возвращаюсь. Назовите это интуицией или осознанием, исходя из того, насколько медленные получаются ответы у Поппи — ее шепот становится хриплым, ее дыхание неровное — и я понимаю, что ее время на исходе.

Я иду в свою комнату и звоню домой, отвечает мама. Я объясняю ей, что происходит, и ее плач присоединяется к моему.

И затем я делаю то, что подтверждает мой неизвестный срок перебивания здесь. Я не только не прошу поговорить с отцом, но я вообще ничего не спрашиваю.

— Мам, я остаюсь здесь... до тех пор, пока буду нужна. Я не оставлю его одного.

— Конечно, дорогая. Я ничего не ожидала иного. Я люблю тебя, Эхо, и я так горжусь

тобой. Всегда гордилась.

— Знаешь, — продолжает она, тихо посмеиваясь, — иногда у меня возникало такое ощущение, что за эти годы я не была нормальной мамой тебе. Но как только вина была признана, это чувство исчезло, потому что я поняла, ты никогда не требовала много моего внимания как матери. Ты всегда была мудра не по годам, уверена и сильна в своем молчании. Ты любишь Кингстона, и это делает его поистине счастливым мужчиной. Потому что моя дочь серьезно относится к любви.

Я стараюсь не всхлипывать. — Спасибо, мам, за доверие мне. Я люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю. Будь сильной для него, Эхо, и дайте нам знать, если тебе что-нибудь понадобится.

— Конечно. Люблю тебя, — говорю я, перед тем как отключится.

Я встаю, затем сажусь и повторяю то же самое снова, я застряла с моей необходимостью быть там для Кингстона и его потребностью провести время наедине с семьей.

— Мисс Эхо?

Моя голова поворачивается, и я вижу Баркляя в дверях.

— Ваше присутствие требуют внизу.

Я вскакиваю и бегу, не в силах добраться туда достаточно быстро. Если он хочет меня там, мне не нужно ничего большего.

Я уже понимаю, что все закончилось, когда вхожу. Лицо Кингстона уткнулось в одеяло, и его трясущиеся плечи сказали мне, что он плачет. Джерард кажется онемевшим, когда он ни на что не смотрит, его рот плотно сжат, а лицо призрачно бледно.

Он чувствует и переводит взгляд на меня, кивая головой в сторону Кингстона, и я киваю в ответ. Очевидно, рад тому, что я здесь, он покидает комнату.

Я подхожу и кладу руку на спину Кингстона, успокаивая. Он смотрит через плечо и накрывает мою руку своей, и вскоре, он немного успокаивается.

— Она ушла, — хрипит он, и отчаяние в его голосе убивает меня.

— Из тела, но не душа. Она по-прежнему с нами. Присмотрись, Малыш, и ты почувствуешь ее.

Он поднимает голову и поворачивается ко мне, блеск решимости мерцает в его опухших глазах.

— Ты права, Любимая. Она наблюдает, и ей очень бы понравился Малыш. — Он улыбается. Это попытка пофлиртовать, но понятно, что получается с грустью. — Я так рад, что ты здесь.

— Мне бы и не хотелось быть где-нибудь еще. Мое место здесь.

* * *

Следующие несколько дней мрачны, поскольку мы помогаем планировать и присутствуем на похоронах любимой бабушки Кингстона. Я узнала ее только недавно, но ее слова позволили мне увидеть ее душу... и она засела в моем сердце навсегда.

Кингстон тих, скрывает свою печаль, насколько это возможно, благодаря службе и бесконечным посетителям. Он не позволяет мне никуда отходить — словно я бы смогла — и

с готовностью представляет меня своей девушкой всем.

Когда мы легли, наконец-то, в постель в среду вечером, через три дня после ее похорон — моя голова покоилась на его груди, а его губы на моих волосах — он тихо говорил в темноте.

— Любимая, ты была бы ужасно разочарована, если бы мы отложили этот тур в Эбби Роуд, который я тебе обещал?

Я быстро поднимаю голову. — Что заставило тебя подумать об этом? Конечно же, нет. Я все понимаю, это не должно тебя так волновать.

Я нежно целую его в губы, а затем запрокидываю голову назад. — Малыш, не беспокойся обо мне. Делай, что тебе нужно. — Что угодно, что облегчит твою боль. Это все, что имеет смысл сейчас.

— Твоя любовь такая превосходная. Я только мог мечтать об этом, — говорит он. — Я обожаю тебя, Эхо. Ты помогаешь мне пройти через все это. Я не смог бы сделать этого без тебя.

Я поворачиваюсь к нему и покрываю поцелуями его грудь, поглаживая его живот кончиками пальцев. — За что боролся, на то и напоролся, — шучу я. — Ты застрял надолго со мной, Малыш.

— Я упоминал, как мне нравится слово «Малыш»?

— Ага, — поглаживая его грудь, признаюсь я. — Я когда-нибудь упоминала, что млею, когда ты называешь меня «Любовь моя»?

— Тебе и не нужно было — твои большие голубые глаза всегда отвечали мне правдой. В тот первый раз, когда я сказал это.

Следует долгое молчание между нами, мы наслаждаемся компанией друг друга.

И затем, откуда ни возьмись, он совершенно огорошивает меня.

— Сегодня утром я говорил с твоим папой... получил одобрение. — Он поднимает голову и смотрит на меня. — Эхо, я хочу отвезти тебя в Шотландию — в поместье моей бабушки.

Кажется, мой отец продолжает удивлять. Или... может быть, он действительно имел в виду то, что сказал, и действительно понимает, что я чувствую к Кингстону.

— Ты уверен? — Я подпираю голову. — Это будет не скоро?

— Напротив, я не могу не доставить тебя туда достаточно скоро. Ты же знаешь, что я провел там все лето?

— Да.

— Это мое самое любимое место во всем мире, — его выражение лица теплеет. — Я хочу поделиться этим с тобой как можно скорее. И надеюсь... ты полюбишь это место так же, как я.

— Уверенна, что так и будет, — отвечаю я без всяких сомнений. — И если это так важно для тебя, я поеду. Просто скажи когда.

— Завтра, — уверенно отвечает он.

— Тогда хорошо.

Я хихикаю, когда он поднимается и переворачивает меня на спину, накрывая мое тело своим.

— Нуждаюсь в тебе, — стонет он мне в шею, когда его губы целуют меня, лаская ее своими пухлыми губами и искусным языком.

Мне не хватает воздуха, и развожу ноги, чтобы дать ему возможность лечь на меня

полностью.

— Тогда возьми меня.

Он занимается со мной любовью, полностью поддавшись страсти, не оставив без поклонения любое местечко, обращая внимание на каждый мой дюйм, словно я его одержимость. Он возбуждает меня легко и везде, своим ртом, пальцами, а потом уже и его твердым, как камень, членом.

Я метаюсь и выгибаюсь под ним. Затем, по его команде, я оказываюсь на нем, его глаза смотрят на мои подпрыгивающие груди. Он жадно гладит их, и в его груди грохочет сильный рык, пока не приподнимается и не берет одну из них в рот.

— Кингстон... — я громко хныкаю и запрокидываю голову назад, чувствуя, как мой разум растворяется в экстазе.

— Кончи, любимая. Покажи мне, как я могу заставить тебя хорошо себя почувствовать, — рычит он, вбиваясь в меня с дикой силой.

Мой гортанный стон заполняет комнату, так громко, как и его сексуальное ворчание. Чувство покалывания, которое я теперь узнаю, проходит сквозь меня, пока я не начинаю повторять его имя снова и снова, прежде чем, наконец, плюхаюсь на его грудь.

Он гладит меня по волосам и по спине, используя удовлетворенный, но еле слышимым голосом говорит, как сильно он любит меня, мое тело и наш секс с смесью сладких и грязных словечек. Очень скоро он переворачивает мое ослабленное тело, чтобы выйти из меня и помыть.

Это почти последнее, что я помню, перед тем как отключиться. Но я до сих пор слышу его «Сладких, моя любовь», даже в полусонном состоянии, и от этого улыбаюсь.

Ярким и ранним утром следующего дня, Кингстон бежит, упаковывая наши сумки, словно дикарь, а потом стаскивает меня с кровати. У меня возникнет желание бороться за сон или спросить, где пожар, но это самое смешное, что я видела за несколько дней. Поэтому я поддаюсь, сонливая улыбка расцветает на моем лице.

Джерард ждет у входной двери, чтобы увидеть нас перед отъездом, уверяя нас, что он будет в порядке и, настаивая, чтобы мы хорошо провели время. Он обнимает каждого из нас, но мои объятия длятся дольше, позволяя ему прошептать мне на ухо: — Добро пожаловать в семью, Эхо. Я не могу, не гордиться тобой или не быть в восторге. Берегите друг друга.

Я целую его в щеку. — Обещаю. Спасибо за все.

Кингстон ведет меня к ожидающей нас машине и не теряет времени, садясь рядом со мной, командуя водителю ехать в аэропорт.

— Мы полетим? — удивляюсь я.

— Да. Это займет чуть больше часа, в отличие от семичасовой поездки. Ты же не возражаешь, да?

— Нет, — я согласна на все рядом с ним. — Ни за что.

* * *

Полет на частном самолете не долгий, и прежде чем я это понимаю, мы уже приземляемся.

Другой автомобиль, конечно, ждет, чтобы отвезти нас в загородную резиденцию. Наши сумки чудесным образом загружаются до того, как мы садимся на заднее сиденье автомобиля, Кингстон тут же поднимает перегородку и тянет меня к себе на колени.

— Ты взволнована? — спрашивает он, убирая волосы с моего лица и заправляя их за ухо.

— Ага, — отвечаю я с искренним энтузиазмом, но проблеск вины дает о себе знать. Испытывать счастье от того, что ты посещаешь дом умершего человека, как-то немного не правильно.

— Не стоит, — он захватывает мой подбородок между большим и указательным пальцами. — Она сказала, чтобы я привел тебя сюда... посмотрим, понравится ли тебе тут. Нет никакой глупой вины, Любимая. Таково было ее желание, а также мое, поделиться этим с тобой.

— Я так рада, что мне выпала возможность встретиться с ней. И я хочу так сильно увидеть это уютное место.

Я одариваю его небольшой улыбкой, затем отворачиваюсь к окну, чтобы увидеть ту красоту, которую мы проезжаем. Чем дальше в страну мы въезжаем, тем спокойнее я себя чувствую. Пышные, зеленые холмы и, казалось бы, бесконечные деревья любого размера и цвета. Все это откладывается в моей памяти.

И тогда мы останавливаемся. Ждем, когда откроются железные ворота, дыхание покидает мое тело, и я не могу не сдержать вскрика.

— Твоя бабушка была принцессой?

Кингстон усмехается. — Мой дедушка был королевских кровей, ага, но ничего необычного как по мне.

Ничего необычного. Я смотрю на реальный замок! Ни конца, ни края не видно газонам, круглая дорога имеет огромный мраморный фонтан посередине, и есть булыжная тропа, ведущая к большому пруду, дополненному арочным мостиком и плавающими лебедями!

— Там в школе, ты говорил тем девушкам, что не королевских кровей. — Мои широко раскрытые глаза ловят его легкую усмешку. — Ты соврал? И я просто уверена, ты встречался с Королевой!

— Я не королевских кровей. Единственный дед, которого я знал — который был в конце очереди на титул — был вторым мужем моей бабушки, и ее единственной настоящей любовью. И я никогда не встречался с Королевой. — Он открывает дверь и поднимается, протягивая мне руку. — А теперь может, войдем внутрь?

— Ага, — я вхожу, совершенно поражена. — Но только не смей меня оставить, либо я потеряюсь.

Он смеется. — Не переживай. Я планирую стать только ближе к тебе.

Когда мы подходим ближе, открываются большие, богато украшенные двери.

Пожилая женщина выходит, чтобы поприветствовать нас, бросившись долго обнимать Кингстона со слезами на глазах.

— Эхо, это Ровена, — говорит он, вежливо вырываясь с ее объятий. — Она была с моей бабушкой столько, сколько я помню.

— Но теперь, Ровена, пришло время, вознаградить тебя заслуженным отдыхом, — продолжает он, поворачиваясь к ней лицом к лицу. — Все обговорено, и машина будет ждать тебя, пока ты соберешь вещи.

— Сэр? — спрашивает она. — Но кто будет...

— Я настаиваю. — Он тепло улыбается ей. — Пожалуйста, это то, чего хотела бы моя бабушка. Вы так хорошо позаботились о ней, и я... это означает, что вы бы позволили мне вернуть должок.

— Спасибо, сэр.

Она разворачивается и быстро уходит.

— Все для нас, — мурлычет он мне на ухо.

* * *

На следующей неделе или чуть больше, я честно уже теряюсь во времени... в блаженном неведении. Мы с Кингстоном живем в нашем собственном мире, прогуливаемся, устраиваем ужины при свечах на веранде, которые мы готовим вместе, и плаваем на пруду в лодке, которой он управляет своими сильными, мускулистыми руками.

И занимались любовью на его огромной кровати. И на ковре перед его камином. И несколько раз в джакузи.

Одним прекрасным утром, когда мы завтракали на веранде, одетые только в наши халаты, он внезапно бросает свое столовое серебро и отталкивает свой стул.

— Иди сюда.

Больше не стесняясь рядом с ним, я встаю, и бегу к нему, чтобы сесть ему на колени и обнять его за шею.

— Ты кажешься, полностью очарованной этим местом, — говорит он.

— Как можно быть не очарованной? Я хочу остаться здесь, вот так, только мы... навсегда.

— Да? — его тембр падает, как и его голова, и он целует меня в шею, развязывая халат. — Рад это слышать. У нас может все это быть, поэтому мы могли бы делать все, что хотим и не хотим.

Моя голова запрокидывается назад, когда он берет мою обнаженную грудь в рот, скользя двумя пальцами по моей влажности, а затем и в меня.

— Всегда так горячо и уютно для меня, — стонет он.

Я слышу звук разрывающегося пакетика с презервативом, который он где-то спрятал. Я распахиваю его халат, облизывая губы при великолепном взгляде на его тело.

— Ты сделаешь это.

Он протягивает мне презерватив, его глаза горят желанием. Я осторожно надеваю его на его твердость.

— Прими меня в себя, Любовь моя. Опустись на меня, нежно и медленно. Я хочу почувствовать, как растягивается каждый твой дюйм, пока ты смотришь на меня.

Девушка, которая колебалась, давно исчезла. Я жажду Кингстона на всех уровнях, но физически стоит на первом месте в списке.

Поэтому я легко подчиняюсь, поднимаюсь над ним и постепенно опускаюсь на его толщину, удерживая его голодный взгляд своим.

— Моя красавица, — шепчет он, хватая меня за бедра, чтобы заставить опускаться медленней, зная, как я хочу. Мои руки движутся по его груди, чтобы помассировать ее, и он одобрительно мурлычет.

— Ты такая чертовски сексуальная, Эхо. Я люблю тебя вот такой — верхом на моем члене. Такая свободная... берешь, что тебе хочется.

— Кингстон, — выдыхаю я, его слова еще больше меня заводят, моя потребность кончить как можно быстрее невыносима. — Пожалуйста, больше.

— Это то, что тебе надо?

Он сжимает мои бедра, удерживая меня на месте, и двигается до тех пор, пока не ударяется об точку внутри меня.

— Ах, тебе это нравится.

Он делает это снова, и я сжимаюсь вокруг него, и он снова толкается в меня.

— Подожди, — предупреждает он.

Я хватаю его за плечи, цепляясь за его крепкие мышцы, пока он врезается в меня, сильно и глубоко, так быстро и жестко, что струйка пота скользит по его лбу.

— Черт, Эхо, Любовь моя.

Его стоны безумны и неровны. Мы кончаем вместе, и у меня все чернеет перед глазами от удовольствия, когда он содрогается внутри меня, заставляя меня преодолеть тот край, о котором я раньше не знала.

Моя голова падает ему на плечо. Наши обнаженные тела потные и прижимаются друг к другу, наше сердцебиение бьется в один ритм.

Спустя несколько мгновений он целует мое ухо и говорит последнее, что я ожидал услышать.

— Оставайся со мной, здесь — навсегда. Это все теперь мое. Я хочу, чтобы ты здесь жила, и однажды, вышла за меня замуж. Я хочу каждый день просыпаться, видя твою милую улыбку.

— Ч-чего? — я резко поднимаю голову, наполовину ожидая найти выражение на его лице, которое говорит мне, что он шутит.

— Ты меня слышала — и да, я предельно серьезно. — Он нежно берет мое лицо. — Это может стать нашим домом, Эхо. Она завещала его мне и дала четко понять, кем должна быть моя леди этого поместья, о которой я бы рассказал ей, если бы она не знала.

— Я знаю, мы молоды, и соглашусь даже на длительную помолвку, если ты этого захочешь, — продолжает он. *Он реально не шутит.* — Мне может потребоваться время, чтобы заработать благословение твоего отца, без которого я не обойдусь, но тебе решать стоит ли жить со мной.

Я спрыгиваю с его коленей, запахивая свой халат.

— Кингстон мы *только* воссоединились. Думаю, твои эндорфины затмили твой разум. Мне *всего* восемнадцать.

— Я знаю, — спокойно отвечает он, натягивая свой халат. — Позволь мне спросить тебя, ты точно уверена, что любишь меня?

— Да.

— Ты уверена, что я люблю тебя?

— Да, — отвечаю я мгновенно.

Он усмехается. — Ты были уверена в двух этих вещах *перед* сексом и эндорфинами?

— *Да*, — выдыхаю я. — Но...

— Я не закончил. Ты можешь представить себя здесь счастливой?

Я оглядываюсь. Все, что я вижу, это свободные и нечем не обязывающие дни блаженства, окруженные красотой и человеком, которого я знаю, я буду любить вечно.

— Да, — наконец шепчу я.

— Тогда начнем с того, что будем жить вместе. — Он спрашивает меня своими глазами и печально известными выгнутыми бровями. — Что позволь тебе напомнить, мы делали — месяцами. Разве не это залог успеха свиданий. — Он подмигивает.

Он, возможно, немного *ошибается* в своих подсчётах, но, тем не менее, это имеет смысл. Можем ли это сделать? Что насчет моей семьи, колледжа, и будущей карьеры? Как мне справиться с этим деликатным препятствием, не говоря уже о затянувшемся визите за границей?

Это все так потрясающе... но в равной степени соблазнительно.

— Я оденусь и прогуляюсь, — отвечаю я. — Сама.

— Как пожелаешь, — отвечает он с улыбкой.

Я быстро ухожу, прежде чем я смогу оказаться в его объятиях и не рассмотреть реальную перспективу.

Одевшись, я проскальзываю через черный выход, чтобы осознать и взвесить не аргументы, а мысли.

В голове хаос и бессмыслица. В тот момент, когда я убеждаю себя, что это сумасшествие, и я слишком молода, я нахожу, что каждая сказка состоит из героинь, даже моложе меня. Я начинаю перечить, ведь первая любовь почти никогда не приводит к счастливому концу, но что насчет тех вечных историй... где это происходит.

Но это *просто истории*, а не настоящая жизнь. И если реальная жизнь настолько

прекрасна, почему люди читают сказки?

Они также говорят, что лучше впустить в себя обойму пуль, чем это. Неужели нельзя просто сказать, что ты просто никогда не найдешь свою реальную сказку, если у тебя есть шанс? И кто тогда я, только несколько дней назад, мысленно ругала всех скептиков, подстраивающихся под стандарты общества?

Я решаю, что это сводится к тому, что я готова рискнуть, чтобы доказать, что я одна из мечтателей, а не лицемерка, просто рассказывающая оптимистическую философию, о которой понятия не имею — или, в моем случае — касающуюся меня лично.

Но даже большое желание рисковать, сводится к вере — в него — что он ждет меня, чтобы я показала ему. Словно он уже делал это раньше... когда я потерпела неудачу.

Я замираю, чтобы сделать глубокий вдох, столь необходимый вдох и принять решение.

Вроде.

Я возвращаюсь в дом, выкрикивая его имя, мне нужно поговорить с ним, прежде, чем я сорвусь.

Он приходит ко мне, беспокойство читается на его лице. — С тобой все в порядке?

— Да, — шепчу я, поднимая один палец, пока перевожу дыхание. — У меня есть предложение к тебе.

— Что бы это ни было, я согласен.

— Но ты ведь даже не услышал его! — смеюсь я.

— Мне и не нужно. Мой ответ, да.

Это доверие, говорю я себе, моя любовь к нему наполняет мое тело. Этот замечательный, умный, красивый мужчина и весь мой, делающий все, чтобы только сделать меня — нас — счастливыми. Я знаю это, и я верь ему всей душой.

— Ну, тогда... собирай свои вещи, Малыш, и заказывай билеты в Келли-Спрингс, — говорю я.

Он даже не вздрагивает, его рот растягивается в понимающей улыбке. — Будет сделано.

Он вытаскивает свой телефон и направляется внутрь, я не иду за ним.

Ближе к концу моей одинокой прогулки мне становится очевидным, что единственное реальное беспокойство, которое у меня есть, это моя семья. Особенно мой папа — он заварит такую кашу, потому что его отцовская ДНК подскажет ему, что его наставление должно быть долгим, и мне нужно посещать школу в Шотландии. Моя мама будет плакать, но, в конечном счете, согласится со всем, зная, что это меня сделает счастливой.

Но одобрение Себа — вот что главное, потому что он не будет строить из себя обеспокоенного или скептически вести себя, как родитель. Это будет только из-за добрых и разумных побуждений, чистой любви и объективного стремления к лучшему для меня. И если он испытывал то же самое, что и я к Кингстону, он поймет, что я желаю для него того же.

Поэтому, если Кингстон сможет отважиться спросить не только моего отца, но, самое главное, получить одобрение у Себастьяна, я смогу сделать то, что мое сердце уже и так решило для полного счастья.

Все будет хорошо.

В прошлом году я осознала одну вещь, что иногда вам приходится совершать большой страшный прыжок, чтобы достичь бесценного сокровища на другой стороне.

К счастью для меня, я всегда была хороша в воздухе.

Он хлопает, не торопясь, поднимаясь с места, в его серых глазах танцуют тени одобрения. И теперь, когда «мы» стали «нами», я могу беззастенчиво купаться в его восхищении, делая последний оборот и кокетливый реверанс.

— Тебе нравится? — спрашиваю я.

— Я просто влюблен, — отвечает он, подходя ко мне, — ты, и мой танец. Ты просто нечто.

Он хватается меня за талию, осыпая поцелуями мои губы, лицо, и шею.

— Превосходный выбор песни. Не думай, что я забыл, любимая.

Конечно, он помнит. Так же, как и остальное.

Я, наконец, исполнила танец — только для него лично, как и было обещано, пари, которое мы заключили в прошлом. А так же специально для него, я станцевала под песню «Рай» Coldplay и надела одежду ярко-розового цвета, которой он дразнил и соблазнял меня с самого начала.

— Должна признаться, думаю... — я тяну паузу достаточно, чтобы заглянуть в эти сексуальные серые глаза. — Я думаю, что вы с Сэмми были выдающимися сегодня. Лучшее волшебное шоу.

Я смеюсь, такая счастливая, чем когда-либо была, вспоминая лучик гордости, которую мой брат ощутил, когда он и его помощник, наконец, исполнили свой номер вместе.

— Мы были чертовски блестящими, — отвечает он с усмешкой. — Но ты...

Я извиваюсь из-под голодных рук и губ. — Остынь. Пошли, мне нужно принять душ.

— Искушаешь... чертовски искушаешь, Любовь моя, но я пас. — Он пробегает своими большими руками по моим плечам и спине. — Я блин, проспал всю неделю на диване, я не сделал ничего такого, чтобы поменять мнение твоего отца.

Я закатываю глаза и хихикаю. — Ты неисправимый. Я имела виду, что мне просто нужно принять душ — одной.

Это неправда, я думала о том же, и он это знает. Я скучаю по телу Кингстона, любви, но он прав. Мы не рискуем, чтобы мой папа не отказался от его шокирующего заявления, разрешить мне жить с Кингстоном. И это было болезненным ударом в лицо моей мамы, чтобы все это исправить, потому что только одному Боженке известно, что ей нужно сделать, чтобы переубедить его.

Это нормально. У Господа может быть эта тайна, потому что я, если честно, не хочу об этом думать.

Мы идем в дом. Кингстон отпускает мою руку и быстро садится на диван, делая вид, что поглощенный тем, что мой папа смотрит по телику, пока мама готовит обед.

Папа поднимает взгляд и смотрит на меня. — Как ты себя чувствуешь? Прошло время, с тех пор как ты делала это в последний раз. Беспокоюсь о своей малышке.

— Лучше, чем когда-либо, — отвечаю я, улыбаясь. — Как езда на велосипеде.

— Ты скучаешь по этому? — спрашивает он, и пытается избежать этого, его глаза заполняет печаль, которую передает его хриплый голос.

— Есть немного, — я пожимаю плечами, не желая говорить, какую ностальгию испытываю. Мое место всегда было в воздухе, но это не стоит прекращать, только потому, что собираешься переезжать. Моим домом всегда был Келли-Спрингс, с моей семьей — и

это тоже никогда не поменяется.

Они так же говорят: «Дом там, где сердце», а мое сердце принадлежит Кингстону, нашей будущей жизни, которую мы создадим вместе. Поэтому я предполагаю, что это означает, что мне пора принять и осознать тот факт, что мне повезло, что у меня есть два прекрасных дома в этой жизни.

— Достаточно, чтобы остаться? — спрашивает папа, обратно удивляя меня.

— Пап... — тихо хриплю я, чувствуя, как дрожит нижняя губа. Я удерживаю его взгляд, надеясь, что он видит в моих сверкающих глазах, насколько я его люблю.

— Знаю. Но попытка не пытка, — он улыбается мне, говоря тоже, что его любовь ко мне часть скрыта за ширмой дисциплины — в комплекте с громким, командным голосом и сварливо, морща брови — но, безусловно доверяя мне настолько, чтобы позволить мне летать.

— Иди, — он машет рукой и возвращается к телевизору. — Прими душ. И проверь своего старшего брата. Черт, если б я знал, чем он там занимается.

Я тайно улыбаюсь Кингстону, и его выражение лица говорит само за себя. Он знает, что действительно произошло между моим папой и мной, и что это значило для меня.

Я поднимаюсь по лестнице и направляюсь в душ, окидывая взглядом небольшую ванную, пока вода нагревается. Я провожу рукой по стеклянной двери, вспоминая о самой первой записке, которую Кингстон оставил утром после того, как я буквально свалилась на его колени.

Я смеюсь над горьким воспоминанием и понимаю, что это было только начало наших моментов, которые мы создадим вместе. Я никогда не чувствовала себя счастливой, по сути, но как я не могу не испытывать это сейчас?

У меня есть только один человек, которому стоит сказать спасибо, тому, кто начал все это.

Я стучу в дверь спальни моего брата, которая слегка приоткрыта.

Разочаровываясь, когда он не отвечает, я все равно открываю ее и захожу внутрь. Не знаю где его носит, но его здесь нет... и потому что я могу — это привилегия сестры — пошпионить. В конце концов, у меня уже был такой опыт.

Но Себ облегчает мне задачу. Мне даже не нужно рыться в ящике, потому что все, что я хочу видеть, лежит прямо на столе.

Открытки — более дюжины из них, из разных европейских городов.

— Ищешь что-то конкретное?

Его голос пропитан смехом, и я подскакиваю от этого звука.

— Нет, просто, хм... зашла сказать привет.

Я нагло лгу, но он пропускает это мимо ушей.

— И тебе привет. Кингстону понравился танец?

— Ага, он влюбился в него.

— Кто бы мог подумать? — Мой брат хихикает и качает головой. — Моя сестра влюблена. Я рад за тебя, Эхо, очень. Вы заслуживаете друг друга. Отлично дополняете друг друга.

Он прислоняется к стене своей спальни, скрестив лодыжки и руки.

— Значит, ты действительно возвращаешься в Шотландию вместе с ним, да?

Я киваю, слезы появляются в моих глазах.

— И ты останешься там?

— Я останусь там, где останется Кингстон. Всегда.

Он выглядит задумчивым, прежде оттолкнуться от стены. — Иди сюда.

Он разводит руки, и я лечу к нему, закрывая глаза и борясь, чтобы не зареветь. Ничто не может сравниться с объятиями старшего брата.

— Эй, а, ну, не плачь. В том особняке ведь найдется местечко для старшего брата?

Я соплю, но отвечаю: — Конечно. В любое время.

— Эх, — он отступает и смотрит на меня сверху вниз. — Нет смысла грустить. Я буду приезжать. Обещаю.

— Знаю, — я отхожу, вытирая глаза. — Но я хочу, чтобы ты тоже был счастлив, Себ. Никто не заслуживает этого больше, чем ты.

— Я работаю над этим, — он шевелит бровями, изощренно — о, недостаточно для того, чтобы я это так просто пропустила — его глаза падают на кучу открыток, а затем снова на меня.

— Ох, понятно, — отвечаю я. Я усмехаюсь и подхожу к ним, поднимая одну, чтобы потешиться.

— Я догадывалась, что что-то происходит там. Ты и Натали, да? — смеюсь я, громко и сильно, уже представляя это.

Он наклоняет голову в бок, поднимая брови. — Чего ты смеешься?

Я щелкаю языком. — Ох, дорогой братец, ты *понятия* не имеешь во что ввязываешься. Как же тебе это сказать? Нат...

Я ищу правильные слова.

— Необычная. Как поток свежего воздуха. Очень умна. Прямая. — Смеюсь я. — Она определенно не даст тебе заскучать.

Его глаза загораются, и появилась самая большая улыбка, которую я когда-либо видела на его губах.

— Да, я уже понял это и сам... и я наслаждаюсь каждой минутой.

Больше книг на сайте - Knigolub.net